

ВЕСЦІ НАЦЫЯНАЛЬнай АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАВУК. 2018. Том 63. № 1

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2018. Том 63. № 1

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18 мая 2009 г.

*Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор

Александр Александрович Коваленя – академик-секретарь Отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия

В. В. Гниломедов – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)

П. Г. Никитенко – Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)

М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Г. А. Василевич – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В. В. Данилович – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

М. П. Костюк – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

И. В. Котляров – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

А. А. Лазаревич – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

А. А. Лукашанец – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

М. В. Мясникович – Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Д. И. Широканов – Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционный совет

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. И. Васильев** – Академиздатцентр “Наука” Российской академии наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр “Наука” Российской академии наук, Центр исследований книжной культуры, Совет по книгоизданию Международной ассоциации академий наук, Москва, Россия
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- Герд Генчель** – Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
- А. Е. Дайнеко** – Институт мясо-молочной промышленности Научно-практического центра Национальной академии наук Беларуси по продовольствию, Минск, Беларусь
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка Министерства образования Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- В. И. Жук** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- В. П. Изотко** – Минск, Беларусь
- В. А. Ильин** – Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук, Вологда, Россия
- С. П. Карпов** – Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- И. Л. Копылов** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- Е. Миронович** – Белостокский государственный университет, Белосток, Польша
- И. В. Саверченко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- А. А. Сатыбалдин** – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
- А. В. Смирнов** – Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия
- Янг Хiong** – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

*ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
vestihum.belnauka.by*

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2018. Том 63, № 1.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Н. И. Кашиба*

Подписано в печать 16.01.2018. Выход в свет 29.01.2018. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 16,4. Тираж 102 экз. Заказ 10.
Цена номера: индивидуальная подписка – 10,47 руб., ведомственная подписка – 25,45 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2018

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES. 2018. Vol. 63. No. 1

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration No. 394 dd. 18 May 2009

*This journal is included in the List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

Editor-in-Chief

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Academic Secretary of the Department of Humanities and Arts,
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board

Vladimir V. Gnilomedov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Petr G. Nikitenko – National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead editor*)

Yevgeni M. Babosov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Grigori A. Vasilevich – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail P. Kostyuk – Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Igor V. Kotlyarov – Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Anatoly A. Lazarevich – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr I. Lokotko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr A. Lukashanets – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of
Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Council of the Republic, National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Dmitri I. Shirokanov – Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Council

Aleksandr N. Bulyko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk, Belarus

Vladimir I. Vasilyev – Nauka Academic Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Nauka Scientific and
Publishing Centre under the Russian Academy of Sciences, Book Culture Research Centre, Book Publishing Council of the
International Association of Academies of Sciences, Moscow, Russia

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Gerd Hentschel – Institute of Slavic Studies, Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany
Aleksei Ye. Daineko – Institute for Meat and Dairy Industry of the Scientific and Practical Center for Foodstuffs of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University, Minsk, Belarus
Valeri I. Zhuk – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir P. Izotko – Minsk, Belarus
Vladimir A. Ilyin – Institute for Social and Economic Development of Territories, Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
Sergey P. Karpov – Moscow State M. V. Lomonosov University, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Igor L. Kopylov – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Evgeni Mironovitch – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Ivan V. Saverchenko – Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Azimchan A. Satybaldin – Institute of Economics, Science Committee, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrey V. Smirnov – Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yang Xiong – Institute of Sociology, Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

*1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
 Tel.: + 375 17 284-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
 vestihum.belnauka.by*

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

Humanitarian Series, 2018. Vol. 63, No. 1.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
 Computer imposition *N. I. Kashuba*

Signed to print on 16.01.2017. Published on 29.01.2017. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
 Digital printing. Printed sheets 14,88. Publisher's sheets 16,4. Circulation 102 copies. Order 10.
 Number price: individual subscription – BYN 10.47, departmental subscription – BYN 25.45.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
 Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
 distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press No.02330/455 dated December 30, 2013.
 Address : F. Scorina Str., 40, 220141, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
 Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2018

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Наумова Е. Г. Факторы социокультурной динамики общества переходного типа как объект философско-го исследования	7
Зайцев Д. М. Традиционное паломничество в Индии	15
Денисова Н. Ф., Бровчук Н. М. Историческая память белорусов: социологический анализ	21
Гавриков А. В. Становление многопартийности в Республике Беларусь (конец XX – начало XXI века)	33

ГІСТОРЫЯ

Лысенко П. Ф. Туровское княжество (X–XIII вв.)	40
Кошман В. І., Ясковіч Г. С. Колт XIII ст. з археалагічных даследаванняў Свіслацкага замка	50
Жилинская И. В. Англо-советские культурные связи в 30-е гг. XX в.: основные направления	57

МОВАЗНАЎСТВА

Алимпиева Е. В. Вид глагола и способы глагольного действия в русском и немецком языках	69
---	----

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Арёмов Е. В. Основные концепции в живописи Китая 1990-х – начала 2000-х гг.	85
---	----

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Шаладонаў І. М. “Канцэпцыя чалавека” ў мастацка-эстэтычнай прасторы беларускай аповесці XX ста-годдзя	94
--	----

ПРАВА

Арцюшэнка М. М. Адлюстраванне прававога рэгулявання чыгуначных перавозак грузаў у працах беларускіх вучоных	103
--	-----

ЭКАНОМІКА

Тригубович Л. Г. Совершенствование организационно-функциональной структуры управления иннова-циями в Республике Беларусь	112
---	-----

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Уладзімір Васільевіч Гніламедаў (Да 80-годдзя з дня нараджэння)	121
Пётр Георгіевіч Нікіценка (Да 75-годдзя з дня нараджэння)	125

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Naumova E. G. Factors of Social and Cultural Dynamics in a Transitional Society as an Object of Philosophical Study.....	7
Zaitsev D. M. Traditional Pilgrimage in India.....	15
Denisova N. F., Brovchuk N. M. Historical Memory of Belarusians: A Sociological Review	21
Gavrikov A. V. The Formation of a Multi-party System in Belarus (Late 20th and Early 21st Centuries).....	33

HISTORY

Lysenko P. F. The Principality of Turov (10th–13th Centuries)	40
Koshman V. I., Yaskovich H. S. The 13th Century Colt from Archeological Excavations in Svisloch Castle	50
Zhilinskaya I. V. Anglo-Soviet Cultural Relations in the 1930s: Main Trends	57

LINGUISTICS

Alimpiyeva E. V. The Verbal Aspect and the Manners of Verbal Action in the Russian and German Languages ...	69
--	----

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Artsiomova E. V. Main Concepts in Chinese Painting between the 1990s and Early 2000s.....	85
--	----

LITERARY SCIENCE

Shaladonau I. M. The Concept of Man in the Artistic and Aesthetic Space of the 20th Century Belarusian Story.....	94
--	----

LAW

Artyushenko N. N. Reflection of Legal Regulations for Freight Transport by Rail in Works of Belarusian Scientists.....	103
---	-----

ECONOMICS

Trigubovich L. G. Improving the Institutional and Functional Framework to Manage Innovations in Belarus	112
--	-----

BELARUSIAN SCIENTISTS

Vladimir Vasilyevich Gnilomedov (To the 80th Anniversary of Birth)	121
Piotr Georgiyevich Nikitenko (To the 75th Anniversary of Birth).....	125

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 1:304.44

Поступила в редакцию 11.04.2017
Received 11.04.2017**Е. Г. Наумова***Институт подготовки научных кадров Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь***ФАКТОРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВА ПЕРЕХОДНОГО ТИПА
КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. Проблематика социокультурной детерминации социальных процессов в обществе переходного типа характеризуется сложностью и разнородностью исходных данных. Поэтому ей посвящено немного диссертационных исследований по философии и социогуманитарным наукам. Диссертации, в которых рассматривается данная проблематика, можно распределить на четыре группы по критерию ракурса рассмотрения вопроса. Первую группу составляют диссертационные работы, где основное внимание уделено выявлению сущности и характеристике социокультурной детерминации в обществе переходного типа. В них определяются модальность данного процесса, формы его объективации и их содержание. Вторую группу составляют диссертационные работы, посвященные факторам и институциональному механизму социокультурной детерминации социальной динамики в обществе переходного типа. К третьей группе относятся диссертационные работы, которые характеризуют социокультурную детерминацию социальной динамики и специфику духовной жизни человека. Четвертую группу составляют диссертационные работы, выполненные в эпистемологическом русле и посвященные проблематике моделирования процессов социокультурных трансформаций. В целом, обращение к философскому анализу различных трактовок проблематики, факторов и механизмов социокультурной детерминации социальных процессов в обществе переходного типа позволяет углубить представление о трансформационных процессах и способствует расширению пространства философского знания.

Ключевые слова: социокультурная детерминация, социальная динамика, общество переходного типа, трансформационные процессы, духовная сфера

Для цитирования. Наумова, Е. Г. Факторы социокультурной динамики общества переходного типа как объект философского исследования / Е. Г. Наумова // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 7–14.

E. G. Naumova*Researchers Training Institute, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus***FACTORS OF SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS IN A TRANSITIONAL SOCIETY
AS AN OBJECT OF PHILOSOPHICAL STUDY**

Abstract. Problems of socio-cultural determination of social processes in a transitional society are characterized by the complexity and heterogeneity of source data. Therefore, few dissertations on philosophy and socio-humanitarian sciences are devoted to these problems. Dissertations that deal with this subject can be divided into four groups according to the criterion of perspective on the issue. The first group consists of the thesis in which the focus is on identifying the nature and characteristics of socio-cultural determination in the society of the transitional type. They define the modality of this process and the forms of presentation and their content. The second group consists of the dissertation on factors and institutional mechanism of socio-cultural determination of social dynamics in the society of the transitional type. The third group includes the thesis characterizing the socio-cultural determination of social dynamics and the specifics of the spiritual life of man. The fourth group consists of the dissertation work performed in epistemological line and focus on the problems of modeling of processes of socio-cultural transformations. In general, the appeal to the philosophical analysis of different interpretations of issues, factors and mechanisms of social and cultural determination of social processes in the society of the transitional type allows improve the understanding of transformation processes and contributes to the expansion of space of philosophical knowledge.

Keywords: socio-cultural determination, social dynamics, transitional society, transformation processes, spiritual sphere

For citation. Naumova E. G. Factors of Social and Cultural Dynamics in a Transitional Society as an Object of Philosophical Study. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk* = *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 7–14 (Russian).

Общество представляет собой сложную систему, структурные компоненты которой взаимосвязаны между собой множеством различных отношений и связей. В этой системе особое место занимает такой компонент, как духовная сфера. На институциональном уровне она характеризует тип особых общественных отношений – духовных, а на индивидуальном – специфику духовной жизни человека (духовные потребности, идеалы, ценности, мировоззрение и т. д.). Основу духовной сферы общества (как реального процесса жизнедеятельности множества людей) составляют находящиеся в диалектическом единстве производство, сохранение, потребление и воспроизводство духовных ценностей [1].

Духовная сфера общества представляет собой постоянно изменяющееся пространство активной познавательной и творческой деятельности людей, направленной на освоение социального бытия и мира природы. Это позволяет рассматривать духовную сферу общества в качестве фактора социокультурной детерминации разнородных социальных процессов и феноменов. Обращение к проблематике социокультурной детерминации социальных процессов предполагает выявление и характеристику сущности и механизма данного процесса. При этом подобный философский анализ, в данном случае актуализирующий результаты диссертационных исследований по социальным и гуманитарным наукам, представляет несомненный интерес в отношении общества переходного типа, в котором все процессы характеризуются хаотичным, неустойчивым и противоречивым характером.

В современной белорусской философии проблематика социокультурной детерминации социальных процессов в обществе переходного типа не является популярной, т. к. она характеризуется сложностью и разнородностью исходных данных. Поэтому ей посвящено не так много диссертационных исследований как по философии в частности, так и по социальным и гуманитарным наукам в целом. Тем не менее имеющиеся диссертации можно распределить на несколько групп, исходя из основного ракурса рассмотрения данной проблематики.

Первую группу составляют диссертационные работы, в которых основное внимание уделено выявлению сущности и характеристике социокультурной детерминации в обществе переходного типа. В целом, в них в рамках соответствующей науки определяются модальность данного процесса, формы его объективации и их содержание.

Так, исследования И. В. Налетовой [2] и Н. Е. Чекалиной [3] посвящены феномену духовности, рассматриваемому в качестве важнейшего фактора социальной интеграции и атрибута человеческого бытия.

Для И. В. Налетовой духовность выступает в качестве особого способа структурализации социальных связей личности и окружающего ее социокультурного пространства. Одновременно духовность является специфическим видом жизнедеятельности человека, предполагающим на социальном и индивидуально-личностном уровне из-за своего аксиологического вектора ориентацию на ценности высшего порядка (личность, свобода, гуманизм и др.).

Н. Е. Чекалина рассматривает духовность как системообразующий принцип индивидуально-личностного и социального бытия, находящий свое выражение в комплексе нравственных, эстетических, когнитивных и иных компонентов. Для исследователя духовность выступает как качественно определенная самоинтенция по отношению к внутреннему и внешнему миру, которая играет роль определяющего фактора по отношению ко всем структурным элементам социума и их связям. основополагающая роль духовности проявляется в том, что она посредством укоренения в повседневности духовных идеалов и ценностей высшего порядка позволяет преодолевать разрыв между социальной реальностью и нормативной моделью социального развития. Социокультурное основание данного феномена составляют такие компоненты, как ценности, традиции, идентичность, которые одновременно обеспечивают процессы формирования и социально-исторического воспроизводства духовности.

Важнейшую роль в трансляции социокультурных оснований духовности и социокультурного опыта человечества играет институт образования. Именно поэтому М. А. Лыгина обращает внимание на проблематику формирования личности посредством современной воспитательно-образовательной деятельности, реализуемой в условиях переходного периода от индустриального к информационному обществу [4]. При этом она не конкретизирует как механизм данного процесса, так и функциональную нагрузку его компонентов. Исследователь отмечает, что ситуация транзита от одной модели общества к другой создает напряжение в системе образования как важнейшей институциональной основы воспитания. Это обуславливает противоречивое взаимодействие традиционных и инновационных элементов как в содержании образовательного процесса, так и в воспитательной деятельности, ориентированной на духовно-нравственное развитие личности. В результате возникает угроза разрушения системы социокультурных детерминант воспитательной деятельности общества в современных условиях. Преодоление этой угрозы возможно через обновление модели воспитания, которая должна быть ориентирована на всестороннее раскрепощение творческого потенциала личности. Данная модель должна базироваться на таких фундаментальных принципах, как самоактуализация, самосовершенствование и саморегуляция личности. При этом должно быть обеспечено сохранение механизма социализации личности в образовательном пространстве, основанном на синтезе традиции и инноваций.

Содержательному компоненту процесса социокультурной детерминации нормативного сознания и социальной деятельности субъекта посвящены исследования Д. В. Ерышова [5] и М. Ю. Узгорок [6], различающиеся между собой фокусом социально-философского анализа.

Д. В. Ерышов рассматривает ценностную детерминацию нормативного сознания и социальной деятельности субъекта в контексте конструирования механизма совмещения институциональной и личностной составляющих социальной реальности. Исследователь полагает, что существует три основных вида социальных норм: религиозные, нравственные и правовые, которые в совокупности создают нормативную рамку с соответствующим набором критериев, необходимых для оценки различных аспектов жизнедеятельности индивида и общества. Традиционалистские по своей природе религиозные нормы, которые поддерживаются и воспроизводятся религиозными институтами, обуславливают формирование религиозной формы нормативного сознания. Они имеют эмоционально-оценочный характер и выступают как наиболее эффективные детерминанты поведения и восприятия социальными субъектами социокультурной реальности. Нравственные нормы, имеющие рациональный и светский характер, отражают результат социальной эмансипации человека и процесс формирования личности как уникального социально-психологического и культурного феномена. С одной стороны, они предполагают личностную автономию, с другой – характеризуют нормативные требования к индивидуальному и групповому поведению. Их детерминационный потенциал зависит от уровня интериоризации универсальных ценностей на индивидуально-личностном уровне. Правовые нормы, обеспечиваемые системой государственных институтов, придают универсальным, или общечеловеческим, ценностям статус формальных регулятивов социального поведения. В свою очередь, их детерминационный потенциал зависит от правильной корреляции индивидуальных норм с общественными. Таким образом, социальные нормы не только являются социокультурными детерминантами нормативного сознания и деятельности социального субъекта, но и «выступают основным инструментом управления социокультурными процессами» [5, с. 143].

В фокусе исследования М. Ю. Узгорок находится патриотизм как универсальный феномен культуры и ключевая национальная ценность, обеспечивающая культурно-историческую преемственность народа и интеграцию общества на основе самоорганизации. Для белорусского общества значимость патриотизма определяется необходимостью сохранения как его субъектности в системе современных международных отношений, так и национальной идентичности в условиях глобализации. В социокультурном аспекте его функциональное значение определяется установлением личностно значимого, позитивно окрашенного эмоционального отношения индивида к стране и народной культурно-исторической традиции. Такое отношение является основанием для формирования активной гражданской позиции индивида как важнейшего фактора оптимизации индивидуального и группового поведения в политической, экономической и социальной сферах.

Выявлению негативной социокультурной детерминации социальной динамики, обусловленной трансформацией социально-экономической системы общества переходного типа, посвящено исследование И. И. Клинтух [7]. Его безусловная актуальность определяется комплексом следующих факторов: превращением делинквентных практик в норму социального действия, трансформацией элементов делинквентности в образ индивидуального мышления, делинквентизацией ценностно-нормативной основы общества переходного типа. В качестве основных факторов, детерминирующих процесс интенсивного распространения делинквентных практик в обществе переходного типа, выступают следующие: низкий уровень развития правовой культуры и правосознания общества, распад советской нормативно-ценностной системы, социально-психологические издержки трансформационных процессов, влияние глобализации в виде трансферта инокультурных ценностей и западных стандартов жизни. В совокупности они обеспечивают сдвиг на координатной оси «норма–делинквентность» в негативную сторону, что приводит к интенсификации процессов социокультурного воспроизводства делинквентности и становится вызовом для общества переходного типа.

Вторую группу составляют диссертационные работы, посвященные преимущественно факторам и институциональному механизму социокультурной детерминации социальной динамики в обществе переходного типа. В исследованиях Л. М. Гржебиной [8], С. Б. Гуляева [9], И. А. Фурсы [10] выявлены институциональные факторы, оказывающие воздействие на трансформационные процессы.

Для Л. М. Гржебиной важнейшим институциональным фактором, детерминирующим общественное развитие посредством определения ценностного базиса механизмов воспроизводства и трансляции культурных норм, ценностей, знаний, идей, представлений, символов и образцов поведения, является образование. В условиях глобализации его роль многократно возрастает, т. к. именно система образования в значительной мере позволяет удовлетворить потребности индивида и общества в идентификации, самоактуализации, саморазвитии, а также обеспечивает развитие человеческого капитала. Однако интенсивная коммерциализация образовательной сферы в обществе переходного типа и, прежде всего, высшего профессионального образования приводит к резкому возрастанию конфликтогенного потенциала образования, находящему свое выражение в переформатировании его социальных функций. Согласно Л. М. Гржебиной, снижается роль культурно-генерирующей функции образования при существенном усилении его селективной и элитоконструирующей функций. В результате образование трансформируется в специфичный фактор социокультурной динамики, который амбивалентно определяет ее направление и темпы. Вместо того, чтобы обеспечивать социокультурную интеграцию и духовно-практическое освоение реальности, образование в обществе переходного типа начинает работать как механизм социальной дифференциации и селекции, который только усугубляет социальное неравенство в обществе.

В качестве фактора, оказывающего существенное влияние на социокультурную динамику в трансформирующемся обществе, С. Б. Гуляев рассматривает СМИ. Их детерминационный потенциал определяется возможностью полномасштабного включения в процессы социокультурной динамики посредством активного участия в формировании и трансляции новых образцов культуры (норм, ценностей, потребностей, интересов и т. д.). Однако результаты воздействия СМИ на социокультурные процессы противоречивы как на глобальном, так и национальном уровнях. Ведь современная социокультурная динамика отличается такими особенностями, как детрадиционализация культурной жизни, плюрализм и гетерогенность социокультурных образцов, нелинейный характер изменений, экспансия унифицированных паттернов массовой культуры. Как результат – конфликтогенный характер взаимодействия глобальных и локальных компонентов социокультурной динамики, кардинальное ускорение ее темпов и возникновение противоречий между общим и особенным в развитии культуры. В таких условиях детерминирующее воздействие СМИ на социокультурную динамику в обществе переходного типа, к которому относится и постсоветское общество, приобретает амбивалентный характер.

Проблематика социокультурной детерминации профессиональной культуры личности в условиях информационного общества находится в центре исследования И. А. Фурсы. В его рамках

выявлена и обоснована многоуровневая структура социокультурной детерминации становления профессиональной культуры личности, которая в условиях информационного общества включает в себя внешние и специфические детерминирующие факторы. К первой группе факторов, определяющих общую социокультурную обусловленность становления данного феномена, относятся доминантные параметры развития информационного общества – информатизация, глобализация, виртуализация. Во вторую группу факторов, определяющих становление профессиональной культуры личности, входят детерминанты мезоуровня. Под ними И. А. Фурса понимает противоречия между профессиональной и образовательной средой белорусского общества, возникающие в силу различия как закономерностей, так и скоростей их развития. Свое отражение данные противоречия, выражающие дисбаланс требований к личности, задаваемых социальной и профессиональной средой, находят в нормативно-ценностной, коммуникативной и культурной сферах. Третья группа факторов включает в себя характеристики личностного плана, определяющие индивидуальную траекторию развития профессиональной культуры каждой отдельно взятой личности.

К третьей группе относятся диссертационные работы, которые преимущественно характеризуют социокультурную детерминацию социальной динамики и специфику духовной жизни человека как представителя определенной группы в обществе переходного типа. В данном случае это исследования В. В. Заморского [11], О. А. Захаровой [12], М. Ю. Локовой [13], А. Н. Тесленко [14], Т. И. Яковук [15], в центре которых находятся социальные группы, наиболее подверженные воздействию трансформационных процессов под влиянием специфических условий и факторов, присущих обществу переходного типа. В исследовании О. А. Захаровой в качестве социального камертона трансформационных процессов выступает такая группа, как государственные служащие, а в качестве детерминанты социокультурных изменений рассматриваются процессы информатизации и компьютеризации социокультурной среды. В остальных работах в центре внимания находится молодежь, которая в силу возрастных особенностей наиболее ярко реагирует на процессы в обществе переходного типа и выступает индикатором направленности и характера его трансформаций.

Трансформация ценностной системы современной российской молодежи под влиянием глобализационных и модернизационных процессов, закономерности и направленность ее изменений находятся в центре исследования В. В. Заморского. Фактором, который интенсифицирует изменения ценностной системы молодежи, является виртуальная информационно-коммуникационная среда (ВИКС), формирующаяся как результат «экспансии информационных технологий, виртуальной среды и социальных медиа» [11, с. 7]. В условиях общества переходного типа ее высокий детерминационный потенциал определяется тем, что «сознание молодых людей перемещается в ВИКС, внутри которой происходит киберсоциализация и активная борьба за формирование и реформирование ценностей посредством смыслового наполнения тиражируемого контента и технологий воздействия» [11, с. 12]. В результате возникает формирование конструктивных и деструктивных компонентов воздействия ВИКС на ценностную систему молодежи общества переходного типа.

Структурно-функциональные трансформации ценностных ориентаций молодежи в модернизирующемся российском социуме, которые определяются комплексом социально-экономических, социокультурных и экзистенциально-личностных детерминант, исследует М. Ю. Локова. В процессе формирования аксиологического сознания молодежи она в логике экономического детерминизма признает основополагающее значение социально-экономического фактора, создающего базовые условия для индивидуального биографического проектирования. При этом специфика социокультурной детерминации формирования данного феномена заключается в наличии трех разнородных факторов этого процесса, представленных в виде комплексов ценностных ориентаций (декретальных, неформальных и протестных) и определяющих его противоречивый результат.

Культурной социализации казахстанской молодежи в условиях общества переходного типа посвящено исследование А. Н. Тесленко, в котором рассматриваются современные культурные модели и практики социализации, являющиеся порождением глобализации. Они представляют

собой комплекс вестернизированных стандартов поведения, характеризующихся завышенным уровнем социальных притязаний и консюмеристским характером. В рамках трансформационных процессов подобные стандарты создают социализационные риски, выражающиеся в разрушении традиционных культурных ценностей, нарушении механизма преемственности поколений, деградации социокультурных связей в обществе и унификации его культурной жизни.

Проблематика трансформации духовной жизни белорусской молодежи в условиях социальной неопределенности, обусловленной дезинтеграцией механизма ее социокультурной регуляции, находится в центре исследования Т. И. Яковук. В условиях деструкции ценностно-нормативной системы общества и распада традиционных аксиологических структур происходит ослабление механизма социокультурной регуляции духовной жизни молодежи. Проявлениями данного процесса, как считает Т. И. Яковук, выступают: дифференциация и индивидуализация сознания; плюрализация и либерализация ценностных ориентаций; рационализация и прагматизация ценностно-нормативной системы; деэтизация и инструментализация механизма социальной саморегуляции; приоритет ценностей саморазвития и гедонизма в стратегиях самореализации. Такого рода противоречия детерминируют дисфункциональность механизма социокультурной регуляции духовной жизни белорусской молодежи, что создает серьезную угрозу для развития общества в целом.

Четвертую группу составляют диссертационные работы А. С. Ахиезера [16] и В. А. Куприянова [17], выполненные в эпистемологическом русле и посвященные проблематике моделирования процессов социокультурных трансформаций.

Об эпистемологическом характере исследования В. А. Куприянова свидетельствуют как его объект – периодические процессы социокультурных трансформаций, так и предмет – принципы моделирования процессов социокультурных трансформаций в их системном выражении. Данное исследование нацелено на разработку деонтических моделей процессов социокультурных трансформаций посредством теоретического обоснования их причинности, проведения теоретического эксперимента по деонтическому моделированию и оценке его результатов в эвристическом аспекте. Детерминирующий характер социокультурного процесса как особого типа социальности исследователь усматривает в инвариантной структуре, которая характеризует последовательность событий в сфере социокультурных отношений в направлении уменьшения энтропии.

Основной целью исследования А. С. Ахиезера, одного из основоположников социокультурного подхода, является разработка методологии исследований социокультурной динамики общества как постоянно усложняющегося переходного процесса. Такой вектор социального развития выступает в качестве социокультурной детерминанты. Перед субъектом подобный вектор развития из-за девальвации сложившихся представлений и смыслов ключевых элементов текущей ситуации ставит проблему адекватного описания постоянно усложняющейся социальной реальности. На социетальном уровне он вызывает постоянные напряжения во всех сферах общества, которое в локальных масштабах оказывается между полюсами дуальной оппозиции «традиционный социум–либеральный социум». Различие между двумя универсальными моделями социальной организации заключается в уровне сложности форм воспроизводства культуры и отношений людей. В качестве специфического параметра социокультурного развития российского общества А. С. Ахиезер рассматривает раскол, который имманентен всем его формообразующим социальным и культурным элементам. Поэтому он детерминирует ситуацию постоянного торможения модернизационных процессов, создает угрозу разрыва культурного пространства российского общества и не позволяет добиться его перехода к относительно стабильному состоянию. В результате социальная динамика приобретает форму инверсионного цикла, выход из которого представляет собой многоаспектную и сложную проблему.

Таким образом, обращение к философскому анализу различных трактовок проблематики, факторов и механизмов социокультурной детерминации социальных процессов в обществе переходного типа, представленных в диссертационных исследованиях по философским, социальным и другим гуманитарным наукам, позволяет углубить представление о трансформационных процессах и способствует расширению пространства философского знания.

Список использованных источников

1. Уледов, А. К. Духовная жизнь общества / А. К. Уледов. – М., 1980. – 271 с.
2. Налетова, И. В. Социокультурные основы духовности: традиции и инновации: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / И. В. Налетова. – М., 1998. – 18 с.
3. Чекалина, Н. Е. Социокультурные основания духовности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Н. Е. Чекалина. – Волгоград, 2007. – 154 с.
4. Лыгина, М. А. Социокультурная детерминация воспитания: традиция и инновация: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / М. А. Лыгина; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1998. – 12 с.
5. Ерышов, Д. В. Социокультурные детерминанты нормативного сознания и деятельности социального субъекта: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Д. В. Ерышов. – Армавир, 2015. – 167 с.
6. Узгорок, М. Ю. Расширение сферы проявления патриотизма как культурной ценности (на материале современной белорусской культуры): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / М. Ю. Узгорок. – Гродно, 2013. – 25 с.
7. Клинтух, И. И. Делинквентное поведение: социокультурная обусловленность: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / И. И. Клинтух. – Ростов-на-Дону, 2009. – 32 с.
8. Гржебина, Л. М. Конфликтность образования как социокультурный фактор трансформации современного российского общества: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Л. М. Гржебина. – М., 2006. – 27 с.
9. Гуляев, С. Б. Влияние СМИ на социокультурную динамику в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / С. Б. Гуляев. – М., 2009. – 26 с.
10. Фурса, И. А. Социокультурные детерминанты становления профессиональной культуры личности в условиях информационного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / И. А. Фурса. – Минск, 2014. – 26 с.
11. Заморский, В. В. Философский анализ ценностной системы российской молодежи: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / В. В. Заморский. – М., 2014. – 207 с.
12. Захарова, О. А. Информационно-коммуникативная компетентность государственных служащих в условиях современных социокультурных изменений: автореф. дис. ... канд. культурол.: 24.00.01 / О. А. Захарова. – М., 2007. – 24 с.
13. Локова, М. Ю. Структурная трансформация ценностных ориентаций молодежи в модернизирующемся российском социуме (социально-философский аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / М. Ю. Локова. – М., 2007. – 24 с.
14. Тесленко, А. Н. Культурная социализация молодежи в условиях транзитивного общества (на примере Республики Казахстан): автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06 / А. Н. Тесленко. – Саратов, 2009. – 34 с.
15. Яковук, Т. И. Фактор неопределенности в социокультурной регуляции духовной жизни молодежи: автореф. дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06 / Т. И. Яковук. – М., 2006. – 48 с.
16. Ахизер, А. С. Методология социокультурного исследования переходных процессов (на материале России): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 24.00.01 / А. С. Ахизер; Рос. ин-т культурологии. – М., 1997. – 37 с.
17. Куприянов, В. А. Моделирование процессов социокультурных трансформаций: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 / В. А. Куприянов; М-во культуры РФ, Рос. акад. наук, Рос. ин-т культурологии. – М., 1998. – 24 с.

References

1. Uledov A. K. Spiritual life of society. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 271 p. (in Russian)
2. Naletova I. V. Sociocultural foundations of spirituality: tradition and innovation, Abstract of Ph.D. dissertation, Sociology of culture, spiritual life, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 1998. 17 p. (in Russian)
3. Chekalina N. E. Sociocultural bases of spirituality, Ph. D. Thesis, Social Philosophy, Volgograd State University. Volgograd, 2007. 154 p. (in Russian)
4. Lygina M. A. Sociocultural determination of education: tradition and innovation, Abstract of Ph. D. dissertation, Sociology of culture, spiritual life, Moscow State Pedagogical University. Moscow, 1998. 12 p. (in Russian)
5. Eryshov D. V. Socio-cultural determinants of normative consciousness and activity of the social subject, Ph. D. Thesis, Social Philosophy, Armavir State Pedagogical Academy. Armavir, 2015. 167 p. (in Russian)
6. Uzgorok M. Y. The extension of the sphere of manifestation of patriotism as a cultural value (in the contemporary Belarusian culture), Abstract of Ph.D. dissertation, Theory and History of Culture, Grodno State University named after Yanka Kupala. Grodno, 2013. 23 p. (in Russian)
7. Klintukh I. I. Delinquent behavior: sociocultural causality, Abstract of Ph. D. dissertation, Sociology of culture, spiritual life, South Federal University. Rostov-na-Donu, 2009. 31 p. (in Russian)
8. Grzhebina L. M. The conflict potential of education as a sociocultural factor of transformation of modern Russian society, Abstract of Ph. D. dissertation, Sociology of culture, spiritual life, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2006. 26 p. (in Russian)
9. Guliaev S. B. The influence of media on socio-cultural dynamics in modern Russian society, Abstract of Ph. D. dissertation, Sociology of culture, spiritual life, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2009. 26 p. (in Russian)
10. Fursa I. A. Socio-cultural determinants of formation of professional culture of personality in the conditions of information society, Abstract of Ph. D. dissertation, Social Philosophy, Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, 2014. 26 p. (in Russian)

11. Zamorskii V. V. Philosophical analysis of the system of values of Russian youth, Ph. D. Thesis, Social Philosophy, Moscow State Technical University named after N. E. Bauman. Moscow, 2014. 206 p. (in Russian)
12. Zakharova O. A. Information-communicative competence of civil servants in the conditions of modern sociocultural changes, Abstract of Ph. D. dissertation, Theory and History of Culture, Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow, 2007. 24 p. (in Russian)
13. Lokova M. Iu. Structural transformation of value orientations of young people in modernizing Russian society (socio-philosophical aspect), Abstract of Ph. D. dissertation, Social Philosophy, Moscow University for the Humanities. Moscow, 2007. 24 p. (in Russian)
14. Teslenko A. N. Cultural socialization of youth in the conditions of transitive society (on the example of the Republic of Kazakhstan), Abstract of D. Sc. Dissertation, Sociology of culture, spiritual life, Saratov State Technical University. Saratov, 2009. 35 p. (in Russian)
15. Iakovuk T. I. Uncertainties in the sociocultural regulation of the spiritual life of youth, Abstract of D. Sc. Dissertation, Sociology of culture, spiritual life, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2006. 47 p. (in Russian)
16. Akhiezer A. S. Methodology of socio-cultural studies of transition processes (on the material of Russia), Abstract of D. Sc. Dissertation, Theory and History of Culture. Moscow, 1997. 37 p. (in Russian)
17. Kupriianov V. A. Modeling of processes of socio-cultural transformations, Abstract of Ph.D. dissertation, Theory and History of Culture, Russian Institute of Cultural Studies. Moscow, 1998. 24 p. (in Russian)

Информация об авторе

Наумова Елена Георгиевна – начальник учебно-методического отдела. Институт подготовки научных кадров, Национальная академия наук Беларуси (ул. Кнорина, 1, 220049, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alnaumova74@mail.ru

Information about the author

Elena G. Naumova – Head of the Training and Methodology Division, Researchers Training Institute, National Academy of Sciences of Belarus (1 Knorin Str., Minsk 220049, Belarus). E-mail: alnaumova74@mail.ru

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)
УДК 297.17 (091)

Поступила в редакцию 18.04.2017
Received 18.04.2017

Д. М. Зайцев

Белорусская государственная академия связи, Минск, Беларусь

ТРАДИЦИОННОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО В ИНДИИ

Аннотация. Статья посвящена традиции паломничества в Индии, существенному и интересному явлению в религиозной жизни народов, проживающих в этой стране и исповедующих широко распространенные там религии. Цель исследования – выявить особенности индийского паломничества, показать воздействие исторических, географических, культурных факторов на их формирование. Применялись следующие методы исследования: теоретический анализ и обобщение научной литературы, сакральных текстов, в частности, Веды и их толкования, системный анализ, выделение и синтез главных компонентов. Паломничество можно рассматривать как форму религиозного поведения. Почитание святых и Учителей веры, природных объектов, выражающееся в паломничестве к священным местам, составляет одно из главных проявлений религиозной жизни индусов. Некоторые святые места обязаны своим происхождением древней истории, обычаю чтить героев многочисленных эпосов и мифов. Для сотен миллионов верующих жителей Индии трепетное отношение к объекту поклонения служит накоплению благодати, а тот или иной праведник – это заступник, помогающий человеку прервать череду перерождений. Наиболее важными местами паломничества в Индии считаются семь сакральных городов Индии, центры Кумбха-Мела, гималайские святыни, особые священные храмы, семь священных рек, мощи, захоронения, места кремации ушедших Учителей. Возвращаясь из путешествия, паломники приносят домой сформированную религиозную систему взглядов, становятся распространителями идеологии паломничества среди окружающих. Статья может быть полезной для решения актуальных задач взаимодействия с представителями мира глубоко духовной индийской цивилизации.

Ключевые слова: паломничество, Индия, Веды, Махабхарата, Тиртха-ятра, медитация, культура

Для цитирования. Зайцев, Д. М. Традиционное паломничество в Индии / Д. М. Зайцев // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 15–20.

D. M. Zaitsev

Belarusian State Academy of Communications, Minsk, Belarus

TRADITIONAL PILGRIMAGE IN INDIA

Abstract. The article considers the Indian pilgrimage as the most important part of the religious life of adherents of the religions of India. The purpose of the study is to reveal the peculiarities of the Indian pilgrimage, to show the impact of historical, geographical, cultural factors on their formation. The following research methods were used in the work: theoretical analysis and generalization of scientific literature, sacred texts, in particular, Vedas and their interpretation, systemic analysis, isolation and synthesis of main components. Pilgrimage can be seen as a form of religious behavior. Veneration of saints and teachers of faith, natural objects, expressed in pilgrimage to sacred places, is one of the main manifestations of the religious life of the Hindus. Some sacred places owe their existence to ancient history and the custom to venerate heroes of numerous epics and myths. For hundreds of millions of believers in India, a reverent attitude to the object of worship serves the accumulation of grace, and this or that righteous person is an intercessor that helps a person interrupt the cycle of rebirth. The most important places of pilgrimage in India are the seven sacred cities of India, Kumbha Mela centers, sacred objects in the Himalayas, special sacred temples, the seven sacred rivers, relics, graves, and places where the Teachers were cremated. Returning from the journey, pilgrims bring home the formed religious system of views; become distributors of the ideology of pilgrimage among others. This work can be useful for solving urgent problems of interaction with representatives of the world of a deeply spiritual Indian civilization.

Keywords: pilgrimage, India, Vedas, Mahabharata, Tirtha Yatra, meditation, culture

For citation: Zaitsev D. M. Traditional Pilgrimage in India. *Vesti Natsyional'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 15–20 (Russian).

Введение. На протяжении тысячелетий паломничество остается важнейшим фактором религиозной, политической и социокультурной истории Индии. Зародившись еще в доарийскую эпоху, индийское паломничество сформировалось и расцвело в период становления классического индуизма. Необходимость посетить паломнические святыни, духовные центры, ашрамы или места силы для каждого человека приходит в свое время. А Индия – это место силы, где есть

определенные места, которые способствуют внутреннему очищению, исцелению и преображению. Неудивительно, что в последние десятилетия здесь наряду с миллионами индийских паломников можно встретить большое количество тех, кто начинает свой путь из-за пределов Индостана.

Основная часть. Индийское паломничество представляет собой наиболее раннюю разновидность путешествия. Вероятно, практика паломничества получила широкое распространение в Ведический период. Первые упоминания о священных местах паломничества обнаруживаются в текстах Ригведы и Атхарваведы. Описание подобных путешествий мы находим, начиная с нашей эры, в ряде произведений традиционных жанров: смрити, пуранах, махатмьи, а также эпосе «Махабхарата». В частности, в «Махабхарате» содержится четыре паломнических сюжета. В них упоминается более 300 священных мест, охватывающих весь субконтинент. Данный эпос сыграл основополагающую роль в вопросе соединения святых мест в паломническую цепочку и провозглашения приоритета движения между святынями.

Широкую популярность также приобрело сочинение вдовы-брахманки Ямуны-баи Гокхле «Описание путешествия и паломничества», которое рекомендовано даже в качестве учебника в школе. Особенностью этого сочинения является то, что в основе лежали личные впечатления, описывался огромный маршрут, и оно предназначалось не только для смягчения горечи утраты, но и как альтернатива жалкому существованию человека. Зачинателем паломнических дайджестов можно назвать Лакшмитхару Бхатту, написавшего в 1125 г. «Книгу суждений о священных местах». Последователями Лакшмитхары можно с уверенностью назвать брахмана Хемадри, автора «Волшебного камня четырех жизненных составляющих», и Нараяну Бхатту, составителя легендарной «Моста к трехмestью», книги, ставшей основой для новых сборников.

Сторонний взгляд на индийское паломничество хорошо описан в знаменитой «Книге, содержащей разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых разумом или отвергаемых» хорезмского ученого XI века ал-Бируни: «Паломничество для индийцев не обязательно, но только добровольно и достойно похвалы. Оно состоит в том, что паломник отправляется в какую-нибудь чистую местность, к какому-нибудь почитаемому идолу или к одной из священных рек. Там он совершает омовение, поклоняется идолу, принося ему дары, произносит перед ним обильные славословия и читает молитвы, постится и раздает милостыню брахманам, жрецам и прочим, бреет волосы на голове и бороду и возвращается домой» [1, с. 461].

Иноземцы до сих пор поражаются живучести древней традиции. Так, английский писатель Уильям Крук пишет: «Ничто не поражает новичка в Индии с такой силой, как толпы паломников, направляющихся пешком или на поезде к какой-нибудь святой реке, местной обители какого-либо бога или божка или к гробнице святого или мученика» [2, с. 7].

Индийское паломничество известно под названием тиртха-ятра, что значит «движение к святыням». Тиртха-ятра считается древнейшей разновидностью паломнической практики индусов, дошедшей до наших дней. Она сложилась в результате поэтапного соединения доарийских ритуалов с ведийскими религиозными представлениями, а также влияния буддийской практики.

Тиртхами могут быть города, храмы, места слияний священных рек, горы, пещеры, озера или какое-либо особое место, отмеченное случаями Богоявления или чудотворчества. В общепотребительном значении тиртха – это священное место для омовений. Тиртха-ятра в индуизме является неотъемлемой составляющей всякой добродетельной жизни (садачары), приводящей к уничтожению грехов, очищению ума и, как следствие, к пониманию истинной природы сансары, ее фальшивой и дешевой сущности [3].

О значении тиртх можно судить по цитате из эпоса «Махабхарата». Пуластья сказал: «Плод тиртх обретает тот, кто руками своими, ногами, сознанием, мудростью, тапасом и славой безраздельно повелевает. Плод тиртх обретает тот, кто чуждается стяжательства, самообуздан, довольствуется малым, прошел очищения, отрешился от себялюбия. Плод тиртх обретает тот, кто не запятнан пороком, не суетлив, умерен в пище, торжествует над чувствами, избавлен от всяческих скверн, кто не гневлив, правдив по натуре, тверд в обетах. Великая тайна святых мудрецов, о достойнейший бхарата: заслуга паломничества к тиртхам даже выше, чем плод жертвоприношений! Поистине, лишь тот рожден бедняком, кто не посещает тиртх... Радея о благочестии, по-

сещают эти тиртхи васу, садхьи, адитьи, маруты, Ашвины и богоравные святые мудрецы. Ведь прежде отцы наши, святые мужи, очистив свой дух, твердо блюдя предписания – прозрением сущности Вед, своею верой достигали этих святых тиртх!» (Махабхарата, Араньякапарва, Сказание о паломничестве к тиртхам, гл. 80, 82) [4].

Долгое время тиртха-ятра понималась как «царский ритуал», выполняемый в интересах подданных, остальные слои населения были допущены к ней позже в рамках идеала аскетического подвижничества. Отношение к святыням со стороны властей почти всегда определяли легитимность правящей элиты в глазах населения. Соответственно, центры власти исторически формировались вблизи святынь либо на путях паломников к ним.

Паломничество успешно обеспечивает мобилизацию людей и духовных ценностей. В последнее тысячелетие коллективное паломничество к индуистским святыням накопило мощный потенциал воздействия на социокультурную и политическую жизнь Индии. В периоды пробуждения национального самосознания и антиколониальной борьбы тиртха-ятра объявлялась древнейшим институтом, скреплявшим пространство Индии в единое целое. Об этом неоднократно заявляли Махатма Ганди, Джавахарлал Неру и другие национальные лидеры.

Индуистские храмы редко бывают пустыми: посетители стоят, читая молитвы, приносят жертвы (чаще всего цветами либо фруктами) или прилагаются к святым стопам. При этом предназначенные для паломников кельи считаются частью храма и поведение в них также церемониально. Основным храмовым ритуалом называют жертвоприношение – пуджа. Он сопровождается пышностью и напоминает торжественный этикет приема высокого гостя с угощением и омовением. Зачастую это сопровождается чтением жрецами древних ведийских гимнов и священных формул. Жертвоприношения паломников в храмах, посвященных Вишну, обязательно должны быть вегетарианскими. Приношение паломниками в жертву какого-либо животного, например буйвола, козла, петуха, характерно для шиваистских храмов [5, с. 298].

Особое значение для посещения храмов и праздничных церемоний имеет одежда. Для мужчин это может быть костюм из длинной рубахи и широких штанов, или однотонная футболка и кусок ткани, которым опоясываются специальным образом вокруг бедер. Для женщин – сари, шестиметровый кусок ткани, искусным образом обмотанный вокруг тела. Индуист традиционно с собой носит сосуд для жертвенных возлияний, четки, священные тексты, коврик для упражнений и медитации [3].

Некоторые формы богослужений зачастую сопровождаются экзальтированными плясками, которые показывают окружающим, что в тело человека вселился дух божества. Традиционные для индусов аскеза, обеты, посты. Адепт индуизма может долгое время сидеть на пустыре и медитировать либо участвовать в красочном кровавом жертвоприношении, когда ради умиловления божества убивают козу, петуха или барана. И все это предпринимается ради даршана, лицезрения бога, когда с ним устанавливаются глубоко личные отношения.

Паломничества к святым местам воспринимаются не только как движение к богу, но и как важнейший способ обретения религиозных заслуг. Конечно, путешествия к почитаемым местам для индусов не столь канонически обязательны, как, например, для мусульман совершение хаджа в Мекку, но в действительности огромное количество индусов при первой возможности становятся паломниками.

Индийских паломников можно встретить в любое время года на любых крупных дорогах страны. Обычно они направляются к какой-нибудь тиртхе, месту сосредоточения сакральной энергии, где можно благодаря духовному росту получить более высокий статус в следующих перерождениях, а в итоге прийти к полному освобождению от тягот мирского бытия, что и является главной целью верующего индуса. Человек, правильно прошедший обряд ритуального очищения, в итоге также становится источником благодатной энергии для других. Ятрой называют паломничества к местам мистического обитания богов Тримурти, Шивы и Вишну, джатрой – местных богов и демонов. Соответственно, те, кто совершают джатру, преследуют более приземленные цели: избавиться от болезней, удачно заключить брак, сделать карьеру.

Вся Индия покрыта густой сетью паломнических маршрутов. Индусы предпочитают посетить несколько мест в одном путешествии. Одним из самых почитаемых и священных городов Индии

называют расположенный на берегу Ганга древний Каши или Варанаси. Тысячи паломников ежедневно спускаются к воде и совершают ритуальные омовения. Объясняется это верой в то, что если ортодоксальный индус умрет именно здесь, то он раз и навсегда выходит из колеса сансары. Предполагается также, что даже лицезрение Ганга и омовение в его водах увеличивает духовные заслуги человека. Паломники традиционно совершают путешествие вдоль этой реки, от истоков в Гималаях, переправляясь на другой берег недалеко от Калькутты и возвращаясь обратно.

В паломничество отправлялись даже атеисты, о чем свидетельствует Говинд Чимнаджи Бхате в своей книге «Гирлянды рассказов о путешествиях». Соответственно, в данном случае мы можем рассматривать паломничество не в качестве религиозного феномена, а как способ соединения профанного с сакральным, а также выделить в нем самодостаточный светский компонент.

Санскритские источники свидетельствуют, что формирование святого пространства индуизма определялось большим количеством факторов, например, житейскими потребностями, аскезой, эстетикой, климатическими особенностями региона [6, с. 14]. По мнению индусов, настоящее паломничество должно быть сопряжено с лишениями, невзгодами и физическими тяготами, так как мучительность тела обязана сопровождать муки души, ищущей бога. Соответственно, чаще всего истинный паломник накануне путешествия подвергает себя суровому воздержанию, вплоть до истязания плоти, и лишь затем отправляется в путь пешком и босиком, несмотря на жару, холод, ветер и дождь.

В индуизме самый большой цикл паломничества происходит каждые двенадцать лет в четырех городах на берегах Ганга и его притоков. Например, до сих пор особую популярность имеет легенда о борьбе индийских богов за кувшин Кумбх с нектаром бессмертия. А последнее паломничество Кумбха-Мела в город Аллахабад с целью очистить себя от грехов посредством ритуальных ванн совершили более семидесяти миллионов человек. Это самое многолюдное паломничество в мире, такого больше не увидишь нигде. Люди надеются очиститься от скверны, ведь именно здесь сосредоточена наибольшая концентрация сакральной энергии, позволяющая приобщиться к небесной благодати и обрести духовные заслуги. При этом первые омовения делают аскеты, которые натирают себя святым белым пеплом и лишь затем ритуал совершают странники и пилигримы.

Сакральная история Кумбха-Мелы базируется на легенде обретения сыном Индры Джаянтой напитка бессмертия. Джаянта пролил капли этого напитка на несколько городов, которые со временем стали местами паломничеств. Наиболее торжественная Кумбха-Мела празднуется, как уже отмечалось, в Аллахабаде, прежней Праяге. Каждые двенадцать лет отмечается полная Кумбха-Мела, а раз в сто сорок четыре года – Великая.

Паломник выполняет три обязательные процедуры: бритье, купание и оплата очистительных процедур. Причем мужчины сбривают все волосы, включая брови и ресницы, женщины символически отрезают прядь волос. В Праяге, согласно легенде, совершали жертвоприношения сами боги во главе с Праджапати. Об этом говорится еще в гимнах Ригведы, поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна». До недавнего времени, пока английские власти не запретили, верующие совершали в Праяге ритуальное религиозное самоубийство, прыгая с ветвей почитаемой смоковницы в бурные воды реки.

Сегодня можно увидеть разнообразное поведение паломников: одни медитируют и созерцают, другие сидят на острых гвоздях, кто-то выкрикивает цитаты из священных текстов, кто-то часами стоит в холодной воде, а есть те, кто протыкает себе язык, обрекая на вечное молчание... [7, с. 140].

Индия – страна мистического откровения, полная контрастов, святынь и чудес. В ней представлено огромное разнообразие таинственных обрядов, духовных школ и традиций. Ашрам – это место, где человек обращается к самому себе для медитации или молитвы, совершения ритуала и духовного обновления. Учитель, основавший ашрам, обучает избавлению от душевных страданий и боли, которыми может быть наполнена мирская человеческая жизнь. Паломничество в Индию, в какой-либо из ее ашрамов, по мнению многих, – лучшая возможность для современного человека постичь свою внутреннюю божественность и приблизиться к себе [8]. Удивительный мир открывается, когда обращаешься к знаниям, хранящимся глубоко внутри самого себя.

Индусы предпочитают совершать паломничество по типологически замкнутой, обладающей цифровой значимостью схеме, напоминающей законченную географическую форму. Их центры

паломництва отличаются разнообразием, что связано в первую очередь с тем, что в индуизме нет четко закрепленной церковной организации. Имеющие общиндийское значение святыни, посвященные богам Вишну, Шиве и Шакти, располагаются в окружении религиозных центров супрарегионального, регионального, субрегионального и локального значения.

В Индии существует группа индусов, так называемые варкари, которые считают паломничество жизненной необходимостью и обязанностью. Они совершают ежегодно паломничество в священный город Пандхарпур. Невзирая на любую непогоду, всегда с песнями и танцами индусы стройными рядами отправляются в путь. Варкари не ждут особого духовного подъема, не решают каких-либо утилитарных задач, они отправляются по святым местам по той причине, что они паломники от рождения. Правда, они верят в то, что если смерть застигнет их в пути, ими автоматически достигается освобождение от круга перерождений. Тысячелетняя традиция варкари обладает не только поклонением своему богу, но и огромным литературным наследием (например, поэты-проповедники Днянешвара, Намдева, Экнатха, Тукарама), собственными святыми местами, реликвиями, легендами, жреческим классом, героями, организаторами [2, с. 13].

Особое внимание привлекают также паломники-аскеты, святые йогины, отрeksiеся от земных благ и посвятившие себя достижению мокши. Они непрестанно молятся, курят ритуальные трубки с гашишем. Многие из них намеренно измываются над собой, доводя себя до физического истощения строгими постами.

В середине XX века стали появляться паломнические агентства современного типа, основанные брахманами. На сегодняшний день список наиболее популярных мест паломничества выглядит следующим образом. К числу семи сакральных городов Индии относятся: Дварака (столица древнего царства Кришны), Варанаси (один из древнейших городов на земле, известный ритуалом омовения в водах священной реки Ганг), Матхура, Курукшетра (легендарное священное поле, на котором 5000 лет назад Кришна поведал Арджуне одно из главных священных писаний индуизма – «Бхагават-гиту»), Айодхья (город рождения бога Рамы), Рамешварам (место воплощения бога Рамы), Канчипурам.

Не менее популярны среди паломников и иные места. Путтапарти – священный город-ашрам Саи Бабы. Мадурай – «Афины Востока» (место почитаемого индуистами храма богини Минакши), Тиручирапалли – священный «город Воды» и Шивы, Чидамбарам – священный «город Неба» и Шивы, Махабалипурам – место, в котором сохранились храмы-прообразы сакральных монастырей, Джайпур – «розовый город», Пушкар – город, в котором находится крупнейший храм, посвященный Брахме, Сомнатх – святое место паломничества к храму Шивы, Кхаджурахо, символом которого являются эротические скульптуры, иллюстрирующие древние тексты Камасутры («Храм любви»), Агра – культурный центр Индии, известен благодаря Тадж Махалу, Ришикеш – всемирная столица йоги, Дели – «столица семи империй», где находится множество памятников мировой значимости, построенных более чем несколько тысячелетий тому назад, Бодхгае – место, где Сиддхартха Гаутама Будда достиг просветления, Кушинагар – место ухода Будды в паринирвану, Тирупати – богатейший в мире храм, посвященный последнему знаменитому воплощению Вишну (Шри Венкатешвару), Канчипурам – «Город тысячи гопур» (здесь находятся 108 шиваитских и 18 вайшнавских храмов).

Не последнюю роль в паломнической жизни Индии играют четыре центра Кумбха-Мела: Аллахабад (здесь, по преданию, у слияния священных рек Ганги, Ямуны и Сарасвати свое первое жертвоприношение совершил Брахма), Нашик, Харидвар, Уджайн. Особое почитание у верующих вызывают четыре гималайские святыни: Ганготри, Ямнотри, Кедарнатх, Бадринах (место зарождения священных Ведических писаний). В каждом из четырех направлений Индии располагаются особые священные храмы: Бадрика на севере, Джаганнатха Пури на востоке, Дварака Пури на западе, Рамешварам на юге. Реки всегда играли очищающую роль для индийцев, наиболее масштабные движения людей наблюдаются именно по направлению к семи священным рекам: Ганга, Ямуна, Сарасвати, Годавари, Кавери, Нармада, Синдху (Инд).

Местами паломничества и объектами поклонения также считаются мощи, захоронения, места кремации, или махасамадхи ушедших Учителей, таких как Шри Ади Шанкарачарьи (в Кедарнатхе), Шри Рамана Махарши (в Тируваннамалаи), Шри Ауробиндо, Шри Рамакришны Парамхамсы, Шри Раджниша (Ошо), Шри Юктешвара и других.

Заключение. На протяжении тысячелетий приверженец традиционных индийских вероисповеданий не мыслит свои религиозные обязанности полностью выполненными без посещения наиболее популярных культовых мест. Паломничество предполагает сосредоточенность на Божественном, поклонение и отрешенность от мирских мыслей и дел. Согласно традиции, совершение паломничества в Индии освобождает от грехов не только участника путешествия, но и всех членов его семьи, а также предков. Это великое средство очищения, приносящее несравнимую духовную пользу и религиозные заслуги.

Тем не менее Институт паломничества в Индии, сформировавшийся из различных компонентов и явлений, никогда не представлял собой монолитного единства как по форме, так и по содержанию. С течением времени, под влиянием социально-политических процессов, в различных регионах Индии образовывались самодостаточные манифестации, которые приобретали различные виды активности – религиозный туризм, ритуальную практику, аскетические упражнения, политические акции и др. [2, с. 249].

Количество поклонников индийских религий с каждым годом неуклонно растет. И причина не только в увеличении числа жителей Индии благодаря высокому уровню рождаемости в этой стране, но и в широкой популяризации этой культуры как на Западе, так и на постсоветском пространстве. И, наверное, сегодня для некоторых из нас имеет смысл не просто глубже познакомиться с традицией великой цивилизации, а по возможности и приобщиться к этому океану мудрости, в том числе и через паломничество.

Список использованных источников

1. Бируни, Абу Рейхан. Книга, содержащая разъяснение принадлежащих индийцам учений, приемлемых разумом или отвергаемых / Абу Рейхан Бируни; пер. с араб. А. Халидова и Ю. Завадовского. – Ташкент: ФАН, 1963.
2. Глушкова, И. П. Индийское паломничество / И. П. Глушкова. – М.: Науч. мир, 2000. – 261 с.
3. Динанатха Бодхисвами. Тиртха-ятра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sivalingam.ru/page.php?act=tirtha-yatra>. – Дата доступа: 25.12.2016.
4. Самодум, В. А. (Бхудэв). Зачем совершают паломничество [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.bharatiya.ru/india/palomnicestvo.html>. – Дата доступа: 25.12.2016.
5. Бэшем, А. Цивилизация Древней Индии / А. Бэшем. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 496 с.
6. Глушкова, И. П. Паломничество как фактор социокультурной и политической истории Индии: автореф. дисс. д-ра ист. наук / И. П. Глушкова. – М., 2009. – 48 с.
7. Альбедиль, М. Ф. Индуизм. Главная религия Индии / М. Ф. Альбедиль. – СПб.: Питер, 2006. – 208 с.
8. Бхарат, Ю. Путешествие к Сатья Саи Бабе / Ю. Бхарат. – М.: Индия-Тур, 2009. – 410 с.

References

1. Biruni Abu Reykhan. *A book containing an explanation of Indian-held teachings acceptable to reason or rejected*, Translated by Khalidov A., Zavadovskii Yu. Tashkent, Academy of Sciences of the Uzbek SSR Publ., 1963. 728 p. (in Russian)
2. Glushkova I. P. *Indian pilgrimage*. Moscow, Science World, 2000. 261 p. (in Russian)
3. Dinanatkha Bodkhisvami. Tirtha-yatra. Available at: <http://www.sivalingam.ru/page.php?act=tirtha-yatra>, (Accessed 25.12.2016.). (in Russian)
4. Samodum V. A. (Bkhudev). Why do a pilgrimage. Available at: <http://www.bharatiya.ru/india/palomnicestvo.html>, (Accessed 25.12.2016.).
5. Beshem A. *Civilization of Ancient India*. Ekaterinburg, U-Faktoriia Publ., 2007. 496 p. (in Russian)
6. Glushkova I. P. *Pilgrimage as a factor in the socio-cultural and political history of India*, Abstract of D. Sc. Dissertation, General history, Institute of Oriental Studies, RAS. Moscow, 2009. 48 p. (in Russian)
7. Al'bedil' M. F. *Hindooism. Main religion of India*. St.Petersburg, Piter Publ., 2006. 208 p. (in Russian)
8. Bkharat Yu. *Journey to Sathya Sai Baba*. Moscow, India-Tour Publ., 2009. 410 p. (in Russian)

Информация об авторе

Зайцев Дмитрий Михайлович – кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук. Белорусская государственная академия связи (ул. Ф. Скорины, 8/2, учеб. корп. № 1, 220114, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mdizaj@tut. by

Information about the author

Dmitry M. Zaitsev – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Professor (Department of Humanities), Belarusian State Academy of Communications (8/2 F. Skorina Str., Edu. Bldg No. 1, Minsk 220114, Belarus). E-mail: mdizaj@tut. by

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)
УДК 316.733(045)

Поступила в редакцию 26.10.2017
Received 26.10.2017

Н. Ф. Денисова, Н. М. Бровчук

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ БЕЛОРУСОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Историческая память рассматривается как динамический феномен общественного сознания, основу которого составляют субъективные знания, оценки и представления индивидов о своём историческом прошлом. Историческая память является одним из ключевых компонентов культуры, обеспечивающих поддержание преемственности между различными поколениями и сохраняющих связь между настоящим и прошлым общества. Рассмотрены основные различия в восприятии событий прошлого среди трех поколений белорусов: родившихся в 1960 г. и ранее, в период 1961–1980 гг., родившихся в 1981 г. и позже. Сделан вывод о том, что оценки значимости исторических событий и периодов уменьшаются по мере увеличения их хронологической удаленности от времени жизни поколений. В целом, для белорусского общества свойственно отсутствие поляризации в интерпретациях событий прошлого. Приводятся также данные по представленности исторических событий в средствах массовой информации за 2016 г. По итогам контент-анализа установлено, что современные белорусские социально-политические СМИ активно освещают самые различные вопросы, связанные с белорусской историей, акцентируя внимание на наиболее значимых исторических событиях и формируя у своих читателей понимание важности и необходимости сохранения накопленного историко-культурного наследия.

Ключевые слова: культура, историческая память, исторические события, поколения, средства массовой информации, контент-анализ

Для цитирования. Денисова, Н. Ф. Историческая память белорусов: социологический анализ / Н. Ф. Денисова, Н. М. Бровчук // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 21–32.

N. F. Denisova, N. M. Brovchuk

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

HISTORICAL MEMORY OF BELARUSIANS: A SOCIOLOGICAL REVIEW

Abstract. Historical memory is viewed as a dynamic phenomenon of social consciousness, based on subjective knowledge, assessments and opinions of individuals about their historical past. Historical memory is one of the key components of culture, maintaining continuity between different generations and preserving connection between the present and the past of a society. The main differences in the perception of past events among three generations of Belarusians are addressed: those born in 1960 and earlier, born between 1961 and 1980, and born in 1981 and later. It is concluded that estimates of the significance of historical events and periods decrease as their chronological distance from the generation age increases. In general, the absence of polarization in the interpretation of events of the past is typical for Belarusian society. The article also provides data on the representation of historical events in the mass media for 2016. According to the results of the content analysis, it is established that the modern Belarusian socio-political media actively cover the most diverse issues related to the Belarusian history, while emphasizing the most significant historical events, and also strive to form in their readers an understanding of the importance and necessity of preserving the accumulated historical and cultural heritage.

Keywords: culture, historical memory, historical events, generations, mass media, content analysis

For citation. Denisova N. F., Brovchuk N. M. Historical Memory of Belarusians: A Sociological Review. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 21–32 (Russian).

Введение. Несмотря на то что история народа или страны может быть представлена как совокупность фактов, дат и имен, в действительности в этой форме она никогда не существует. История всегда требует интерпретации, пояснения. Ее интерпретируют ученые, стремясь соблюсти максимальную объективность, иначе результат их работы не может быть признан научным знанием. Однако такое «чистое» историческое знание, в котором почти не остается места субъективному мнению исследователя, фактически существует только в книгах, но не в памяти людей о прошлом своей страны.

История страны всегда интерпретируется ее населением. Это знание живое и изменчивое, оно существует не в форме хронологий или книг, а в форме представлений о прошлом. Такого рода представления, получившие название «исторической памяти», являются в большей мере образами произошедших событий, в которых тесно переплетаются знание о фактах и ценностные и эмоциональные оценки, убеждения и пережитый жизненный опыт индивидов. Формирование и изменение таких представлений о прошлом вызывают особый интерес в современной социологии, поскольку этот процесс является неотъемлемой частью социокультурной жизни любого общества. В целом, культуру обобщенно можно представить как единство трех ключевых составляющих:

1) культура – это то, что мы ценим; именно ценности объединяют людей в единое общество и выступают основой формирования новых идей, культурных смыслов и идеалов, которые впоследствии находят воплощение во множестве творений человека;

2) культура – это то, что мы делаем; будучи заняты своими повседневными делами, мы всегда вовлечены в общественную культурную жизнь. Благодаря этой сопричастности наша деятельность не только воспроизводит культуру, но и способна давать импульс ее развитию;

3) культура – это то, что мы помним; не только научное историческое знание, но и повседневные представления индивидов о прошлом являются частью культуры. Историческая память выступает зеркалом культуры общества. С одной стороны, в том, как мы воспринимаем, оцениваем историю своего народа, отражаются те ценности, которых мы придерживаемся, с другой – история любого общества представляет собой историю его деятельности, его культурной жизни, историю выбора и создания идей и идеалов, попыток их претворения в реальность.

Люди оценивают события прошлого с позиции настоящего, в котором находятся, их мировоззрение и миропонимание во многом опосредованы их ценностями и пережитым жизненным опытом. Вследствие этого восприятие и оценка произошедших в прошлом событий могут не совпадать как у современников этих событий и их потомков, так и у ныне живущих поколений одного общества.

Именно поэтому так важно для обеспечения социальной стабильности поддерживать высокую степень единства восприятия истории разными поколениями. Сохранение этого единства достигается поддержанием преемственности между поколениями в интерпретации истории, например, посредством деятельности институтов образования. Вместе с тем прошлое может подвергаться переоценке, так как представления о прошлом тесно связаны с ценностными убеждениями индивидов. Как правило, это происходит в периоды больших социальных перемен, когда устоявшиеся социальные отношения и связи подвергаются радикальным трансформациям. Однако спекуляция историей – ее «переписывание», принудительная смена интерпретации прошлого без наличия соответствующей потребности со стороны общества – может быть крайне опасной, поскольку способствует разобщению, поляризации людей. В результате каждый человек оказывается перед выбором: принимать новую версию истории своих предков или нет. Важно понимать, что вопрос об интерпретации истории в обществе – это всегда вопрос о ценностях, лежащих в ее основе.

Таким образом, историческая память определяется нами как один из ключевых компонентов культуры, как совокупность представлений индивидов о прошлом своего народа и страны, опосредованная их ценностями и жизненным опытом. Это динамичное и изменчивое знание истории, меняющееся от поколения к поколению для сохранения преемственности и прочной связи между настоящим и прошлым общества.

Методология и источники данных. Для того чтобы очертить основные тенденции изменения исторической памяти белорусов, нами был проведен сравнительный анализ представлений разных поколений нашего общества о значимости событий прошлого. Понятие поколения трактуется нами широко: как социальная общность сверстников, которая отличается от других возрастных слоев населения специфическим жизненным опытом, накопленным ими в течение жизни под воздействием различных исторических событий. Поэтому, определяя границы поколений, в качестве основного критерия использовался возраст, но при этом учитывались границы исторических периодов, в условиях которых протекали такие этапы жизни представителей

поколения, как детство (в данном контексте – детство в период сознательного возраста), юность и зрелость. Обосновывая определение границ поколений на возрасте и исторических периодах развития страны и общества, мы исходили из предположения, что именно на первых стадиях жизни человека происходит усвоение смысловых ценностей и основных образцов социально одобряемого поведения. Именно поэтому важно учитывать, в каких социально-экономических и социокультурных условиях проходила жизнь человека.

Таким образом, для проведения анализа особенностей формирования исторической памяти нами были выделены три поколения. Первое поколение охватывает белорусов, родившихся в 1981 г. и позже, на период 2016 г. (год проведения Институтом социологии НАН Беларуси исследования исторической памяти белорусов) – это лица в возрасте 35 лет и младше. Второе поколение – это люди, родившиеся в период 1961–1980 гг. (на 2016 г. – лица в возрасте 36–55 лет). Третье – люди, родившиеся в 1960 г. и ранее (на 2016 г. – лица в возрасте 56 лет и старше).

Наша группировка поколений носит теоретический характер, т. е. она определена не на основе эмпирических данных, а на указанном выше теоретическом допущении, что именно возраст и сопричастность историческим событиям и периодам интегрируют людей в единое поколение, выступая фундаментом формирования схожего мировоззрения и ценностной системы. Результаты исследования 2013 г. подтверждают тот факт, что именно возраст является ключевым критерием для человека при определении своего поколения (табл. 1).

Таблица 1. Критерии идентификации своего поколения жителями Беларуси (в целом и по трем возрастным группам), %

Table 1. Criteria for Identifying Their Generation by Residents of Belarus (in total and by three age groups), %

Представители моего поколения – это люди...	Доля респондентов, согласных с утверждением			
	В целом по стране	в возрасте*:		
		32 года и младше	33–52 года	53 года и старше
моего возраста	69,1	66,1	66,4	74,8
имеющие общие интересы и взгляды на жизнь	46,5	52,2	53,1	34,3
ведущие схожий образ жизни	27,6	32,2	28,9	22,0
пережившие одни и те же исторические события	26,3	19,8	24,7	34,2
имеющие сходные ценности	22,6	23,6	23,3	20,8

* *Примечание.* Возрастные границы поколений указаны на год проведения опроса (2013 г.) в соответствии с указанными выше годами рождения представителей трех поколений.

Интересным представляется тот факт, что иерархия критериев определения своего поколения существенно различается у молодежи (в 2013 г. – в возрасте 32 года и младше) и у самой старшей возрастной группы (в 2013 г. – в возрасте 53 года и старше). В обеих группах лидирует возрастной критерий. Однако для лиц, приближающихся к пожилому возрасту, факт сопричастности к одним и тем же историческим событиям так же важен для определения своего поколения, как и наличие общих интересов и взглядов на жизнь. Такого мнения придерживается каждый третий представитель данной возрастной группы (34,2 и 34,3% соответственно). В отличие от этой возрастной группы, молодежь при определении своего поколения исходит в большей мере из наличия общих интересов, взглядов и схожего образа жизни (так утверждают 52,2 и 32,2% респондентов соответственно). Трудно однозначно сказать, с чем связаны такие различия: с тем, что у молодежи пока еще не хватает жизненного опыта, чтобы оценить значимость влияния исторических событий на жизнь их поколения, либо с тем, что на долю старшего поколения выпало слишком много событий, связанных с радикальными изменениями страны и общества. Данный вопрос выходит за рамки статьи и требует отдельных исследований.

Рассмотрим более подробно те исторические периоды, которые явились основой для формирования жизненного опыта трех определенных нами поколений. Первое поколение (родившиеся в 1981 г. и позже) – это поколение современной молодежи. Большую часть своей жизни они прожили в независимой Республике Беларусь. У большинства представителей данного поколения

детство, юность и первые годы вступления во взрослую, самостоятельную жизнь пришлось на период больших социальных изменений (период «перестройки») и экономических потрясений (1990-е гг.). Второе поколение (родившиеся в период 1961–1980-х гг.) на данный момент может быть отнесено к категории людей зрелого возраста, большинство из которых уже достигли успехов, реализовали себя как в профессиональной деятельности, так и в семейной жизни. Детство большинства из них выпало на довольно благополучное время так называемого «развитого социализма», однако вступление во взрослую жизнь произошло в период радикальных социальных перемен – в период «перестройки» и первых лет после обретения Беларусью независимости. Третье поколение (родившиеся в 1960 г. и ранее) можно отнести к категории лиц пожилого возраста. Детство большинства из них не было военным, однако можно предположить, что в жизненном опыте данной категории людей оставила свой отпечаток историческая близость к их жизни Великой Отечественной войны, коснувшейся фактически каждой белорусской семьи. Значительная часть жизни представителей данного поколения пришлась на благополучные годы советского периода истории Беларуси, поэтому распад СССР, экономические проблемы 1990-х гг. могли принести довольно негативный жизненный опыт для многих из этой группы.

Исходя из жизненного опыта трех поколений, можно предположить, что на оценку исторических событий советского периода истории Беларуси и периода независимости будет оказывать влияние продолжительность жизни представителей поколения в СССР. Другими словами, на фоне жизненного опыта, полученного в благополучные периоды истории СССР, радикальные перемены уклада жизни и иные нововведения могут восприниматься старшими поколениями более негативно, чем молодежью.

В Институте социологии НАН Беларуси изучение роли истории в общественной жизни и исторической памяти началось в 2000-х гг. До 2010 г. исследования, как правило, ограничивались оценкой вклада общего исторического прошлого в интеграцию индивидов в единый социум. За последнее десятилетие был поднят более широкий круг вопросов, касающихся исторической памяти, среди которых отдельно следует упомянуть изучение особенностей восприятия исторических событий населением страны, а также формирующего влияния на историческую память публикаций средств массовой информации.

Данные исследований последних лет свидетельствуют о том, что история страны обладает значительным интегрирующим потенциалом. Так, по результатам опроса 2016 г., 77,3% населения признают, что история страны содействует объединению белорусского народа. Такая убежденность большинства жителей нашей страны свидетельствует о том, что в белорусском обществе отсутствует разобщенность в восприятии своей истории.

Вместе с тем история в оценках и мнениях людей не представляется неким монолитом: она всегда распадается на исторические периоды и события, для каждого из которых члены общества определяют его значимость и вклад в развитие общества и страны. В этом кроется одно из ключевых отличий исторической памяти народа от изложения истории учеными: историческая память всегда фрагментарна. Так, одни события и периоды могут определяться как сверхзначимые, судьбоносные для народа, в то время как другие (с точки зрения членов общества, малозначимые для общественного развития) будут вытесняться на периферию и в ряде случаев подвергаться забвению. Данная проблематика крайне сложна и требует проведения узкоспециализированных исследований. Однако в Институте социологии уже сделаны первые шаги в изучении того, как в памяти народа распределяются по своей значимости исторические события и периоды прошлого. В рамках одного из исследований Института социологии, проведенного в 2016 г., респондентам предлагалось оценить, являются ли знаковыми для белорусов предложенные в списке исторические события и периоды. Полученные результаты позволяют проанализировать форму, в которой история существует в памяти народа.

Результаты исследований. Так, исторические периоды, удаленные от современности на большой временной промежуток и связанные со вхождением белорусских земель в состав Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи, не оцениваются большинством членов нашего общества как знаковые для белорусов (рис. 1).

Рис. 1. Оценка населением значимости для белорусов исторических периодов вхождения белорусских земель в состав Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи

Fig. 1. Residents' Opinion on whether Historical Periods when Belarusian Lands Were Part of the Grand Duchy of Lithuania, the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian Empire Are Important for Belarusians

Доля лиц, признающих высокую значимость периодов Речи Посполитой и Российской империи, находится на одном уровне – этого мнения придерживается примерно каждый десятый белорус, вне зависимости от его принадлежности к одному из трех поколений. Исключением является период Великого Княжества Литовского. Несмотря на довольно небольшую долю населения, считающих данный период значимым для нашего народа (16,7% от всего населения), можно наблюдать некоторую неоднородность восприятия данного периода представителями разных поколений. Так, если среди самого старшего поколения примерно каждый десятый (11,0%) считает этот период значимым для белорусов, то среди двух других поколений почти каждый пятый придерживается такого мнения (19,0% среди молодежи и 18,3% среди лиц зрелого возраста). Это может быть связано с тем, что современная интерпретация данного периода (как периода расцвета белорусской культуры и государственности), транслируемая в СМИ и школьных программах, существенно отличается от интерпретации данного периода в рамках советской идеологии середины XX в.

Ввиду того, что XX в. и, в первую очередь, период вхождения Беларуси в состав СССР – исторически более близкий к современности период, то в рамках исследования 2016 г. он был представлен следующим набором ключевых исторических событий (рис. 2).

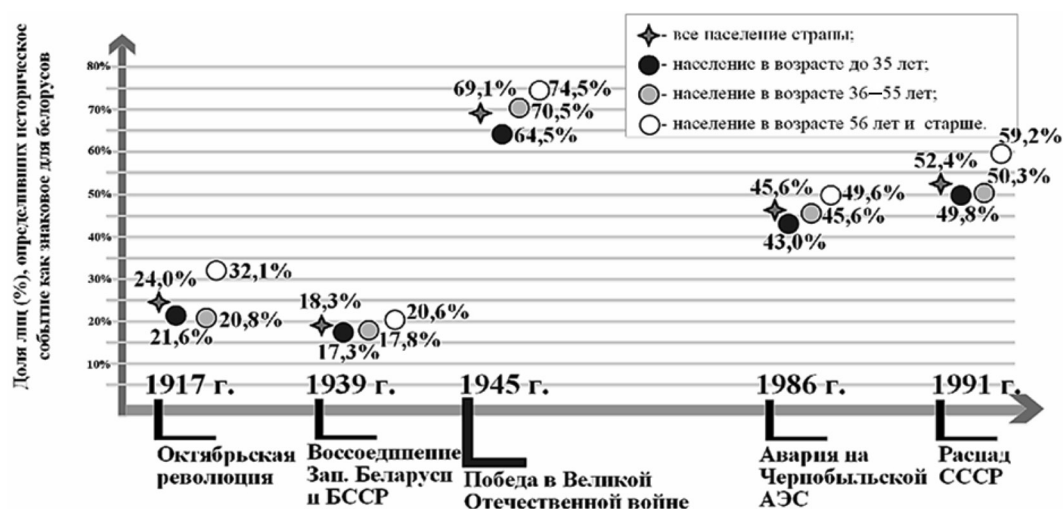

Рис. 2. Оценка населением значимости для белорусов исторических событий советского периода истории Беларуси

Fig. 2. Residents' Opinion on whether Historical Events in the Soviet Period of the History of Belarus Are Important for Belarusians

Наиболее значимым событием в истории белорусского народа населением страны признается победа в Великой Отечественной войне: такого мнения придерживаются 69,1% населения. Как показало исследование 2010 г., восприятие этого события связано в современном белорусском обществе, с одной стороны, с чувством гордости и благодарности своим отцам и дедам за этот подвиг, но с другой – это событие до сих пор напоминает о потерях и боли, которые принесла война. Так, почти половина населения Беларуси считает победу в этой войне – великой победой отцов и дедов и испытывает благодарность участникам войны (42,8 и 44,1% соответственно). Почти каждый третий белорус (31,7%) испытывает гордость за страну, победившую фашизм. Однако около половины (43,6%) считает 9 мая днем памяти и скорби по всем погибшим и почти каждый пятый (17,7%) испытывает горечь за огромные жертвы, понесенные в войне.

Большинство представителей каждого из трех поколений считают победу в Великой Отечественной войне знаковой для нашего народа, однако, как следует из рис. 2, чем дальше во временной перспективе находится поколение от этого исторического события, тем меньше доля тех, кто признает его высокую значимость. Так, среди молодежи, по сравнению с самым старшим поколением из трех, эта доля меньше на 10% (64,5 и 74,5% соответственно). Вторым по значимости событием рассматриваемого нами периода истории выступает распад СССР – такого мнения придерживается каждый второй житель Беларуси (52,4%). При этом больше всего значимость этого события признает старшее поколение белорусов, большая часть жизни которых прошла в СССР. В целом, среди старшего поколения (в возрасте 56 лет и более) несколько выше доля лиц, по мнению которых, исторические события советского периода, приведенные в рамках опроса, оказали существенное влияние на белорусский народ. Это наиболее ярко проявляется в оценках значимости Октябрьской революции, распада СССР. Для молодежи в то же время характерна обратная ситуация. Можно предположить, что именно здесь проявляется накопленный жизненный опыт поколений: чем более поколение удалено по времени от исторического события, тем меньше оно придает ему значимости. Другими словами, наша сопричастность к историческим событиям повышает их значимость в наших глазах.

Период независимости Беларуси в рамках исследования 2016 г. также был представлен набором исторических событий (рис. 3).

В том, как оценивают значимость событий данного периода представители трех поколений, можно найти еще одно подтверждение нашему предположению о том, что чувство современности и сопричастности к историческому событию повышает его значимость в представлениях человека. Так, среди молодежи доля лиц, которые определяют исторические события периода независимости Беларуси как знаковые для белорусов, как правило, выше, чем аналогичная доля среди представителей самого старшего поколения.

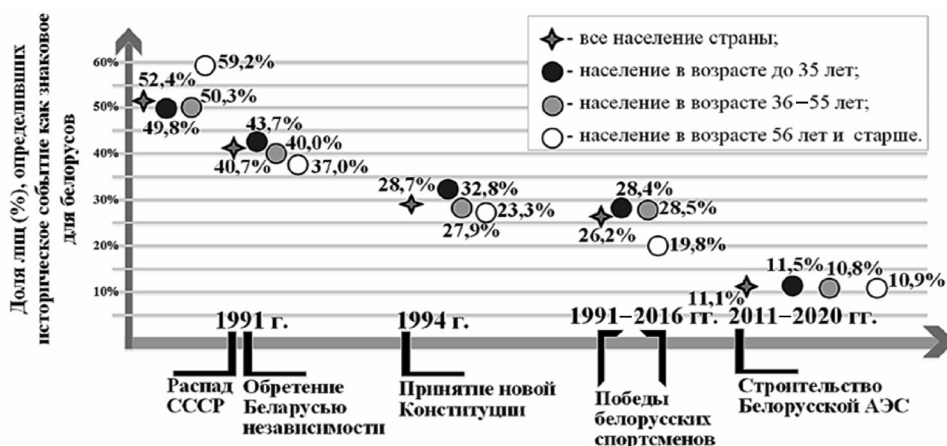

Рис. 3. Оценка населением значимости для белорусов исторических событий периода независимости Беларуси

Fig. 3. Residents' Opinion on whether Historical Events in the Period of Belarusian Independence Are Important for Belarusians

Однако чувство сопричастности к истории – это только один из факторов, повышающих в представлениях человека значимость события. Таким же фактором могут выступать те социальные изменения, которые влечет за собой историческое событие. Чем больше таких последствий для общества несет история, чем более радикальны социальные изменения, тем большую значимость индивиды придают такому событию. Примером тому служат два тесно взаимосвязанных события 1991 г. – распад СССР и обретение Беларусью независимости.

Исходя из данных, представленных на рис. 3, можно сделать вывод, что для молодежи эти два события 1991 г. имеют почти равное значение. Об этом свидетельствует крайне малая разница в численности подгрупп молодежи, определивших эти события в качестве знаковых для белорусов. Эта разница составила чуть более 6% (распад СССР признали знаковым событием 49,8% молодежи, а обретение Беларусью независимости – 43,7%). На момент этих событий представители младшего поколения были детьми, у которых еще только формировалось мировоззрение и восприятие истории. Поэтому 1991 г. принес гораздо большие изменения для их страны и их родителей, но не для большинства детей того времени, у которых еще не было жизненного опыта и устоявшейся системы ценностей. В то же время разрыв в оценках значимости двух событий 1991 г. становится все больше, чем более старшим является поколение.

Представители второго по возрасту поколения на момент 1991 г. были молодежью, самым старшим из них только исполнилось 30 лет. Это поколение демонстрирует уже большее расхождение в численности подгрупп, признающих значимость двух событий 1991 г., – на уровне 10%. Наибольшие же изменения 1991 г. принес самому старшему поколению: более половины из них (59,2%) определили распад СССР как знаковое событие для белорусов, в то время как значимость обретения Беларусью независимости для белорусского народа признали лишь немногим более трети представителей старшего поколения (37,0%). Все это свидетельствует о том, что распад СССР потребовал наибольших изменений в ценностях, переоценке собственного жизненного опыта от данной возрастной группы белорусского общества.

В целом, из представленных респондентам в рамках опроса исторических событий постсоветского периода Беларуси наиболее знаковым для населения выступило обретение независимости. Прочие исторические события этого периода, предложенные для оценки респондентам, признаются знаковыми лишь четвертью (или менее) от всего населения страны.

Примечательно, что строительство Белорусской АЭС (БелАЭС) фактически пока еще не стало историей – жители страны вне зависимости от возраста довольно единодушны в своих оценках значимости этого события: его важность признает примерно каждый десятый белорус (11,1%). Это можно объяснить тем, что БелАЭС еще не построена и не оказала существенного влияния на жизнь белорусов. Возможно, в довольно близком будущем это событие будет оценено населением страны совершенно по-другому.

Подводя итоги рассмотрению восприятия белорусами исторических событий и периодов своего прошлого, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в белорусском обществе отсутствует поляризация в интерпретациях событий прошлого, так как существенных расхождений между поколениями в оценках значимости исторических событий и периодов не было выявлено. Также белорусы высказывают единодушные в оценке высокой интегрирующей роли истории в нашем обществе. Все это свидетельствует о высокой степени единства и преемственности между поколениями в восприятии истории.

Во-вторых, оценки значимости исторических событий и периодов уменьшаются по мере увеличения их хронологической удаленности от времени жизни поколений. Так, в целом для молодежи, в отличие от старших поколений, свойственно несколько меньше признавать значимость событий советского прошлого. Это может быть связано с тем, что большинство ее представителей не чувствуют себя сопричастными к этому периоду в полной мере, для них это уже в большей мере история учебников и книг, нежели история реальных, ныне живущих людей.

В-третьих, белорусы склонны оценивать выше значимость тех событий, непосредственными современниками которых они являются. Об этом свидетельствует тот факт, что молодежь, по сравнению со старшим поколением, склонна оценивать значимость событий советского периода ниже, а событий постсоветского периода истории Беларуси, современником которых она является, – выше.

В-четвертых, для белорусов наиболее знаковыми событиями их прошлого являются: победа в Великой Отечественной войне, авария на Чернобыльской АЭС и распад СССР. Этой точки зрения придерживаются около половины (и более) населения Беларуси. Такой высокий уровень единодушия в признании значимости может объясняться тем, что все три события изменили жизнь большинства членов общества: война принесла потери фактически в каждую белорусскую семью, много территорий Беларуси до сих пор загрязнены радионуклидами, после распада СССР большинству белорусов, особенно старших возрастов, пришлось радикально менять свое мировоззрение, собственные ценности, переоценивать свой жизненный опыт.

Как упоминалось ранее, исследования Института социологии НАН Беларуси не ограничивались лишь изучением восприятия истории населением страны. Отдельным исследовательским направлением стало изучение формирующего воздействия средств массовой информации на историческую память белорусов.

Повседневную жизнь современного общества практически невозможно представить без существования СМИ, поэтому нельзя недооценивать их влияние на представления о прошлом и мировоззрение людей в целом. Как пишет российский социолог Н. П. Старых, средства массовой информации «являются условием того, чтобы позднейшие поколения могли стать свидетелями давно уже прошедшего события, детали которого забыты. Они резко расширяют радиус принадлежности к числу современников. Благодаря материализации на носителях данных, средства массовой информации обеспечивают живым воспоминаниям место в культурной памяти. Фотография, репортаж, мемуары и фильм архивируются в большом банке данных объективированного прошлого. Одна из задач СМИ – постоянно активизировать накопленные данные для устойчивого перевода информации в воспоминания» [1, с. 104].

За последние годы в Институте социологии было проведено два исследования (в 2012–2014 гг. и 2016 г.), использующих метод контент-анализа и направленных на изучение того, как подается в СМИ информация о событиях прошлого. Контент-анализ представляет собой метод качественно-количественного анализа содержания документов, базирующийся на анализе смысловых единиц текста (понятий, событий, имен и пр.), которые устойчиво повторяются в тексте документа. В результате, контент-анализ позволяет выявлять закономерности представления информации в этих документах, например, определять способ подачи, раскрытия темы, а также фиксировать ключевые характеристики самих текстов.

Первым крупным исследованием, посвященным проблемам формирования исторической памяти, в котором принял активное участие Институт социологии НАН Беларуси, стал белорусско-российский научно-исследовательский проект «Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ» (2012–2014 гг.) [2]. В рамках этого проекта была разработана классификация исторических событий и периодов Беларуси, используемая в последующих исследованиях исторической памяти, в частности при изучении значимости для белорусов данных исторических событий и периодов, а также при проведении контент-анализа крупнейших белорусских СМИ (оба исследования были проведены в 2016 г.).

В исследовании 2016 г. изучались особенности воспроизводства исторической памяти о Беларуси в белорусских социально-политических СМИ. Объектом данного исследования выступили информационные материалы за 2016 г. трех крупных социально-политических печатных СМИ Беларуси – «СБ. Беларусь сегодня», «Аргументы и факты в Беларуси» и «Народная газета», посвященные исторической памяти о Беларуси, причем представленные не в печатной, а в электронной версии и, соответственно, размещенные в Интернете на официальном веб-сайте этих СМИ. Ввиду того, что историческая память является весьма сложным для социологического изучения явлением, в рамках данного исследования было принято решение ориентироваться исключительно на исторические события с упоминанием конкретных дат и/или периодов, сопровождавшиеся их описанием. Всего за 2016 год была обнаружена 141 публикация, освещающая исторические события Беларуси; всего же было исследовано 356 номеров электронных версий газет. В результате было выявлено, что одна публикация, касающаяся исторических событий и/или периодов, приходится на 3 номера. Это позволяет утверждать, что история является одной

из ключевых тематик крупнейших белорусских СМИ. Публикации, посвященные историческим событиям Беларуси, размещались в основном в двух рубриках: «История» (19,9%) и «Общество» (59,6%). Преимущественное размещение такого рода публикаций в рамках рубрики «Общество», а не узкоспециализированной рубрики «История», может быть связано с тем, что авторы статей в большей мере стремились выявить и показать читателю тесную взаимосвязь описываемого события с реалиями сегодняшней общественной жизни, нежели дать отвлеченное описание некоторого исторического факта.

Публикации носили преимущественно художественно-публицистический характер (51,8%), т. е. описывали историческое событие и/или период в достаточной степени простым и понятным для широкой аудитории языком. Также присутствует достаточно большое количество аналитического материала (32,6%), что может объясняться тем обстоятельством, что в рамках статьи, посвященной историческому событию, как правило, упоминается довольно широкий ряд исторических фактов, требующих интерпретации и пояснения.

Говоря об опубликованных материалах как результатах журналистского труда, нельзя обойти вниманием такой момент, как информационные поводы к публикациям – темы или события, послужившие отправной точкой для их написания. В рамках проведенного в 2016 г. исследования было крайне сложно установить точную причину, ставшую информационным поводом к публикации: фактически затруднения возникали в каждом третьем случае. Данные по этому вопросу для статей, в которых было возможно четко идентифицировать информационный повод, представлены в табл. 2.

Таблица 2. Распределение информационных поводов по публикациям, посвященным историческим событиям и/или периодам, трех газет («СБ. Беларусь сегодня», «Аргументы и факты в Беларуси» и «Народная газета»)

Table 2. Breakdown of Newsworthy Events by Publications Devoted to Historical Events and/or Periods in Three Newspapers (SB. Belarus Today; Arguments and Facts in Belarus; and Narodnaya Gazeta)

Информационный повод	Количество упоминаний	Процент встречаемости
Памятная дата	43	47,8
Событие глазами очевидца	22	24,5
Историческая находка/открытие	12	13,3
Культурное мероприятие	8	8,9
Заявление государственного чиновника	3	3,3
Интервью со специалистом из области науки, культуры	2	2,2
Итого	90	100,0

Как показало исследование, журналистами больше всего использовался такой информационный повод, как памятная дата (общенациональные праздники, годовщины, юбилеи). 26 апреля, 9 мая, 22 июня, 3 июля – это далеко не весь список дат, отмеченных событиями, которые оказали влияние на жизнь нашей страны и которые уже прочно закрепились в памяти и культуре белорусов. Вторым по частоте информационным поводом можно назвать «событие глазами очевидца»: такие статьи представляли личные воспоминания людей, ставших непосредственными участниками исторических событий (Великая Отечественная война, авария на Чернобыльской АЭС), а также их друзей, родных и близких. Эти материалы насыщены чувствами и переживаниями рассказчиков, помогающими в полной мере соприкоснуться с их опытом.

Данные контент-анализа свидетельствуют о том, что наибольшую частоту упоминаний в СМИ получил советский период истории Беларуси, а среди всех исторических событий – события Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и авария на Чернобыльской АЭС (табл. 3).

При этом, как следует из табл. 3, подавляющее число публикаций посвящено теме Великой Отечественной войны – одному из самых масштабных событий XX века, которое оставило неизгладимый след в истории и душах белорусского народа. Материалы на данную тему встречаются в каждой исследованной газете в течение всего года, что показано на рис. 4.

Это обстоятельство свидетельствует об актуальности и востребованности на сегодняшний день публикаций, посвященных теме Великой Отечественной войны.

Таблица 3. Частота встречаемости упоминаний исторических событий и периодов в публикациях за 2016 г. трех белорусских газет («СБ. Беларусь сегодня», «Аргументы и факты в Беларуси» и «Народная газета»)

Table 3. Frequency of Referencing Historical Events and Periods in Publications in 2016 in Three Belarusian Newspapers (SB. Belarus Today; Arguments and Facts in Belarus; and Narodnaya Gazeta)

Историческое событие и/или период	Процент встречаемости
События Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	53,2
Период СССР в целом (1922–1991 гг.)	14,9
Авария на Чернобыльской АЭС (1986 г.)	8,5
Период Великого Княжества Литовского (XIII–XVI вв.)	3,5
Период Российской империи (1772–1917 гг.)	2,8
Период революций, гражданской войны и установления советской власти (1917–1922 гг.)	2,8
Распад СССР в 1991 г.	2,8
Воссоединение Западной Беларуси с БССР в 1939 г.	1,4
Период Речи Посполитой (1569–1772 гг.)	0,7
Обретение Беларусью государственной независимости в 1991 г.	0,7
Другие исторические события и периоды	8,5

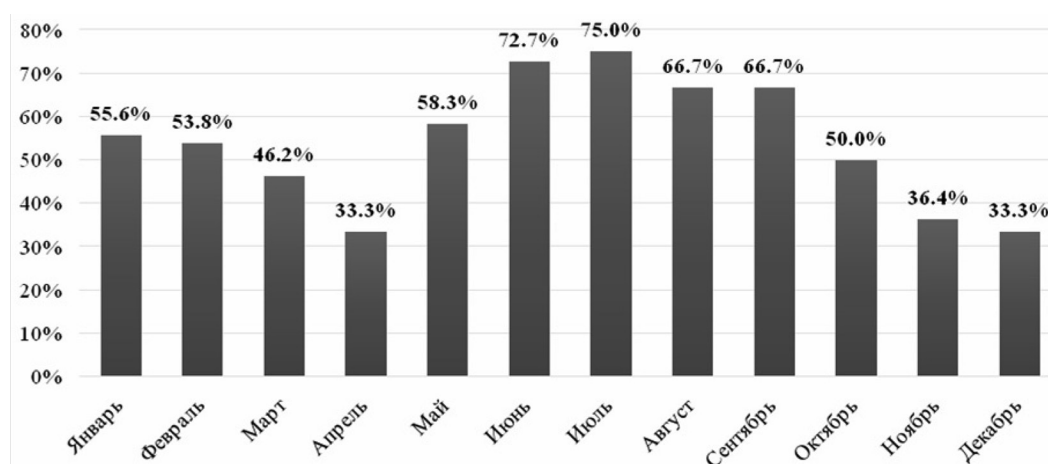

Рис. 4. Данные по результатам освещаемости событий Великой Отечественной войны в трех газетах («СБ. Беларусь сегодня», «Аргументы и факты в Беларуси» и «Народная газета») по месяцам 2016 г.

Fig. 4. Coverage of Events Related to the Great Patriotic War in Three Newspapers (SB. Belarus Today; Arguments and Facts in Belarus; and Narodnaya Gazeta) by Month, 2016

Отдельно следует упомянуть о том, кто становится героем данных публикаций, какие исторические деятели и фигуры наиболее часто упоминаются в статьях рассматриваемых нами газет. Участники исторических событий были разгруппированы по критерию их основной деятельности, что помогло в значительной степени избежать путаницы и облегчить процесс анализа текстов. Степень встречаемости выделенных групп участников исторических событий отображена в табл. 4.

Как показывают данные, полученные в ходе исследования, самыми распространенными участниками исторических событий Беларуси являются рядовые граждане нашей страны. Как правило, это обычные люди, которые в силу тех или иных обстоятельств стали участниками событий, повлиявших на ход белорусской истории. Учитывая то, что самой популярной темой в СМИ стала Великая Отечественная война, то данный факт отчасти является ожидаемым. В проанализированных газетах главными героями многих статей стали люди, в чью жизнь неожиданно пришла война; в текстах интервью хорошо заметно, как рассказчики заново переживают моменты из прошлого, которое во многом кардинально поменяло их жизнь.

Сами журналисты в исследованных газетах пишут о важности сохранения исторической памяти о Беларуси и передачи молодому поколению знаний и опыта его предшественников. На это весьма красноречиво указывают заголовки многочисленных статей, такие как «То, о чем

Таблица 4. Данные по встречаемости участников исторических событий в публикациях за 2016 г. трех белорусских газет («СБ. Беларусь сегодня», «Аргументы и факты в Беларуси» и «Народная газета»)

Table 4. Reference of Participants of Historical Events in Publications in 2016 in Three Belarusian Newspapers (SB. Belarus Today; Arguments and Facts in Belarus; and Narodnaya Gazeta)

Участники исторических событий	Процент встречаемости
Простые жители Беларуси	53,2
Военные деятели	40,4
Высокопоставленные государственные чиновники	33,3
Правители государств	27,0
Деятели культуры	19,1
Политики	10,6
Представители науки	4,3
Другие участники	0,7

забывать не должны», «Никто не забыт», «Память должна быть благодарной» и др. В связи с этим подчеркивается важность различных исторических объектов, выступающих артефактами и носителями информации о событиях прошлого и являющихся культурным наследием страны. В табл. 5 представлены данные о частоте упоминаемости в статьях таких объектов.

Таблица 5. Частота упоминаемости исторических объектов в публикациях за 2016 г. трех белорусских газет («СБ. Беларусь сегодня», «Аргументы и факты в Беларуси» и «Народная газета»)

Table 5. Frequency of Referencing Historical Objects in Publications in 2016 in Three Belarusian Newspapers (SB. Belarus Today; Arguments and Facts in Belarus; and Narodnaya Gazeta)

Исторические объекты	Процент встречаемости
Места памяти	44,0
Памятники	36,9
Документы	28,4
Архивы	14,9
Музеи	10,6
Книги	4,3
Другое	16,3

Как следует из табл. 5, от трети до почти половины публикаций, посвященных событиям белорусской истории (36,9–44,0%), содержат упоминания различных мест памяти и памятников. На основании этого можно утверждать, что они выступают важнейшими ценностно-значимыми инструментами поддержания единства и преемственности исторической памяти.

Заключение. Результаты исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси, демонстрируют высокий уровень единства белорусского народа в восприятии событий прошлого, что выступает залогом социальной стабильности и отсутствия разобщенности ценностных систем и мировоззрений разных поколений белорусов.

Как показали исследования, значимость исторических событий и периодов в глазах разных поколений может несколько различаться. С одной стороны, это может быть обусловлено тем, что представители одного поколения склонны выше оценивать значимость той части истории, которая хронологически ближе к их жизни, современниками которой они себя ощущают. С другой стороны, отдельные исторические события могут обладать высокой значимостью в представлениях народа, мало зависящей от их хронологической удаленности. Такого рода события повлекли не только радикальные социальные перемены, но и потребовали от своих современников, а зачастую и от их потомков, изменения ценностей, перестройки мировоззрения. Ярким примером такого события является победа в Великой Отечественной войне, оказавшая наибольшее влияние на историческую память народа. Ее значимость не ослабевает от поколения к поколению белорусов, несмотря на то, что с момента ее окончания прошло уже более 70 лет.

При изучении формирования исторической памяти народа крайне важно учитывать тот факт, что большой вклад в данный процесс вносят СМИ. Современные белорусские социально-политические печатные СМИ весьма активно освещают самые разные вопросы, связанные с историей Беларуси. В публикациях газет описание исторических событий представляет собой тесную связь хронологии памятных дат и географии мест памяти. Зачастую изложение событий прошлого облекается в форму истории обычных жителей страны, ставших не просто их современниками, а активными участниками данных событий. Белорусские СМИ осознают и стараются передать своим читателям важность самой идеи сохранения белорусского историко-культурного наследия и поддержания преемственности в понимании истории различными поколениями белорусского общества, поскольку, как показывает практика, без извлечения уроков из богатого событиями прошлого невозможно определить стратегию развития в будущем.

Как показывают исследования, транслируемые в СМИ представления о прошлом находятся в тесной связи с исторической памятью современного белорусского общества. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство наиболее упоминаемых в публикациях газет исторических событий и периодов относятся, по мнению белорусов, к наиболее знаковым событиям истории нашей страны и народа.

Список использованных источников

1. Старых, Н. П. Средства массовой информации как источник формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне / Н. П. Старых // Вестн. государственного и муниципального управления. – 2014. – № 4. – С. 104–108.
2. Воспроизводство исторической памяти о Великой Отечественной войне в общественном сознании жителей Беларуси и России: сравнительный анализ: отчет о НИР (заключ.): Ин-т социологии НАН Беларуси; рук. И. В. Лашук. – Минск, 2014. – 114 с. – № ГР 20142634.

References

1. Starykh N. P. Mass media as a source of formation of historical memory of the Great Patriotic War. *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia* [Bulletin of State and Municipal Management], 2014, no. 4, pp. 104–108. (in Russian)
2. *Vosproizvodstvo istoricheskoi pamiati o Velikoi Otechestvennoi voine v obshchestvennom soznanii zhitelei Belarusi i Rossii: sravnitel'nyi analiz : otchet o NIR (zakliuch.)* [Reproduction of the historical memory of the Great Patriotic War in the public consciousness of the inhabitants of Belarus and Russia: a comparative analysis : a report on a research (final)], Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus; head Lashuk I. V. Minsk, 2014. 114 p. no. GR 20142634. (in Russian)

Информация об авторах

Денисова Наталья Федоровна – научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: natalia.kotlenok@gmail.com

Бровчук Никита Михайлович – младший научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nikitabrovchuk93@gmail.com

Information about the authors

Nataliya F. Denisova – Scientific Researcher, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: natalia.kotlenok@gmail.com

Nikita M. Brovchuk – Junior Scientific Researcher, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nikitabrovchuk93@gmail.com

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)
УДК 329

Поступила в редакцию 27.10.2017
Received 27.10.2017

А. В. Гавриков

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

СТАНОВЛЕНИЕ МНОГОПАРТИЙНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Аннотация. Рассмотрен один из наиболее значимых вопросов современного партийного строительства – становление многопартийности в Беларуси в период политических трансформаций. Показаны политико-теоретические основы становления современной многопартийности в Беларуси в период политических трансформаций. Предпринята попытка выделить периоды политического развития белорусской многопартийности. Основное внимание уделено становлению многопартийности и ее хронологическому развитию, а также проанализированы как общие, так и частные черты современной белорусской многопартийности. Рассмотрено участие политических партий как социально-политического института в политической жизни страны. После преодоления монополии КПСС в обществе бурно развивались процессы становления политического плюрализма, формирования политических партий и движений. Первоначально эти процессы в значительной мере были инициированы самим обществом.

Ключевые слова: политическая партия, политическая трансформация, политическая многопартийность, электорат, общественное мнение, политическая борьба, парламент, переходное общество, парламентская фракция, политическая оппозиция

Для цитирования. Гавриков, А. В. Становление многопартийности в Республике Беларусь (конец XX – начало XXI века) / А. В. Гавриков // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 33–39.

A. V. Gavrikov

Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE FORMATION OF A MULTI-PARTY SYSTEM IN BELARUS (LATE 20th AND EARLY 21st CENTURIES)

Abstract. The article addresses one of the most important aspects of party formation, i.e. the establishment of a multiparty system in Belarus in the period of political transformations. The article shows the political and theoretical basis for the formation of the modern multiparty system in Belarus in the period of political transformations. An attempt is made to identify periods of political development of the Belarusian multi-party system. The article focuses on the establishment of a multiparty system and its chronological development and analysis of both general and specific features of the modern Belarusian multi-party system. Attention is given to the participation of political parties as a socio-political institution. After the monopoly of the Communist Party was overcome, society demonstrated rapid processes to form political pluralism, i. e. to form political parties and movements. Initially, these processes were largely initiated by society itself.

Keywords: political party, political transformation, multi-party system, electorate, public opinion, political struggle, parliament, transitional society, parliamentary faction, political opposition

For citation. Gavrikov A. V. The Formation of a Multi-party System in Belarus (Late 20th and Early 21st Centuries). *Vesti Natsyional'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 33–39 (Russian).

Республика Беларусь как молодое суверенное государство переживает период политической трансформации социально-политических институтов. Одним из важных институтов политической системы являются политические партии. Однако в нашей стране данный политический институт находится в стадии глубокого политического застоя. Социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в 2016–2017 гг., показали малую востребованность политических партий со стороны электората (наиболее высокий рейтинг лидирующей политической партии – 2,6%). Несмотря на то что в стране продолжают процессы реформирования правовых, политических, социальных и других государственных институтов, вопрос роли белорусских политических партий так и остался не изученным.

Актуальными и острыми вопросами отечественной политологии и политической социологии являются многопартийность и ее развитие. Очень важно рассмотреть динамику развития белорусской многопартийности в период политических трансформаций.

Дефиниция «многопартийность» не имеет четкого определения, поскольку ученые трактуют ее по-разному. Так, например, исследователь И. В. Котляров дает такое определение многопартийности: «**Многопартийность** – это такое состояние общественного порядка, при котором множественные политические объединения граждан имеют юридическое закрепление своего правового статуса и возможности их участия в борьбе за власть, за формирование выборных органов государственной власти и местного самоуправления» [1].

Теоретические аспекты политической трансформации многопартийности в Беларуси изучали И. В. Котляров [3], А. Н. Егоров [4], М. Н. Скрипин [4].

И. В. Котляров в работе «Феномен многопартийности в современном белорусском обществе» выделяет следующие периоды становления белорусской многопартийности:

- 1) 1991–1993 гг.: переход общества от одного качественного состояния к другому, развал СССР;
- 2) 1994 г.: выборы Президента Республики Беларусь;
- 3) 1995 г.: парламентские выборы в Верховный Совет Республики Беларусь тринадцатого созыва и всебелорусский референдум;
- 4) 1996 г.: республиканский референдум;
- 5) 2000 г.: выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь второго созыва;
- 6) 2001 г.: выборы Президента Республики Беларусь;
- 7) 2004 г.: выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва и общереспубликанский референдум;
- 8) 2006 г.: выборы Президента Республики Беларусь;
- 9) 2008 г.: выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь четвертого созыва;
- 10) 2010 г.: выборы Президента Республики Беларусь;
- 11) 2012 г.: выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь пятого созыва;
- 12) 2015 г.: выборы Президента Республики Беларусь;
- 13) выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь шестого созыва [2, с. 250–298].

Однако данная периодизация становления белорусской многопартийности во многом достаточно условна. Избирательные кампании разного уровня, как правило, имеют влияние на становление многопартийности. Избирательные кампании с 2000 г. имели незначительное влияние на трансформацию партий как социально-политического института. Помимо избирательных электоральных циклов важное значение для многопартийности традиционно имеют правовое регулирование деятельности партий, политическая институционализация политических партий, изменение электоральной активности населения.

Белорусский исследователь А. Н. Егоров в работе «Многопартийная система Республики Беларусь: проблемы формирования и развития» указывает следующие периоды развития многопартийности в Беларуси: «1990–2000 гг. – наиболее благоприятный период в правовом и электоральном плане, середина 2000-х гг. – период замедления роста партий, вторая половина 2000-х гг. – аннигиляция партий в стране» [3, с. 96]. Но данная статья была написана 10 лет назад и не рассматривает все аспекты развития многопартийности современной белорусской политической системы. Полностью не рассмотрены все причины и границы каждого периода трансформации многопартийности.

М. Н. Скрипин в статье «О некоторых аспектах формирования многопартийности в Республике Беларусь» дает следующие периоды становления белорусской многопартийности: «Становление политического плюрализма – 1990 г., возникновение и выход на политическую арену политических и общественных организаций – 1995 г., отмирание значительного числа мелких и консолидация более перспективных политических организаций» [4, с. 96].

Данная классификация была оптимальна для начала 2000-х гг. На данный момент политические партии проходят стадию третьей политической трансформации и находятся в состоянии политической стагнации, поэтому достаточно проблематично выделить какую-нибудь перспективную партию для ближайшего политического будущего.

На сегодняшний день считаем целесообразным выделить в становлении многопартийности следующие периоды, которые совпадали бы с периодами политической трансформации политических партий:

- 1990 г. – появление политических партий (перерегистрация политических партий Беларуси в 1995 г.);
- 1995–1999 гг. (перерегистрация в 1999 г.);
- 2000 г. и по настоящее время.

Период первой политической трансформации обусловлен тем, что в это время в Беларуси появляются политические партии и начинают свою институционализацию. В 1995–1999 гг. был осуществлен переход к президентской республике, произошла перерегистрация политических партий (которую не прошли многие политические партии), а также уменьшение роли политических партий в парламентской деятельности, сокращение членского состава, переход партий в стадию политической аннигиляции.

Данная классификация не является универсальной. На наш взгляд, именно эти хронологические рамки стали разграничением периодов становления белорусской многопартийности.

Рассмотрим становление белорусской многопартийности в период этих трех трансформаций.

Первым шагом к многопартийности явились отмена 6-й статьи Конституции СССР 1977 г. и принятие законов, которые могли бы дать возможность появиться партиям и осуществлять свою деятельность легально. Соответствующие законы были приняты в 1990–1991 гг. на волне развала социалистической системы и роста политической активности населения.

В период первой политической трансформации 1990–1995 гг. произошли быстрые изменения как политической системы Беларуси в целом, так и партийной. В Беларуси был принят курс на демократическое развитие страны и внедрение рыночной экономики. Официальный переход от однопартийной системы к многопартийной также сопровождался трансформацией политических сил, снижением роли коммунистической идеологии и потерей КПБ в значительной степени административного ресурса. Значительно усилились национально-демократические настроения электората, который получил альтернативу политического выбора.

Многопартийность периода первой политической трансформации развивалась при усилении противостояния сторонников левых идей и приверженцев национально-демократического и социально-демократического развития.

КПБ, будучи правящей партией страны до 1991 г., имела колоссальные ресурсы для политической борьбы и даже после отмены 6-й статьи Конституции СССР 1977 г. она располагала значительным количеством опытных кадров и сохранила относительно широкую сеть организационных структур. Однако влияние коммунистов быстро ослабевало в условиях мирового кризиса левой идеологии, широкомасштабной демократизации и популяризации в белорусском обществе либеральных западных идей [4, с. 97].

Противовесом коммунистической идеологии в Беларуси в период первой политической трансформации стали партии национал-демократической и социал-демократической направленности. Они «впитали» в себя протестный электорат и являлись проводниками идеологии демократического транзита, создавая либеральные и демократические партии по западноевропейскому образцу.

Новые партии не левой направленности быстро набирали популярность среди белорусского электората и к 1991–1992 гг. имели значительную политическую силу. Коммунистическая партия быстро теряла своих сторонников и ее кадровый состав сократился с 670 тыс. в 1986 г. до 22,5 тыс. в 1991 г., или в 50 раз [5].

28 июля 1990 г. Верховный Совет БССР принял постановление 222-XII «О регистрации общественных объединений в Белорусской Советской Социалистической Республике», которое давало возможность регистрироваться общественными организациями и политическим партиям и наделяло их юридическим статусом. На основе этого постановления 3 октября 1990 г. было издано постановление № 255 Совета Министров БССР «Об утверждении временного положения

о порядке образования и деятельности общественных объединений граждан в Белорусской Советской Социалистической Республике».

На основе временного положения 1990 г. было зарегистрировано 25 политических партий [4, с. 96].

Первой была зарегистрирована Национально-демократическая партия белорусов, затем Коммунистическая партия Белоруссии. В 1991 г. были зарегистрированы 5 демократических партий, находящихся в оппозиции КПБ: Объединенно-демократическая партия Беларуси, Белорусская крестьянская партия, Белорусская социал-демократическая Громада, Национально-демократическая партия Беларуси, Белорусский христианско-демократический союз [6].

В августе 1991 г. Верховный Совет в связи с путчем в Москве приостановил деятельность КПБ. В ответ на это коммунисты создали еще одну коммунистическую партию – ПКБ.

Пошатнувшиеся позиции КПБ стимулировали создание в 1992 г. Партии народного согласия, основу которой составили депутаты парламентской фракции «Коммунисты за демократию» и активисты «Демократической платформы КПСС» [5].

В 1992–1993 гг. в связи с возможностью роспуска Верховного Совета и проведения досрочных выборов по пропорционально-мажоритарной системе премьер-министр Вячеслав Кебич и его сторонники инициировали создание «Объединенной аграрно-демократической партии» и партии «Белорусский научно-производственный конгресс», которые должны были составить основу проправительственного блока на парламентских выборах [5].

В стране активизировались панславистски ориентированные силы, которые, с одной стороны, противостояли национально ориентированным партиям и организациям, а с другой – выступали за триединство Беларуси, России и Украины. Ими была создана партия Славянский Собор «Белая Русь».

В 1992 г. была зарегистрирована первая экологическая партия – «Белорусская партия «Зеленые».

В 1993 г. были зарегистрированы левая партия «Республиканская партия труда и справедливости» и экзотическая партия «Партия любителей пива» [6].

В период первой политической трансформации важным являлся вопрос как государственной, так и партийной идеологии. Коммунистические и левые организации выступали за отстаивание левой идеологии на базе марксизма-ленинизма. Национал-демократические и социал-демократические партии выступали в своем большинстве за идеологию национального возрождения белорусов, а также против любой идеологии государства и партии как таковой, считая, что идеология является присущим элементом тоталитарного общества.

История белорусской многопартийности насчитывает чуть более четверти века. За весь период существования в Беларуси были зарегистрированы 43 политические партии разной направленности и идеологии [7, с. 293].

В период первой политической трансформации партий к 1994 г. Министерством юстиции было зарегистрировано 16 политических партий. Большинство политических партий и организаций, осуществляющих свою деятельность и сегодня, зарегистрированы в 1994–1995 гг. Это обусловлено тем, что в 1994 г. проходили первые президентские выборы, а в 1995 г. – парламентские выборы в Верховный Совет тринадцатого созыва. Данные события существенно повлияли на белорусскую многопартийную систему, однако не изменили ее качественно [7, с. 301].

Президентские выборы 1994 г. стали проверкой политических партий на прочность. Наибольшую активность в избирательной кампании проявили наиболее яркие и узнаваемые партии, которые поддержали своих кандидатов (Белорусский народный фронт поддержал Зенона Поздняка, Аграрная партия – Александра Дубко, Партия народного согласия – Геннадия Карпенко, Партия коммунистов белорусская – Василия Новикова, Белорусская социал-демократическая Громада и Объединенная демократическая партия Беларуси поддержали Станислава Шушкевича).

Президентская кампания явилась важным событием в становлении белорусской многопартийности. В ходе избирательной кампании принимавшие в ней участие партии существенно увеличили свое влияние в обществе и расширили географию своего присутствия.

До начала выборов в Верховный Совет были зарегистрированы: Белорусская патриотическая партия, Белорусская социально-спортивная партия, Белорусская народная партия, Гражданская партия, Белорусская объединенная спортивная партия, Народная партия «Возрождение», Партия здравого смысла и Партия «Христианско-демократический выбор».

В парламентской кампании в выборах Верховный Совет участвовали почти все зарегистрированные партии. Наибольшую активность проявили партии, которые участвовали в президентской кампании год назад.

Парламентская кампания явилась триумфом для белорусской многопартийной политической системы, в парламенте были представлены:

- Партия коммунистов белорусская – 44;
- Аграрная партия – 34;
- Партия народного согласия – 8;
- Объединенная гражданская партия – 8;
- Белорусская социал-демократическая Громада – 2;
- Партия всебелорусского единства и согласия – 2;
- Белорусская крестьянская партия – 1;
- Белорусское патриотическое движение – 1;
- Республиканская партия труда и справедливости – 1;
- Белорусская партия труда – 1;
- Белорусская народная партия – 1;
- Либерально-демократическая партия – 1.

В Верховном Совете тринадцатого созыва были образованы следующие партийно-парламентские фракции:

- Аграрная фракция (46) – депутаты от Аграрной партии и поддерживающие ее депутаты;
 - Фракция ПКБ (44) – депутаты Партии коммунистов белорусской;
 - Социал-демократическая фракция (18) – депутаты ПНС, БСДГ, ПВЕС, БПТ;
 - Фракция «Гражданское действие» (18) – ОГП и сочувствующие.
- Партийные фракции включали в себя 2/3 депутатского состава Верховного Совета.

Парламентские партии и их фракции в Верховном Совете явились реальной политической силой, которая влияла на принятие законов [8, с. 332].

Начало второй политической трансформации обусловлено перерегистрацией общественных объединений и партий. В 1995 г. произошла первая политическая перерегистрация организаций и политических партий Беларуси. Решение о перерегистрации было принято Кабинетом Министров Республики Беларусь. Постановлением от 3 февраля 1995 г. № 76 «О политических партиях» были внесены коррективы в регистрацию партий, что изменяло количество учредителей со 100 до 500. Процесс массовой регистрации партий прекратился. С 1996–1998 гг. были зарегистрированы только две политические партии: Партия «Очищение» и Белорусская партия «За социальную справедливость».

Период второй политической трансформации белорусских партий характеризуется нестабильностью белорусской многопартийности. Это связано с парламентским кризисом Верховного Совета и его роспуском, расколом и объединением, реорганизацией партий, что было вызвано усилением политической борьбы между сторонниками Президента и его оппозицией.

В 1995 г. произошло объединение «Гражданской партии» и «Объединенной демократической партии Беларуси», съезды которых приняли решение о самороспуске и учреждении «Объединенной гражданской партии», которая была зарегистрирована в январе 1995 г.

Летом 1996 г. объединилась «Белорусская социал-демократическая Громада» и «Партия народного согласия». Их съезды приняли решение о самороспуске и учреждении Белорусской социал-демократической партии (Народная Громада). В 1997 г. от БСДП (НГ) откололась группа сторонников Леонида Сечко и учредила «Социал-демократическую партию народного согласия». В мае от БСДП (НГ) откололась часть функционеров, которая зарегистрировала партию «Белорусская социал-демократическая Громада».

В ноябре 1996 г. от «Партии коммунистов белорусской» откололась часть коммунистов, сторонников Президента, которые создали «Коммунистическую партию Беларуси».

В 1998 г. была реорганизована «Белорусская партия «Зеленые», которая стала называться «Белорусская экологическая партия «Зеленые».

В стране началась деполитизация электората по результатам исследований как правительственных, так и неправительственных центров. Рейтинг партий падал. К 1997 г. около 75% электората не видели значимой роли в политических партиях.

Однако партии при определенном уменьшении своей роли по-прежнему продолжали регистрироваться. Так, к 1 января 1998 г. в Республике Беларусь была зарегистрирована 41 политическая партия. Для урегулирования политической деятельности Президентом был принят Декрет от 13 июля 1999 г. № 26 «О внесении изменений и дополнений в Декрет от 26 января 1999 г. № 2», который увеличивал численность учредителей политических партий до 1000 [7, с. 340].

Многие партии не прошли перерегистрацию по причинам несоответствия документов или их несвоевременной подачи, недостаточного количества учредителей, бойкота перерегистрации и т. д. В 1999 г. перерегистрацию прошли только 18 политических партий. Это было по-разному воспринято различными политическими лагерями. Данные меры по урегулированию деятельности политических партий были восприняты оппозицией в качестве попытки их устранения как политических оппонентов, а правительством – как упорядочение политических партий.

Третья политическая трансформация политических партий началась в июне 2000 г., когда последняя партия прошла перерегистрацию. Период третьей политической трансформации характеризуется уменьшением роли института политических партий в общественно-политической жизни страны. Как отметила Е. А. Тимашова, относительная слабость белорусских и российских политических партий объясняется рядом общих для этих стран причин:

- 1) политические партии, как правило, представляют собой партии идей, а не интересов, поскольку все еще отсутствует полноценная социальная база для их существования;
- 2) правительства формируются главами государств и практически не зависят от соотношения политических сил в парламенте;
- 3) длительное господство КПСС породило у людей стойкое неприятие всего, что связано с партией, вне зависимости от того, какие политические цели она преследует;
- 4) большинство населения сомневается в том, что его участие в политике может дать какие-либо результаты. Люди не понимают, как функционирует демократия, и лишь чувствуют, что партийные политики заботятся, скорее, о своей личной выгоде, чем об интересах страны;
- 5) люди настолько поглощены своими повседневными проблемами, что у большинства из них нет времени для политической активности [8, с. 192].

Выборы в Палату представителей Национального собрания Республики Беларусь 2000 г. не являлись столь яркими и обнадеживающими для политических партий, как это было в 1995 г. Количество депутатов от партий составило: КПБ – 6 депутатов; Аграрная партия – 5 депутатов; Республиканская партия труда и справедливости – 2 депутата; ОГП – 1 депутат; Социально-спортивная партия – 1 депутат [8, с. 98].

Для периода третьей политической трансформации характерны упадок политических партий как социально-политического института и переход многопартийности в состояние политической стагнации. При этом партии политически реанимируются только в период избирательных кампаний или политических потрясений.

Белорусские исследователи И. В. Котляров, А. Н. Егоров, М. Н. Скрипин и другие отмечают: «Трудно определить численный состав партий, ибо нет надежных источников. Считать достоверными сведения, производимые лидерами партий в печати, можно с большими сомнениями, ибо, как правило, они преувеличены... имеет место текучесть, плохо налажен учет их членов... Прежде всего наблюдается тенденция падения доверия со стороны населения ко всем политическим партиям, к политике и политикам вообще» [4, с. 99].

Слабость белорусских партий может быть выражена в следующем:

- партии не имеют политической программы (подавляющее их количество не имеют четко выраженной позиции по основным вопросам современности);
- партии не имеют систематизирующего фактора, который отличал бы одну партию от другой;
- партии не проводят теоретическую работу по изменению политических программ, которые так и остались неизменными с периода их создания;
- партии не выполняют свою главную функцию – представлять и защищать на высшем государственном уровне интересы своего электората;
- партии не имеют запоминающихся лидеров, которые в трудные политические моменты способны принимать важные политические решения;

- электорат не бачыць значымой сілы ў палітычных партыях, па гэтай прычыне партыі не маюць шырокай групы інтарэсаў і ціску;
- існуюць адносна нізкі ўзровень палітычнай культуры насельніцтва, слабая інфармаванасць аб сутні прыходзячых падзей у краіне і за мяжой, недастатковыя веды асаблівасцей і ідэалагічнай накіраванасці сучасных палітычных плыняў, адсюль – негатыўнае адносіны да палітычных партыяў і рухаў;
- назіраюцца неустойлівасць палітычных устаноўкі насельніцтва, павышанае ўплыванне на іх фарміраванне ірацыянальных фактараў;
- існуе інтэнсіўнае ўздзеянне на суб'ектаў палітыкі знешніх фактараў (бытовых, эканамічных, этнічных, міжканфесійных і г. д.).

Такім чынам, палітычная трансфармацыя беларускай многapартыйнасці прайшла тры перыяды: становленне многapартыйнасці, перыяд расколу, аб'яднання і знікнення большасці палітычных партыяў і пераход беларускай многapартыйнасці ў стан палітычнай анігіляцыі. Але ў тое ж час палітычныя партыі – адна з важнейшых палітычных інстытутаў, якім з'яўляецца суб'ектам прадстаўнічай дэмакратыі, што актуалізуе пытанне перагляду адносіны палітычных эліт і электарата да палітычных партыяў.

Спісок іспользаваных крыніц

1. Котляров, И. В. Политические партии Беларуси на современном этапе белорусского общества / И. В. Котляров [Электронный ресурс]. – Презентация 2015 г. – Режим доступа: <https://www.google.ru/url?sa=...> – Дата доступа: 10.08.2017.
2. Котляров, И. В. Феномен многapартыйности в современном белорусском обществе / И. В. Котляров. – Минск: ФУАинформ, 2009. – 302 с.
3. Егоров, Е. Н. Многapартыйная система Республики Беларусь: проблема формирования и развития / Е. Н. Егоров // Вестн. БДЭУ. – 2008. – № 1. – С. 95–99.
4. Скрипин, М. Н. О некоторых аспектах формирования многapартыйности в Республике Беларусь. Динамика общественного мнения о социально-политической ситуации в Беларуси (по материалам социологического мониторинга) / М. Н. Скрипин // Сборник научных трудов; под общ. ред. М. Н. Хурса. – Минск: ИСПИ, 2003. – С. 94–108.
5. Котляров, И. В. Политические партии Беларуси / И. В. Котляров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bezogr.ru/politicheskie-partii-belarusi-mif-ili-realenoste-sociologiches.html>. – Дата доступа: 23.10.17.
6. Политические партии Беларуси / В. А. Бобков, Н. В. Кузнецов, В. П. Осмоловский. – Минск: БГЭУ, 1997. – 140 с.
7. Котляров, И. В. Социология политических партий / И. В. Котляров. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 609 с.
8. Партогенез в Беларуси и России: общее и особенное / Е. А. Тимашова // Белорусская политология: Многообразие в единстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 27–28 мая 2004 г. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы. – Гродно, 2004. – С. 191–193.

References

1. Kotliarov I. V. Political parties of Belarus at the present stage of the Belarusian society. Available at: <http://900igr.net/prezentacija/geografija/politicheskie-partii-belarusi-na-sovremennom-etape-razvitiya-belorusskogo-obschestva-61133/politicheskie-partii-i-belarusi-na-sovremennom-etape-razvitiya-1.html>, (Accessed 10.08.2017. (in Russian))
2. Kotliarov I. V. *The Phenomenon of multi-party system in the modern Belarusian society*. Minsk, FUAinform, 2009. 320 p. (in Russian)
3. Egorov E. N. Multi-party system of the Republic of Belarus: problems of formation and development. *Vesnʹk Belaruskaga Dziarhaŭnaga Ekanamʹchnaga Unʹversʹteta* [Bulletin of the Belarusian State Economic University], 2008, no. 1, pp. 95–99. (in Russian)
4. Skripin M. N. Some aspects of the formation of a multiparty system in the Republic of Belarus. *Dinamika obshchestvennogo mneniia o sotsial'no-politicheskoi situatsii v Belarusi (po materialam sotsiologicheskogo monitoringa): sb. nauch. trudov* [The dynamics of public opinion on the socio-political situation in Russia (on materials of sociological monitoring): Collection of scientific papers], in Khurs M. N. (ed.). Minsk, ISPI Publ., 2003, pp. 94–108. (in Russian)
5. Kotliarov I. V. Political parties of Belarus. Available at: <http://bezogr.ru/politicheskie-partii-belarusi-mif-ili-realenoste-sociologiches.html>, (Accessed 23.10.17) (in Russian)
6. Bobkov V. A., Kuznetsov N. V., Osmolovskii V. P. *Political parties of Belarus: patent or other security document*. Minsk, BGEU Publ., 1997. 140 p. (in Russian)
7. Kotliarov I. V. *Sociology of political parties*. Minsk: Belaruskaja Navuka Publ., 2011. 388 p. (in Russian)
8. Timashova E. A. Protogenes in Belarus and Russia: General and special. *Belaruskaja politologija: Mnogoobrazie v edinstve: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Grodno, 27–28 maia 2004 g.* [Belarusian politology: Variety in unity: proceedings of the international. scientific.-pract. Conf. Grodno, 27-28 may 2004]. Grodno, 2004, pp. 191–193.

Інфармацыя аб аўтары

Гаврыков Андрэй Валер'евіч – аспірант. Інстытут сацыялогіі, Нацыянальная акадэмія навук Беларусі (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: gavrikov1990@inbox.ru

Information about the author

Andrey V. Gavrikov – Postgraduate Student. Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: gavrikov1990@inbox.ru

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)

ГІСТОРЫЯ HISTORY

УДК [94 + 902/904](476.2–89)«09/12»

Поступила в редакцию 31.10.2017

Received 31.10.2017

П. Ф. Лысенко

Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ТУРОВСКОЕ КНЯЖЕСТВО (X–XIII вв.)

Аннотация. Туровское княжество сформировалось на юге современной Беларуси в X в. благодаря административной реформе великого князя киевского Владимира Святославича при замене предшествующих этнических племенных княжений феодальными княжествами во главе с сыновьями Владимира Святославича. Туровское княжество было сформировано на основе дреговичского племенного княжения одновременно и на тех же основаниях, как и княжества Новгородское, Полоцкое, Черниговское, Владимиро-Волыньское. Туровское княжество в XI в. являлось одним из важнейших в Древней Руси, и его князья чаще других занимали киевский великокняжеский престол. В начале XII в. великим князем киевским Владимиром Мономахом была временно прервана политическая самостоятельность и династическая принадлежность Туровского княжества, восстановленная лишь в 1158 г. Во второй половине XII в. произошла феодальная раздробленность Туровского княжества. В XIII в. землями Туровского княжества владели потомки туровских князей. В начале XIV в. земли Туровского княжества постепенно вошли в состав Великого Княжества Литовского.

Ключевые слова: дреговичи, дреговичское княжение, Туровское княжество, туровские князья, политическая самостоятельность Туровского княжества

Для цитирования. Лысенко, П. Ф. Туровское княжество (X–XIII вв.) / П. Ф. Лысенко // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. 2018. – Т. 63, № 1. – С. 40–49.

P. F. Lysenko

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE PRINCIPALITY OF TUROV (10th – 13th CENTURIES)

Abstract. The Principality of Turov was formed in the south of modern Belarus in the 10th century through the administrative reform by the grand duke of Kiev Vladimir Svyatoslavich when replacing the previous ethnic tribal princedoms by feudal principalities headed by the sons of Vladimir Svyatoslavich. The Principality of Turov was formed on the basis of the Dregovich tribal princedom simultaneously and on the same basis as the Principalities of Novgorod, Polotsk, Chernigov, and Vladimir-Volynsky. The Principality of Turov in the 11th century was one of the most important in Ancient Rus and its princes often occupied the throne of Kiev. In early 12th century the Grand Duke of Kiev, Vladimir Monomakh, temporarily interrupted the political independence and dynastic ownership of the Principality of Turov; they were restored only in 1158. In the second half of the 12th century, feudal disintegration of the Principality of Turov took place. In the 13th century the lands of the Principality of Turov were owned by descendants of Turov princes. In early 14th century, the lands of the Principality of Turov gradually became part of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Dregovich, Dregovich princedom, Principality of Turov, Turov princes, political independence of the Principality of Turov

For citation. Lysenko P. F. The Principality of Turov (10th–13th Centuries). *Vestsi Natsyional'nei akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 40–49 (Russian).

Одной из актуальных задач белорусской исторической науки в послевоенные годы явилось изучение процесса возникновения, формирования и развития государственности на территории Беларуси в X–XIII вв. в условиях перехода от первобытного родо-племенного строя к феодальному общественному строю на ранней стадии его развития.

Необходимым условием выполнения этой сложной и ответственной задачи явилось создание и расширение новой фактологической базы, которая смогла бы существенно пополнить те не-

многие сведения письменных источников древнерусских летописей. Это вызвано, прежде всего, их массовой гибелью в условиях постоянных войн и набегов. К тому же они в основном содержали краткие сведения о политических событиях общерусского масштабного значения, событиях в княжеской семье или сведения, касающиеся обширных регионов Восточной Европы.

Формирование первоначальных общественных организаций на территории Беларуси в конце I тыс. н. э. происходило в среде восточнославянских племен, расселившихся на данной территории в первой половине I тыс. н. э. по летописному сообщению. В конце I тыс. н. э. северную часть Беларуси населял союз племен кривичей. Восточную часть Беларуси, левобережье Днестра и Посожье населяло племя радимичей. Южная и центральная часть Беларуси была зоной расселения дреговичей: «а друзии седоша межи Припятью и Двиною и нарекошася дреговичи». Это слишком общее указание расселения дреговичей было уточнено находками этноопределяющих предметов из погребальных курганов. Массовое исследование курганов во второй половине XIX в. выявило такие этноопределяющие предметы, как крупные металлические зерновые бусы. По распространению этих бус уточнена территория расселения дреговичей. Восточная граница расселения дреговичей с радимичами, в основном, проходила по Днестру. Однако в юго-восточном углу их ареала дреговичские могильники располагаются в низовьях Сожа (Абакумы – О. А. Макушников). Южная граница с древлянами проходила в зоне современной границы с Украиной. Однако в западной ее части от р. Горынь она уходила южнее по линии Ровно–Луцк. Северная граница с кривичами проходила по линии Гродно–Заславль–Логойск–Борисов. Значительная коррекция произошла с западной границей расселения дреговичей. В 50–60-х гг. XX в. В. В. Седов предложил вернуться к ее проведению по линии Выгоновских болот, западнее Пинска, предложенной В. З. Завитневичем в 90-х гг. XIX в. Эту границу по материалам распределения этнических признаков нами предложено провести западнее на 200–250 км до Дрогичина Надбужного (современная Польша), что было подтверждено исследованиями И. В. Бирули, Т. Н. Коробушкиной, Ф. Д. Гуревич и выводами польских ученых. Дреговичи принадлежали к числу наиболее развитых восточнославянских племен, которые находились на стадии разложения первобытно-общинного строя и у которых развивались феодальные отношения. По сведениям летописцев, в X в. у дреговичей существовало свое племенное княжение, как у полян, древлян, словен, кривичей. В состав Киевского государства княжение дреговичей вошло в середине X в. (К. Багрянородный).

Административным центром племенного союза дреговичей в X в. был Туров, впервые упомянутый летописцем в 980 г. в связи с вокняжением новгородского князя Владимира в Киеве и образованием Великого Княжества Киевского. Конец X в. – время решительного перелома в процессе становления государственности у восточных славян. В это время происходят решительное укрепление центральной власти великого князя киевского, ликвидация племенных княжений и замена местных племенных княжений, принятие единой идеологической основы единого государства в форме христианского византийского вероисповедания.

Вопрос общественного развития населения Беларуси в конце I – начале II тыс. н. э. приобретает особую остроту и актуальность в современной историографии с неоднократным и настойчивым упоминанием в отдельных публикациях утверждения о том, что лидером общественного развития на территории Беларуси и древнейшим государственным формированием (независимым государством) является Полоцкое княжество. Подобное утверждение повторяется и провозглашается довольно часто и многократно на уровне аксиомы, не сопровождающейся детальным рассмотрением и убедительной доказательностью. При этом естественно представляется вывод о том, что соседняя территория той же самой древней Беларуси далеко отставала от Полоцкой земли в отношении их общественного развития.

Действительно ли так было в свете древнейших летописей?

Упоминая прошлое предшествующее общественное устройство древних восточных славян, летописец начала XI в. Нестор употребляет термин «княжение». Такое устройство отдельного этнического общества (условно – племени) имело во главе своего собственного племенного князя. По летописи, таких летописных князей во главе племенных княжений имели поляне, древляне, дреговичи, кривичи [1, стб. 8]. Из отдельных конкретных племенных князей летописец упоминает князя Мала у древлян (945 г.) во время убийства киевского князя Игоря, а несколько поз-

же – князя Ходоту и его сыновей у вятичей (XI в.). Очевидно, такие местные племенные князья существовали и в других племенных княжениях. Это был период распада этнических племенных княжений у восточных славян, в том числе и у племен кривичей и дреговичей, обитавших на территории Беларуси в X в. Следует отметить позднее вхождение княжения дреговичей в состав Киевского государства. Первое упоминание о нем встречается в произведении византийского императора Константина Багрянородного «О народах» (949 г.).

Особую роль в жизни дреговичьего туровского княжения сыграла реформа великого князя киевского Владимира Святославича, которая упразднила существование местных племенных князей. Вместо местных князей он поставил своих собственных сыновей. Это ослабило сепаратизм отдельных племен и усилило власть великого князя в киевском государстве. Заняв Киев после убийства старшего брата Ярополка Святославича, Владимир Святославич много внимания уделял укреплению центральной великокняжеской власти. В 992 г. он создал для разных племен пантеон языческих богов. Такой пантеон в составе деревянных статуй Перуна, Хорса, Даждьбога, Симаргла, Стрибога и Мокоши был установлен в Киеве «...на холму вне двора теремного...». Остатки такого пантеона выявлены в слое конца X в. на окольном городе древнего Турова («вне двора теремного...» – *П. Л.*). В 988 г. он принял христианство и создал единый идеологический центр для всего многоплеменного государства. В 988 г. благодаря проведению административной реформы местные князья племенных княжеств заменялись сыновьями киевского князя. При этом наиболее важное Новгородское княжество получил старший сын Вышеслав, второй сын Изяслав приобрел Полоцкое княжество, третий сын Святополк – Туровское княжество, а четвертый сын Ярослав – Ростовское княжество. Эта реформа прекратила существование местного дреговичьего племенного «княжения» с центром в Турове. Началась история Туровского княжества – первого на Беларуси (одновременно с Полоцком) государственного образования.

Передача Туровского княжества третьему сыну киевского князя Святополку свидетельствует о его высоком статусе в системе княжеств Древней Руси. Это подтверждает также создание Туровской епархии в числе наиболее ранних на восточнославянских землях, высокий статус Туровского княжества в Древней Руси и направленность киевской политики на запад. Об этом свидетельствует поход Владимира в 983 г. на запад – в страну ятвягов, а также женитьба Святополка на дочери польского князя Болеслава Храброго в 1009 г. На день смерти великого князя киевского Владимира Святославича 15 июля 1015 г. Святополк являлся старшим из его сыновей. К этому времени умерли его старшие братья Вышеслав, новгородский князь (1010 г.) и Изяслав, полоцкий князь (1001 г.). Ранняя смерть полоцкого князя Изяслава в 1001 г. лишила прав полоцкую династическую линию Рюриковичей на киевский великокняжеский престол, т. к. ее представитель Изяслав ушел из жизни, не занимая киевского престола. Это дало основание исследователю Полоцкой земли Л. В. Алексееву назвать эту династию «выморочной», а потомков Изяслава – «изгоями» [2, с. 12, 25]. Святополк как старший из сыновей киевского князя по праву взошел на киевский великокняжеский престол. Против него выступил младший брат Ярослав новгородский, нарушив свою обязанность подчинения старшему брату.

Святополк как старший сын Ярослава легитимно занял киевский престол после смерти отца. Его младший брат Ярослав нарушил закон наследования киевского престола и выступил против старшего брата. Для оправдания он приводил разные причины, в том числе надуманные. Борьба братьев Ярослава и Святополка длилась четыре года с переменным успехом. В последней жестокой битве на р. Альте под Переяславом в 1019 г. Святополк потерпел поражение, бежал в Польшу, где и погиб «межю ляхи и чехи». Туровское княжество очутилось в руках победителя Ярослава, как и остальные княжества Киевского государства.

Ярослав Владимирович («Мудрый») много сделал для укрепления Киевского государства, его международного признания, развития культуры на землях восточных славян. При нем строили церкви, началось летописание, создана первая библиотека из переводных книг и оригинальных произведений при Софийском соборе в Киеве. Как и его отец, Владимир Святославич, Ярослав считал необходимым и мощным средством укрепления многоплеменного Киевского государства единую для всех племен христианскую религию. Летописец описывает его деятельность в этом направлении: «В лето 6543 (1037 г. – *П. Л.*) заложи Ярослав город великий (после разгрома хазар, которые осаждали Киев в 1036 г. – *П. Л.*), у него же града; заложи же и церковь святых Со-

фья, митрополью, и посемь церковь на Золотых воротах святое Богородице Благовещение, посемь святого Георгия монастырь и святыя Ирины. И при сем нача вера хрестьянская плодотися и расширяти, и черноризьцы почаша множитися, и манастиреве починаху быти. И бе Ярослав любя церковные уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризьце, и книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне. И собра писце многы и прекладаше от грек на словенское письмо. И спишася книги многы <...> Ярослав же се... любим бе книгам, и многы написав, положи в святей Софьи церкви» [1, стб. 139, 141]. Так, при Ярославе была создана первая библиотека.

При Ярославе установилось требование к претендентам на киевский великокняжеский престол: их отцы должны были занимать раньше эту высокую должность. Тем самым признавалось, что династия полоцких князей из-за ранней смерти их предка Изяслава в 1001 г., который не занимал киевский великокняжеский престол, была лишена прав на занятие киевского престола как выморочная. Потомками Ярослава на киевский престол являлись его сыновья – Изяслав, Святослав и Всеволод. По завещанию Ярослава киевским великим князем после его смерти в 1054 г. стал его старший сын, туровский князь Изяслав, второй сын Святослав – черниговским князем, а третий сын Всеволод – переяславским князем.

Это было время усиления древнего Киевского государства, роста его международного авторитета, всестороннего развития хозяйства и культуры. В городах строили церкви, открывали монастыри, основывали школы, скриптории и библиотеки переводной и оригинальной местной литературы, создавали летописи. В 1865 г. были спасены остатки рукописи Туровского богослужебного евангелия-апракаса, написанного строгим почерком-уставом XI в. Виленский инспектор народных училищ Н. И. Соколов в Турове заметил древнюю рукопись в корзинке с бумагами для растопки печи. Как оказалось, это были остатки Туровского древнего богослужебного Евангелия.

От Туровского Евангелия сохранился только незначительный фрагмент – всего 10 листов (20 страниц). По начертанию букв, которое изменяется с течением времени, оно абсолютно идентично новгородскому Остромирову евангелию, которое имеет точные даты создания (ноябрь 1056 г. – апрель 1057 г.) и конкретного переписчика (монах Григорий). Потому есть все основания полагать, что Остромирово евангелие, написанное для новгородского посадника Остромира, и Туровское евангелие одновременны. Однако неизвестно, кем и где выполнена рукопись Туровского евангелия. Тем не менее находка рукописи середины XI ст. может свидетельствовать о том, что в Турове в это время существовала православная церковь (очевидно, епархиальный храм) и были грамотные служители церковного клира. В письменных источниках нет сведений о строительстве в Турове церквей в XI в. При археологических исследованиях выявлены руины большого храма 70-х гг. XII в. В 1993 г. обнаружены остатки древнего языческого святилища-капища X ст., подобного по летописному описанию на киевское капище Владимира Святославича, сооруженное в 982 г. «на холму вне двора теремнаго». После принятия христианской веры в 988 г. Владимир Святославич «повеле рубити (деревянные! – *П. Л.*) церкви и поставляти по местом, идеже стояху кумиры» как символ победы новой христианской веры над старой верой и языческими богами. В Турове каменный храм XII в. (его юго-западный угол) был сооружен над местом древнего языческого капища.

20 февраля 1054 г. умер Ярослав Владимирович – великий князь киевский. В 1052 г. умер его старший сын Владимир – князь новгородский. Поэтому Ярослав Владимирович своим преемником на киевский престол назначил своего второго сына Изяслава, старшего среди братьев Ярославичей. Изяслав на то время являлся туровским князем. По завещанию Ярослава младшие братья Ярославичи получили в наделы другие княжества: Святослав – Черниговское, Всеволод – Переяславское, Игорь – Владимир-Волыньское, Вячеслав – Смоленское.

Выделение Турова второму по старшинству сыну Ярослава Изяславу после наделения старшего сына Владимира Новгородским княжеством еще раз подчеркивает высокий статус Туровского княжества в XI в. среди других княжеств Киевского государства.

Старший возраст среди братьев Ярославичей и прижизненное завещание отца – великого князя киевского Ярослава Владимировича – обеспечили туровскому князю Изяславу Ярославичу восхождение на киевский великокняжеский престол. Этому также способствовали владение Туровским княжеством, международная известность Изяслава и его международные родственные связи. Его женой была Гертруда Олисава (Елизавета. – *П. Л.*) (1025–1108 гг.) – дочь польского короля Мешко II Ламберта. Его дочь Евдокия (?) являлась женой Мешко – сына польского князя,

позже короля Болеслава II Смелого. Автор летописи красноречиво описывает Изяслава: «...бе же Изяслав муж взором красен, телом велик, незлобив нравом, кривды ненавидя, любя правду. Клюк (хитрость, коварство) в нем не бе не лсти, но прост умом, не воздая злом за зло...» [1, стб. 193]. Вместе с братьями Святославом, князем черниговским и Всеволодом, князем переяславским, он зимой 1067 г. совершил поход на полоцкого князя Всеслава, чтобы отомстить за его набег на Новгород Великий: «...взяша Менеск, исьсекоша мужи, жены и дети взяша на щиты, и поидоша к Немизе...» [1, стб. 156]. 3 марта 1067 г. в жестокой битве Всеслав был разбит и бежал, а позже взят в плен с двумя сыновьями.

В 1068 г. войска Изяслава были разбиты кочевниками-половцами, которые впервые появились в южных русских степях. Киевляне требовали от князя выдачи оружия и лошадей для нового войска, а когда не получили, подняли бунт, освободили из заточения пленного полоцкого князя Всеслава и посадили его на киевский престол. Изяслав вынужден был бежать в Польшу и через семь месяцев возвратился с войском польского короля Болеслава II Смелого. Против него с киевскими войсками выступил Всеслав. Сознывая преимущество легитимных прав Изяслава на киевский престол и ненадежность своего положения в Киеве, где было много сторонников Изяслава, Всеслав ночью сбежал из воинского лагеря киевлян в Полоцк. Изяслав, укрепившись в Киеве, изгнал из Полоцка Всеслава и назначил полоцким князем своего сына Мстислава, а после его смерти в скором времени – второго сына Святополка.

В 1073 г. Изяслав был изгнан из Киева братьями Святославом, князем черниговским, и Всеволодом, князем переяславским. Престол в Киеве занял Святослав, но в 1076 г. он умер от болезни. В Киеве престол занял Всеволод, но вскоре вернул его Изяславу после его возвращения из Польши. В 1078 г. 3 октября в битве на Нежатиной ниве под Черниговом Изяслав погиб, защищая права своего брата Всеволода на Черниговское княжество.

Киевский престол после смерти Изяслава занял младший брат из Ярославичей – Всеволод Туровское княжество, которым владел Изяслав Ярославич, будучи киевским великим князем, Всеволод закрепил за сыном Изяслава Ярополком, признавая принадлежность Турова потомкам Изяславовой линии в потомстве Ярославичей. Эта принадлежность Туровского княжества Изяславичам была подтверждена Всеволодом в 1087 г. после смерти Ярополка путем передачи Турова его брату Святополку Изяславичу, который в то время княжил в Новгороде Великом.

Переход Святополка Изяславича из Новгорода Великого в Туров подтверждает династическую принадлежность Туровского княжества Изяславовому потомству Ярославичей, его высокий статус в системе древних княжеств Киевского государства, свидетельствует о его превосходстве над княжением в Новгороде Великом и о перспективах туровского князя на киевский престол. Наследственный династический характер прав Святополка Изяславича на Туровское княжество был подтвержден в 1097 г. решением Любечского съезда князей. Тем же решением определены размеры Туровского княжества – «...Туров, Слуцк, Пинск и все города до Буга по оной стране Припети...» [4, с. 110]. Высокий статус туровских князей – Изяславичей признается и в 1093 г. После смерти великого князя киевского Всеволода Ярославича, младшего из братьев Ярославичей, главным претендентом на киевский великокняжеский престол легитимно признан Святополк, князь туровский, сын старшего Ярославича – Изяслава, князя туровского (1052–1078 гг.) и великого князя киевского (1054–1073, 1076–1078 гг.). Его княжение в Киеве на великокняжеском престоле отмечено обострением борьбы княжества Киевского с половцами, которые заселяли причерноморские степи. Занимая престол великого князя киевского, Святополк Изяславич большее внимание уделял киевским делам, а не обязанностям туровского князя. В. Н. Татищев приводит интересную характеристику Святополка: «Сей князь великий был ростом высок, сух, волосы чермноваты и прямы, борода долгая, зрение острое. Читатель был книг и очень памятен, за многое бо лета бывшее мог сказать, яко написанное. Болезней же ради мало ел и весьма редко и то по нужде для других упился. К войне не был охотник, и хотя на кого скоро осердился, на скоро и запамятовал. При том был вельми сребролюбив и скуп, для которого жидам многие пред христиане вольностей дал, через что многие христиане торгу и ремесел лишились» [4, с. 128].

В истории Туровского княжества одним из самых ключевых и трагичных моментов являлась смерть туровского и великого киевского князя Святополка Изяславича 16 апреля 1113 г. Старший его сын Мстислав погиб в 1099 г. при обороне Владимира Волынского от войск Давида Иго-

ревича. Второй сын Ярослав был посажен в 1099 г. во Владимире, отнятом у Давида Игоревича в наказание за возбуждение распрей среди русских князей после Любечского съезда. Сам Святополк, будучи великим князем киевским, оставил за собой Туровское княжество.

После смерти Святополка Изяславича престол киевского князя занял его двоюродный брат Владимир Всеволодович (Мономах), сын Всеволода Ярославича. Став великим князем киевским, он нарушил достигнутое на Любечском съезде князей (1097 г.) соглашение о разделе ярославового Киевского государства по династическому отеческому наследству – «...кождо да держить отчину свою...» [1, стб. 231]. Туровское княжество, что принадлежало Святополку Изяславичу, он не утвердил за его сыном Ярославом Святополчицем. Владимир Мономах, обремененный заботами о своей большой семье (9 сыновей и 3 дочери), использовал смерть своего предшественника и двоюродного брата Святополка Изяславича (1113 г.), чтобы лишить его сына и наследника Ярослава Святополчица прав на Туровское княжество. Этим самым он одновременно лишал возможности Ярослава Святополчица (старшего правнука Ярослава из старшей Изяславовой династии Ярославичей) претендовать на киевский великокняжеский престол, учитывая традиции и практику перехода на киевский престол из Туровского княжества (в 1015 г. – Святополк Владимирович, в 1054 г. – Изяслав Ярославич, в 1093 г. – Святополк Изяславич). Туровское княжество Владимир Мономах временно закрепил за вдовой Святополка Изяславича, византийской принцессой Варварой (Ириной) «на дожитие» (умерла в 1125 г.), имея в виду после ее смерти выделить его одному из своих сыновей.

Ярослав Святополчич (с 1099 г. владимирский князь), понимая угрозу потери Туровского княжества и учитывая перспективы киевского великокняжеского престола, выказал непокорность. Заставляя его подчиниться, в 1117 г. Владимир Мономах организовал коалиционный поход черниговских и волынских князей и 60 дней держал в осаде г. Владимир, добиваясь покорности Ярослава Святополчица. Овладев Владимиром, Владимир Мономах посадил княжить во Владимир своего сына Романа, а после его смерти – Андрея. Ярослав Святополчич убежал в Венгрию. В 1121 г. с помощью польских войск он приходил под г. Червень, но не добился успеха. В 1123 г. с большим войском венгров, поляков, чехов и волынских князей Ярослав осадил г. Владимир, однако при его объезде был тяжело ранен двумя засланными поляками и ночью умер. После его смерти среди потомков Изяславовой династии не нашлось достойных продолжателей борьбы за Туровское княжество и великокняжеский киевский престол. Таким образом, Изяславова династия утратила на это юридические права. Так, окончился период X–XI вв. в истории Киевского государства, когда должность киевского великого князя на легитимных основаниях занимали туровские князья. Из шести великих киевских князей в XI в. (с 1015 по 1113 г.) после Владимира Святославича (1015 г.) – Святополк I, Ярослав, Изяслав, Святослав, Всеволод, Святополк II – трое занимали киевский великокняжеский престол из Туровского княжества – Святополк I (1015–1019 гг.), Изяслав (1054–1078 гг.), Святополк II (1093–1113 гг.). За период с 1015 по 1113 г. (98 лет) туровские князья занимали киевский великокняжеский престол 48 лет.

В 1125 г. в политической жизни Туровского княжества наступил новый период – использование его для кратковременного удовлетворения запросов родичей и союзников киевского князя. За 32 года (1125–1157 гг.) на туровском престоле 13 раз сменялись князья. Это были в основном потомки Владимира Мономаха, которые занимали туровский престол по решению великого киевского князя, лишая права на него легитимных наследников – потомков Святополка Изяславича. Первым из них после смерти Владимира Мономаха был его третий сын Вячеслав Владимирович, который правил 16 лет. Остальные занимали туровский престол очень короткое время. Осознавая это, они не заботились об интересах местного населения, а только о своих собственных и своего окружения. Местное население в 1157 г. активно поддержало сына Ярослава Святополчица Юрия Ярославича, который в 1157 г. захватил Туров, пользуясь временным отсутствием последнего туровского князя из рода Мономашичей – Бориса Юрьевича, и восстановил на туровском престоле династию Изяславичей. Киевским Мономашичам не хотелось терять Туровское княжество из своего приобретения и они организовали поход на Туров семи князей. Их войско осадило город. Осада длилась 10 недель – самая долгая в истории Древней Руси. Несколько раз происходили штурмы города, но местное население мужественно защищало его и нового князя. Осада окончилась «...не вспевше ничтоже...». В 1160 г. киевские Мономашичи снова повторили поход на Туров. Три недели осады опять были безрезультатными. Так, благодаря мужественной

защите при поддержке местного населения на туровском престоле Юрием Ярославичем была восстановлена династия Изяславичей и самостоятельность Туровского княжества. Однако князья этой династии уже не могли претендовать на киевский великокняжеский престол, поскольку их предшественник Ярослав Святополчич не занимал его.

Восстановленное Туровское княжество уже не могло сравниться с могущественными княжествами середины XII в. – Черниговским, Галицко-Волынским, Владимиро-Суздальским, тем более, что вскоре произошло его дробление. После смерти Юрия Ярославича (после 1167 г.) Туровское княжество было разделено между его сыновьями на Туровское, Пинское и Дубровицкое княжества. В XII–XIII вв. потомки Юрия Ярославича, восстановившие самостоятельность Туровского княжества и династию Изяславичей на туровском престоле, продолжали оставаться князьями Туровского и Пинского княжеств. Как потомки великих киевских князей они пользовались почетом и уважением. Дочь Юрия Ярославича Анна стала женой великого князя киевского Рюрика Ростиславича, а ее сестра Малфрид – женой луцкого князя Всеволода Ярославича, внука Изяслава Мстиславича, великого князя киевского. Сам Юрий Ярославич был женат на дочери великого князя киевского Всеволода Ольговича. Сыновья Юрия Ярославича – туровские князья Святополк Юрьевич (1190 г.) и Глеб Юрьевич (1195 г.) погребены в Киеве в златоверхом Михайловском соборе Дмитриевского монастыря, возведенном их прадедом, великим князем киевским Святополком Изяславичем в 1108 г. Туровские князья жили мирно и не враждовали между собой. Они находились в зависимости от великого князя киевского и принимали участие в его походах. Западные регионы Туровского княжества отошли к Владимирскому княжеству. Во время монголо-татарского нашествия южные регионы были разграблены захватчиками, а затем его земли часто подвергались нашествиям литовских князей. В начале XIV в. Туровское княжество вошло в состав Великого Княжества Литовского.

Политическая история Туровского княжества – это только одна сторона из жизни населения этого региона. В социальном отношении происходило его быстрое развитие. Большинство населения (95 %) жило в сельской местности, занималось земледелием, животноводством, охотой, рыболовством, бортничеством. Развивались ремесла и торговля. Древнейшими городами региона являлись Туров (980 г.) и Берестье (1019 г.). С XI–XII вв. известны Пинск (1097 г.), Слуцк (1097 г.), Клецк (1127 г.), Городно (1127 г.), Рогачев (1142 г.), Мозырь (1155 г.), Давид-Городок (начало XII в.), Дорогочин Надбужный (1142 г.), а с XIII в. – Каменец (1276 г.), Копыль (1274 г.), Кобрин (1289 г.). Развивалась культура. Огромным стимулом для ее развития в регионе явилось принятие и распространение православного христианства по византийскому образцу. Его распространению и развитию способствовало учреждение Туровской епархии – одной из древнейших в Киевской Руси. Это содействовало распространению передовой на то время византийской культуры.

Из вышесказанного следует, что Святополк Изяславич был грамотным и любил читать книги. В Турове об этом свидетельствуют раннее создание (в числе первых на Руси) Туровской епископии (992 г.), находка Туровского Евангелия-апракоса, строительство церквей и открытие монастырей, традиционная грамотность туровских князей, (Туровское евангелие). Туровский князь Изяслав Ярославич, по-видимому, традиционно (от отца) усвоил уважение к книгам и письменности. Об этом свидетельствует свинцовая печать князя туровского Изяслава с изображением его христианского покровителя Дмитрия Солунского, найденная в слое XI в. древнего Берестья, куда был, как видно, доставлен важный княжеский документ, скрепленный этой печатью. Грамотность и любовь к книгам туровского князя, а в дальнейшем и великого киевского князя Святополка Изяславича, отмечены как его характерные черты. Его третья жена, византийская принцесса Варвара (Ирина), происходила из высшей среды византийского императорского двора. Она привезла из Византии свое культурное окружение, с которым жила в Турове после смерти Святополка в 1113–1125 гг. В городе она основала Варваринский монастырь. Ее окружение содействовало развитию в Турове культурного общества высокого уровня, которое необходимо было для создания в Турове почвы для такого чудесного и исключительного явления, как высокообразованное оригинальное творчество Кирилла Туровского (1113–1181(?) гг.).

О развитии культуры и письменности на землях Беларуси во времена Киевской Руси свидетельствуют прямые и косвенные доказательства. К сожалению, многочисленные войны и пожары уничтожили абсолютное их большинство. Несомненными свидетельствами распространения

письменности являются руины монументальных храмов православной церкви, для проведения службы в которых нужны были служебные книги, грамотный церковный клир. Большинство таких храмов XI–XII вв. на Беларуси выявлено на севере Беларуси – Полоцкой земле. Известно также, что знаменитая просветительница, княжна Ефросинья Полоцкая, собственноручно переписывала книги Священного Писания и распространяла их, чем содействовала расширению письменности. Существует мнение о том, что в древних Полоцке и Витебске существовало летописание.

Однако, несомненно, большинство свидетельств о распространении письменности происходит с юга белорусских земель – из бывшего Туровского княжества. Именно в Турове, столице Туровского княжества, найдены остатки единственной в Беларуси письменной рукописи середины XI в. – так называемого Туровского Евангелия, современника знаменитого новгородского Остромирова евангелия, переписанного дьяконом Григорием в 1056–1057 гг. В Турове и Пинске, как в Полоцке и Витебске, существовало, как считается, свое летописание. Однако подтверждено только существование пинского летописания, местные сообщения которого в XIII в. были включены в состав Владимирской (Воынской) летописи и сохранились в Ипатьевской летописи. Непосредственно в Турове (туровских монастырях) было создано «Слово о Мартине мнихе...», которое повествует о местных туровских событиях середины XII в. и местном туровском монахе. Именно в Турове возникла, сложилась и расцвела оригинальная творческая деятельность туровского по происхождению, выдающегося деятеля православной церкви, монаха, а позже епископа Туровской епархии Кирилла Туровского, автора самостоятельных оригинальных произведений (68), которые по своему звучанию и масштабу можно сравнить только с деятельностью знаменитого святителя и учителя православной церкви V в. архиепископа Константинопольского Иоанна Златоуста. Потому современники Кирилла Туровского прозвали его «другии Златоустом нам в Руси вьсия паче всех...» [3, с. 15]. Деятельность и творчество Кирилла Туровского, несомненно, более значимы, чем переписка книг, которую осуществляла Ефросинья Полоцкая. Его труд приобрел международную известность и прославил Беларусь как родину выдающейся личности, источник творчества и культуры мирового масштаба. Именно Кирилл Туровский – наш первый белорусский писатель и поэт, произведения которого веками включаются в мировые сборники православных произведений.

Творчество и просветительская деятельность Ефросиньи Полоцкой на севере белорусских земель и Кирилла Туровского в государственном и мировом масштабе – знаковое свидетельство высокого уровня развития и распространения передовой на то время византийской культуры. Однако в условиях гибели письменных свидетельств и источников найденные в археологических исследованиях находки разных предметов свидетельствуют о широком распространении достояний культуры среди разных слоев населения. Так, в слое XII в. Берестя найдена вырезанная на деревянном гребне азбука (из 13 букв – от «А» до «Л»), первый и единственный на землях Беларуси своеобразный букварь, что доказывает распространение на белорусских землях письменности по восточнославянскому образцу и вместе с тем свидетельствует о заселении Берестя одним из восточнославянских племен – дреговичами.

При раскопках городов редко находят предметы с надписями. Однако при раскопках древнего Пинска найден кусок стенки глиняной амфоры, в каких привозили из Причерноморья и Византии вино и оливковое масло, с надписью «(Я)рополче вино». В Пинске, согласно летописному сообщению, в 1190 г. действительно произошла свадьба пинского князя Ярополка. Вероятно, амфора с надписью предназначалась на эту свадьбу. В Пинске также найдено шиферное пряслице (грузик для веретена) с надписью «настасино праслень». Шифер – сланец из восточной Воыны, где изготавливали эти пряслица. В Пинске оно было предметом импорта и представляло собой значительную ценность. Однако надпись на пряслице свидетельствует о грамотности девушки Настасьи или кого-то из ее близких. В древних слоях Турова найдены железные писала, бронзовые застёжки от деревянных обложек древних книг, написанных на пергаменте (выделанная кожа). При археологических раскопках древнего Берестя найдены такие же железные писала, бронзовые застёжки, а также деревянная дощечка для письма, так называемая цера, в углубления которой заливали слой воска, по которому писали острым концом писала. Такие церы являлись своеобразными блокнотами для многократного использования.

К предметам с надписями относятся печати и иконки. В Берестье найдена свинцовая печать туровского князя Изяслава Ярославича с изображением на одной стороне его святого покровителя Дмитрия Солунского с надписью «Днмитри» и изображением святого Давида на другой

строне (святой покровитель князя Глеба). В Турове также найдена свинцовая печать киевского митрополита Кирилла II (1225–1232 гг.) с изображением Благовещения на одной стороне и надписью на другой стороне на греческом языке: «Кирилл монах Божьей милостью архиепископ русской митрополии». Свидетельством распространения православной христианской культуры являются разные предметы христианского культа, которые находят в археологических раскопках: крестики нательные и нагрудные (металлические, каменные, янтарные), иконки (металлические, каменные, костяные), фрагменты церковных колоколов и предметы служебного обихода (кадильницы, хоросы, ложечки). Часть из них поступала торговым путем, другие являлись предметом изготовления местных ремесленников. Убедительное доказательство культурного развития – расширение использования предметов ювелирного производства, в основном женских украшений (браслетов, перстней, сережек, булавок и т. д.).

Найденные фрагменты Туровского Евангелия (середина XI в.), многочисленные оригинальные произведения (68) первого белорусского выдающегося писателя и проповедника Кирилла Туровского, оригинальное местное произведение «Слово о Мартине мнихе...» (середина XII в.), несомненное ведение своего летописания в Пинске, писала и книжные заставки, дощечка для письма – cera, единственный на землях Беларуси кириллический букварь на гребне из Берестья, надписи на находках в Пинске (амфора, пряслице), надписи на печатях (Туров, Берестье) и кадильницы (Туров) – убедительное подтверждение широкого распространения письменности на землях Беларуси, высокого уровня развития ее культуры в XI–XIII вв.

Развитие Туровской земли в XIII в. было приостановлено разгромом русских княжеств во время монголо-татарского нашествия в 1240 г. Разгромленные княжества прекратили свое динамичное политическое, экономическое и культурное развитие. Они не смогли оказать сопротивление северным литовским племенам, которые были прикрыты южными славянскими княжествами от монголо-татарского нашествия, а также поступательному наступлению литовских княжеств, которые во второй половине XIII – начале XIV в. последовательно подчиняли земли ранее существовавшего Туровского княжества. Постепенно земли бывшего Туровского княжества оказались включенными в состав Великого Княжества Литовского.

Подводя итоги развития государственности на территории Южной Беларуси в X – начале XIII в., следует отметить следующие положения. В развитии общественного устройства население Южной Беларуси прошло в X–XIII вв. путь от первобытного этнического племенного общества на стадии его разложения («княжение») до феодального общественного строя (локальные феодальные княжества, подчиненные центральной структуре).

Этническое племенное княжение дреговичей в 988 г. преобразовано административной реформой в феодальное территориальное Туровское княжество, подчиненное Великому княжеству киевскому. Туровское княжество решением великого князя киевского Владимира Святославича преобразовано одновременно и параллельно с другими этническими княжениями (Новгородским, Полоцким, Владимирским, Черниговским) на правах вассального суверенитета, независимо друг от друга.

Благодаря реформе 988 г. Туровское княжество расценивалось в Древней Руси как одно из приоритетных, доказательством чего является его выделение третьему по старшинству сыну – Святополку Владимировичу. Подтверждением служит основание Туровской епархии, одновременное с Полоцкой, а также выделение Туровского княжества при очередных разделах Руси старшим сыновьям великих киевских князей: Ярослава Владимировича – Изяславу в 1054 г. и третьему сыну Владимира Мономаха – Вячеславу Владимировичу в 1025 г.

В XI в. Туровское княжество в системе древнерусских княжеств занимало одно из ведущих мест. Об этом свидетельствуют его выделения одному из старших сыновей великого князя киевского при разделах Киевской Руси Владимиром Святославичем в 988 г. – третьему сыну Святополку Владимировичу, Ярославом Владимировичем в 1054 г. – старшему сыну Изяславу Ярославичу, Владимиром Всеволодовичем в 1125 г. – третьему сыну Вячеславу Владимировичу.

Большое значение Туровского княжества в XI в. подтверждается легитимным переходом князей из Туровского княжества на киевский великокняжеский престол. Из шести князей Великого Княжества Киевского (Святополк Владимирович, Ярослав, Изяслав, Святослав, Всеволод, Святополк Изяславич) на киевский великокняжеский престол легитимным путем перешли три

туровских князя (Святополк Владимирович в 1015 г., Изяслав Ярославич в 1054 г., Святополк Изяславич в 1093 г.), два князя нелегитимным путем (Ярослав Владимирович, князь новгородский в 1015–1019 гг., Святослав Ярославич, князь черниговский в 1073–1076 гг.) и переяславский князь Всеволод Ярославич в 1078 г. легитимным путем. В начале XII в. негативную роль в истории Туровского княжества сыграл великий князь киевский Владимир Мономах. Он отказался передать наследственное Туровское княжество Ярославу Святополчичу, сыну великого князя киевского и туровского Святополка Изяславича. Туровское княжество с 1125 по 1157 г. по воле великого князя киевского стали передавать во временное владение в семьях князей киевских Мономашичей и черниговских князей Святославичей – 13 владельцев за 32 года с 125 по 1157 г. Восстановление Туровского княжества как политической единицы и династии туровских князей произошло в 1157 г. (1160 г.) благодаря Юрию Ярославичу, сыну Ярослава Святополчича, погибшего в 1123 г., и внуку великого князя киевского и туровского Святополку Изяславичу.

В XII в. происходит феодальное дробление Туровского княжества. Из его общей территории выделяются княжества Клецкое, Гродненское, Пинское, Дубровицкое, Слуцкое (?). Западные земли оказываются в составе Владимиро-Волынского княжества.

Туровским, Пинским княжествами в XIII в. владеют потомки туровских князей.

На протяжении X–XIII вв. в политическом развитии южных земель Беларуси, как восточных (Посожье) и западных земель Беларуси (Понеманье, Побужье), особого регионального политического, экономического и культурного влияния Полоцкого княжества не выявлено. Значительные регионы современной Беларуси (Посожье, юг Беларуси, Понеманье, Прибужье) находились за пределами политических границ Полоцкого княжества, вне его влияния на разные сферы жизни и явно превосходили его по отдельным показателям (письменность, экономические связи). Развитие этих регионов в политическом, экономическом и культурном отношении происходило в контексте общего развития Древней Руси. Это не дает основания утверждать, что в политическом, экономическом и культурном развитии современной территории Беларуси Полоцкое княжество играло ведущую преобразующую роль.

Список использованных источников

1. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
2. Алексеев, Л. В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: в 2 кн. / Л. В. Алексеев. – Кн. 2. – М.: Наука, 2006. – 167 с.
3. Мельнікаў, А. А. Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё. Спадчына. Светапогляд / А. А. Мельнікаў. – Мінск: Беларус. навука, 1997. – 462 с.
4. Татищев, В. Н. История Российская: в 7 т. / В. Н. Татищев. – Т. II. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

References

1. *Complete collection of Russian chronicles. Vol. II. Ipatiev Chronicle.* St. Petersburg, 1843. 386 p. (in Russian)
2. Alekseev L. V. *Western lands of pre-Mongol Rus: essays of history, archeology, culture: in 2 books. Book. 2.* Moscow, Nauka, 2006. 167 p. (in Russian)
3. Mel'nikaŭ A. A. Cyril, Bishop of Turov: Life. Heritage. world view. Minsk, Belarускаia navuka Publ., 1997. 462 p. (in Belorussian)
4. Tatischev V. N. *History Russian: in 7 volumes. Volume 2.* Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1963. 350 p. (in Russian)

Информация об авторе

Лысенко Петр Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ii@history.by

Information about the author

Pyotr F. Lysenko – D. Sc. (Hist.), Professor, Chief Scientific Researcher; Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: ii@history.by

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)
УДК 903.25:391.7

Паступіў у рэдакцыю 23.10.2017
Received 23.10.2017

В. І. Кошман, Г. С. Ясковіч

Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

КОЛТ XIII ст. З АРХЕАЛАГІЧНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ СВІСЛАЦКАГА ЗАМКА

Аннотация. Рассматривается уникальная находка, которая была выявлена во время археологических раскопок городища Свислочь на Средней Березине (д. Свислочь, Осиповичский район, Могилёвская область). Это городище является важным пунктом на торговых путях, которые проходят по рекам Березина и Свислочь. Представлены краткая характеристика и описание памятника, его размещение и роль в период существования поселения. Основное внимание уделяется золотому колту, найденному во время раскопок в 2006 г. около сожженной деревянной постройки середины XIII в. Анализируются технологические особенности при изготовлении подобных изделий.

Ключевые слова: археологический памятник, городище, Свислочьский замок, колт, филигрань, технология производства

Для цитирования. Кошман, В. І. Колт XIII ст. з археалагічных даследаванняў Свіслацкага замка / В. І. Кошман, Г. С. Ясковіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 50–56.

V. I. Koshman, H. S. Yaskovich

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE 13th CENTURY COLT FROM ARCHEOLOGICAL EXCAVATIONS IN SVISLOCH CASTLE

Abstract. The paper addresses a unique item discovered during archaeological excavations in the Svisloch hillfort on the mid Berezina (Svisloch, Osipovichi District, Mogilev Region). This hillfort is an important site on the trade routes that pass along the Berezina and Svisloch rivers. It gives a brief characteristic and description of the site, its location and role in the period when the settlement existed. The main attention is given to a gold colt found during excavations in 2006 near a burnt wooden dwelling of the mid 13th century. The authors address technological specifics of making such jewelry products.

Keywords: archaeological site, hillfort, Svisloch Castle, colt, filigree, technology of production

For citation. Koshman V. I., Yaskovich H. S. The 13th Century Colt from Archeological Excavations in Svisloch Castle. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 50–56 (Belarusian)

Гарадзішча Свіслач размешчана на паўднёвай ускраіне аднайменнай вёскі Асіповіцкага раёна Магілёўскай вобласці. Гэты помнік з'яўляецца адным з найцікавейшых археалагічных аб'ектаў на Сярэдняй Бярэзіне, што тлумачыцца не толькі дастаткова магутным і насычаным розначасовымі артэфактамі культурным слоём, аднак і яго важным геастратэгічным размяшчэннем пры зліцці р. Свіслач з р. Бярэзінай, што давала магчымасць кантролю над гэтымі важнымі гандлёва-камунікацыйнымі магістралямі і адпаведна прыдавала яму важны статус у параўнанні з іншымі падобнымі паселішчамі рэгіёна. Даследаванні апошніх гадоў сведчаць, што р. Бярэзіна і р. Свіслач адыгрывалі важную ролю ў падняпроўска-нёманскай эканамічнай зоне як адгалінаванні шляху «з варагаў у грэкі» і як магістралі Дняпра–Нёманска–Заходне-Дзвінскага шляху з выходам у басейн Ловаці [1, с. 87; 2, с. 104; 3, с. 19].

Гарадзішча займае высокі мыс, які ўтвораны шляхам упадзення р. Свіслач у р. Бярэзіну. З поўдня, захаду і ўсходу гарадзішча мае высокія стромкія схілы вышыняй 10–12 м. Пляцоўка блізкая да трохвугольнай, яе памеры каля 70×70 м. З боку вёскі (з поўначы) умацавана ровам глыбінёй каля 2 м і шырынёй да 13–17 м і валам вышыняй каля 2,2–2,5 м і шырынёй каля падэшвы 8–9 м. Уезд на гарадзішча размешчаны ў разрыве вала з напольнага боку. Мясцоваму насельніцтву гэты помнік вядомы пад назвай «Замак», «Замчышча».

Адно з першых згадванняў гарадзішча змяшчаецца ў т. зв. апісанні Свіслацкага замка, двух гарадзішчаў, адной батарэі і 375 курганоў у воласці, якое было складзена яшчэ ў 1882 г. Не меней цікавая інфармацыя змяшчаецца ў Апытальных лістах 1924 г. [4, с. 305–308]. Першае навуковае апісанне гарадзішча змяшчаецца ў працы С. С. Шутава і М. М. Улашчыка пры апісанні іх разведкі па абодвух берагах р. Свіслач і невялічкага ўчастка правага берага р. Бярэзіны [5, с. 112–113, табл. 1:10–18, мал. 2]. Яны апісалі месцазнаходжанне гарадзішча, яго памеры і ўмацаванні (67×77 м, шырыня рова да 22 м, глыбіня да 6,3 м). Быў сабраны і апісаны пад'ёмны матэрыял, а таксама зроблены шэраг цікавых назіранняў над тапаграфіяй гарадзішча і самога мястэчка. У 1962 і 1969–1971 гг. археалагічнымі экспедыцыямі БДУ імя У. І. Леніна пад кіраўніцтвам Э. М. Загарульскага было вывучана каля 720 кв. м. У 2000 г. 36 кв. м у паўднёва-заходняй частцы гарадзішча даследавалі А. У. Ільюцік і В. І. Кошман. У 2005–2008 гг. В. І. Кошман даследаваў яшчэ 128 кв. м.

У выніку даследаванняў было ўстаноўлена, што культурны пласт на гарадзішчы мае таўшчыню 1,7–2,2 м (у ямах да 3,20 м). Верхнія напластаванні (таўшчыня 0,3–0,5 м) уяўляюць сабой шчыльны цёмна-шэры пласт з уключэннямі будаўнічага смецця і перамешанымі матэрыяламі XII–XX стст. (пераважна XVI–XVII стст.). Сярэдні гарызонт (таўшчыня 1,0–1,4 м) прадстаўлены чорным гумусіраваным пластам, насычаным попелам, вуголлем, праслойкамі светлага пяску і гліны. Па характэрных знаходках ён датуецца XII–XIII стст. Ніжні гарызонт (перадмацерыковы і частка ям) утварыўся яшчэ ў раннім жалезным веку (II–IV стст. н. э.), прадстаўлены чорным гумусіраваным пластам і звязаны з пражываннем прадстаўнікоў культуры штрыхаванай керамікі.

Лічыцца, што на мяжы XI–XII стст. адбываецца паўторнае засяленне гарадзішча. Аднаўленне ўмацаванага паселішча ў Свіслачы звязваецца з другім этапам у развіцці т. зв. «свіслацкай агламерацыі паселішчаў» [6, с. 154–161; 7, с. 42–43, 49, 58–61, мал. 18]. Аднаўленне гарадзішча ў Свіслачы звязваюць з дзейнасцю сына Усяслава Брачыслававіча – Глебам Усяслававічам Менскім (1104–1119 гг.). Асабліва інтэнсіўна жыццё працякала ў сярэдзіне XII – сярэдзіне XIII ст. Згодна з сацыяльна-гістарычнай тыпалогіяй, гарадзішча Свіслач у XII–XIII стст. можна з упэўненасцю аднесці да феадальнай сядзібы-замка.

Падчас вывучэння помніка знойдзена вялікая колькасць керамічнага матэрыялу, побытавых рэчаў, прылад працы і рыбалоўства, зброя і рыштунак конніка, вырабы з рогу і косці, каляровага металу. Адметным з'яўляецца тое, што раскопы 2005–2007 гг. патрапілі на рэшткі вялікай спаленай пабудовы памерамі каля 10×8 м, у якой фіксаваліся каменны ганак, уваход і падклецце (падпадлогавае яма). Пабудова арыентавана па баках свету і фіксавалася па адзінкавых рэштках абгарэлых бярвенняў, распаўсюджванні вуголля і нівеліровачнай праслойцы светла-жоўтага пяску. У падпадлогавай яме было сабрана абпаленае зерне (ячмень, жыта, проса, пустазелле), а таксама мноства археалагічных артэфактаў (фрагменты ганчарнага посуду, астэалагічны і іхціялагічны матэрыял, сякеры, фрагменты шкляных бранзалетаў, фрагмент амфары, невызначальныя вырабы з каляровага металу і інш.). У межах пабудовы сабрана асноўная колькасць бытавых рэчаў (нажы, нажніцы, замкі, ключы, долаты, шыферныя праселкі, варган, гіра ад бязмена), прылад працы (жорнавыя камяні, порхліца, сашнік, цясло, фрагмент сярпа, рыбалоўны кручок), упрыгажэнняў (шклянныя бранзалеты, сердалікавая пацерка, залаты колт), фрагмент т. зв. «багародзіцкага» энкаліпсіна, прадметы ўзбраення (фрагменты шпор, наканечнікі стрэл, шып булавы, наверх і скрыжаванне мяча (тып Т1, «куршскі»), фрагменты шлема з паўмаскай (тып 4 паводле А. Кірпічнікава).

Комплекс «элітарных» матэрыялаў, атрыманых пры раскопках гэтай часткі гарадзішча, дазваляе казаць аб высокім сацыяльным статусе ўладальніка гэтых рэчаў (мясцовы феадал (баярын, князь?)) і аб тым, што выяўленая пабудова належала менавіта яму. На сённяшні дзень лічыцца, што велізарны пажар і масавае «выпадзенне» мноства артэфактаў XIII ст. у культурны пласт можна звязаць з раптоўным уварваннем атрада мангола-татар недзе ў сярэдзіне XIII ст., што дазваляе цэлая серыя качэўніцкіх артэфактаў [8]. Не выключана, што гэта адлюстраванне «развіцця» паходу 1239 г., калі качэўнікі разрабавалі Чарнігаўскую зямлю, у тым ліку шэраг паселішчаў на Беларусі – Гомель (Гомий), Магілёў, і невялікі атрад манголаў мог прадпрыняць

рабаўнічы паход як у Верхняе Падняпроўе, так і на Сярэдняю Бярэзіну. Другая дата – 1258–1259 гг., калі мангола-татарскі хан Бурундай ажыццявіў паход на Літву, прычым гэта дата выглядае найбольш «перспектыўнай», асабліва ўлічваючы тое, у якім кантэксце ўзгадваецца адзін з свіслацкіх князёў (Ізяслаў) [9, с. 312].

Выяўленыя прадметы ўзбраення нібыта акаляюць вялікую пабудову. Знаходка шлема з паўмаскай, рэшткаў мяча і біметалічнай булавы дазваляе меркаваць аб іх прыналежнасці буйному феадалу (уладальніку замка (?)) – баярыну ці князю (?), які загінуў амаль на ганку свайго дома. Нагадаем, што каля гэтай спаленай пабудовы быў таксама знойдзены залаты колт, які мог належаць яго жонцы альбо дачцэ. У археалагічнай літаратуры колты заўсёды інтэрпрэтуюцца як неад’емны элемент галаўнога ўбору заможнай жанчыны. Рэчы такога кшталту і памераў не маглі быць згублены выпадкова. Падобныя знаходкі найчасцей звязаны са скарбамі (Вішчын, Старая Разань, Кіеў і інш.), якія былі схаваны падчас нейкіх надзвычайных абставін (найперш менавіта мангольскіх пагромаў) або страчаны падчас іх [10, табл. XX; 11, с. 130–140; 12, мал. 73–74, 92–93, с. 97, 135; 13, с. 29, табл. XXXVI–LXI; 14, с. 140–153; 15, с. 28–29, 214].

Увогуле, назва «колт» была ўведзена ў навуковы ўжытак у сярэдзіне XIX ст. І. Е. Забеліным для абазначэння ювелірных упрыгажэнняў для жаночага галаўнога ўбору [16, с. 306]. Насамрэч колт уяўляе сабой парнае жаночае ўпрыгажэнне ў выглядзе падвескі на скронях, якая замацоўвалася да галаўнога ўбору з дапамогай раснаў, стужак, ланцужкоў [16, с. 306]. Н. П. Кандакоў лічыў, што колты маглі трансфармавацца з лунніцападобных завушніц, якія маглі стаць прата-тыпам для полых візантыйскіх колтаў, якія нагадваюць дзве лунніцы, злучаныя паміж сабой. Лунніцападобныя завушніцы былі шырока распаўсюджаны ў VI–VII стст., а пачынаючы з VIII ст. трапляюцца значна радзей [17, с. 337]. Н. В. Жыліна мяркуе, што працэс фарміравання падобных упрыгажэнняў быў не паступовы, як лічаць Н. П. Кандакоў і С. С. Рабцава, а паралельны як у Візантыі, так і ў Старажытнай Русі [18, с. 164–166].

Часцей за ўсё колты знаходзяць у складзе скарбаў, як у рэчавых, так і ў грашова-рэчавых. Прыкладам такіх знаходак з’яўляецца грашова-рэчавы скарб, знойдзены каля Вішчынскага замка ў 1979 г. [11, с. 130–140]. У склад скарба акрамя чатырох колтаў уваходзілі розныя жаночыя ўпрыгажэнні (бранзалеты, расны, падвескі, бусіны) і грашовыя зліткі [11, с. 130–140].

Але таксама сустракаюцца адзінкавыя знаходкі, знойдзеныя пры розных абставінах. Па матэрыялах археалагічных даследаванняў 1932–1949 гг., якія праводзіліся на тэрыторыі Старажытнага Гродна, маюцца звесткі пра імітацыйны зорчаты колт, адліты з волава [19, с. 67, 69, мал. 32]. Гэты колт датуецца XI–XIII стст. [20, с. 248; 19, с. 69, мал. 32]. Два колты былі знойдзены падчас археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Мінскага замчышча. Адзін колт срэбны, датуецца сярэдзінай – другой паловай XII ст. Другі выраблены з алавяна-свінцовага сплаву і датуецца першай паловай XIII ст. [21, с. 222]. Адзінкавымі знаходкамі з’яўляюцца колты, знойдзеныя падчас археалагічнага даследавання ў пачатку 1970-х гг. на месцы летапіснага Бярэсця. Адзін з колтаў быў выраблены з білонавага сплаву і датуецца прыкладна рубяжом XI–XII стст. Другі колт знойдзены ў пласце XIII ст. падчас будаўнічых прац [22, с. 98–99].

Колт – гэта выключна жаночае ўпрыгажэнне, якое замацоўвалася непасрэдна на галаўным уборе з дапамогай ланцужкоў або стужак. Убор з колтамі – гэта ўбор гарадскі, які ўзнік у княжацкім асяроддзі [13, с. 64]. Шырокае распаўсюджанне ён атрымаў у канцы XI–XIII ст. Колты звычайна полыя, верагодна, у сярэдзіну клалі невялікі кавалак тканіны з водарам араматычных масел. Часцей колты вырабляліся з каштоўных металаў (срэбра або золата) і ўпрыгожваліся сканню, зерню (напаяныя маленькія пацеркі), эмалямі і чэрню. Такія ўпрыгажэнні часцей можна было сустрэць на ўборах гарадской знаці. Пазней, у канцы XII ст., пачалі з’яўляцца больш танныя копіі, але вырабленыя іншай тэхнікай – ліццём у цвёрдых імітацыйных формах. Яны ў сваю чаргу атрымалі шырокае распаўсюджванне сярод гарадскога насельніцтва [23, с. 18].

На прыкладзе знойдзенага залатога колта (мал. 1–3) з Свіслацкага замка мы прапануем разгляд тэхналогіі вырабу падобных упрыгажэнняў. Па канструкцыі дадзены колт складаецца з дзвюх адціснутых з залатога ліста акруглых пласцін з авальным выразам у верхняй частцы. Дадзены колт полы ўнутры, яго вышыня 2,6 см, шырыня 3,3 см, шырыня борта ў профіле складае ад 1,5 мм да 5,5 мм з улікам таго, што колт часткова дэфармаваны. Дзве паловы колта спаяны паміж сабой.

У яго верхняй частцы (па краях авальнага выразу) маюцца петлі (дыяметр петляў 4–4,5 мм, таўшчыня дроту 0,9–1 мм) для падвешвання да галаўнога ўбору. Акрамя таго, невялікія па памерах петлі (дыяметр 2,5 мм, таўшчыня дроту 0,8–0,9 мм) меліся і на месцы шва (злучэння дзвюх паловаў колта). Відаць, майстар прадугледжваў пяць петляў, аднак захавалася толькі адна. Верагодна, гэтыя петлі павінны былі служыць для замацавання аздаблення. Лічыцца, што вакол такіх колтаў з дапамогай петляў замацоўвалася нізка жэмчугу, нанізанага на дрот [24, с. 49].

Па краі колт аздоблены сканнай (філіграннай) стужкай (каймай) з абодвух бокоў. Дыяметр філіграні дасягае 0,8–1 мм. Гэтая тэхніка шырока выкарыстоўвалася ў часы сярэднявекі для аздаблення ювелірных упрыгажэнняў [25, с. 441–442], калі з падрыхтаванага тонкага звёрга дроту выкладаліся розныя кампазіцыі. Скань (філігрань) з’яўляецца адной з самых распаўсюджаных тэхнік у ювелірнай справе [26, с. 194] і ўвасабляе сукупнасць розных прыёмаў апрацоўкі металу.

З абодвух бакоў колт мае розную арнаментальную кампазіцыю. Адметна тое, што майстар не здолеў вытрымаць сіметрыю ў размяшчэнні скананых кампазіцый. На адным баку, на паверхні ў цэнтры размяшчана крыжападобная кампазіцыя, у сярэдзіне якой знаходзіцца невялікае колца з плоскага дроту. Па ўсёй паверхні размяшчаны завіткі і колцы ў геаметрычным стыле рознага тыпу, выгляду і памераў – адзінарныя і падвоеныя, з філіграннага і плоскага або круглага дроту. Таўшчыня дроту на завітках вагаецца ад 0,5 мм да 0,7 мм. У кампазіцыі больш пераважаюць колцы розных памераў.

На адваротным баку колта размяшчана геаметрычная кампазіцыя, якая ўяўляе сабой хатычнае размяшчэнне завітоў, колцаў і паўколцаў па ўсёй паверхні і выяву ў выглядзе спіральна закручанага колца з сканнага дроту ў цэнтры. На гэтым баку большасць завітоў рознага выгляду і колцаў зроблена з сканнага дроту, далучаюцца да ўжо апісаных фігур і новыя – хвалістыя лініі, рысачкі, васьмёркі і інш. На гэтым жа баку таксама маецца латка з золата памерам 3–3,5×4–4,5 мм, якая размяшчана ў верхняй частцы каля дужкі для прымацавання, яна закрывае пашкоджаную паверхню. Цяжка адназначна сказаць, ці гэтая латка – вынік рамонту колта або майстар яшчэ пры вырабу колта дапусціў памылку і быў вымушаны такім чынам неяк «схаваць» дзірку. Трэба адзначыць і тое, што па абодвух баках колта частка фігур аздаблення мае выгляд заглянцаваных або пацёртых.

Такім чынам, для вырабу дадзенага колта майстар выкарыстаў цэлы шэраг разнастайных аперацый. Першапачаткова рабілася тонкая металічная пласціна метадам апрацоўкі металу халоднай коўкай для прыдання адпаведнай формы. Коўка – гэта спосаб пластычнай апрацоўкі металу шляхам прыдання формы нанясеннем удараў малатком на кавадле [27, с. 249]. Метад раскоўкі злітка металу ў тонкія лісты быў вядомы, напрыклад, наўгародскім ювелірам у XI–XII стст. [20, с. 208–209].

Пасля таго, як металічная пласціна была падрыхтавана, яе рэзалі на дзве аднолькавыя часткі. Для выразання адпаведнай формы з пласціны выкарыстоўваўся заостраны па кругу штамп

Мал. 1. Залаты колт з Свіслацкага замка

Fig. 1. Gold Colt from Svisloch Castle

Мал. 2. Залаты колт з Свіслацкага замка (адваротны бок)

Fig. 2. Gold Colt from Svisloch Castle (rear view)

Мал. 3. Залаты колт з Свіслацкага замка (выгляд збоку)

Fig. 3. Gold Colt from Svisloch Castle (side view)

(такія выкарыстоўвалі і для гузікаў і бубенчыкаў) для ціснення [20, с. 209] або металічную пласціну рэзалі нажом ці нажніцамі [27, с. 287]. З дапамогай спецыяльных інструментаў і шаблона надавалі пласцінам выгнутыя формы і замацоўвалі іх паміж сабой пайкай. Пайка – гэта нерухомае злучэнне металічных дэталей з дапамогай расплаўленага прыпою, які мае тэмпературу плаўлення больш нізкую, чым асноўны метал [27, с. 336]. У якасці прыпою выступаў той жа метал у выглядзе пілавання, які і з’яўляўся асноўным металам вырабу.

У нашым выпадку гэта быў залаты прыпой. Такім чынам каркас вырабу гатовы, колт атрымліваецца полым.

Для ўпрыгожвання колта сканню (філігранню) выкарыстоўваецца дрот, зроблены шляхам валачэння. Валачэнне – гэта працэс працягвання металічнай нарыхтоўкі праз спецыяльныя адтуліны (фільтры) і за кошт гэтага дрот памяншаецца ў дыяметры і павялічваецца ў даўжыню [26, с. 91]. Менавіта выраб дроту з’яўляецца адным з складаных этапаў. Больш простым працэсам вырабу дроту лічыцца коўка. Такая тэхніка выкарыстоўвалася пачынаючы з XI ст. [28, с. 265]. М. В. Сядова сцвярджае, што наўгародскія майстры пачалі выкарыстоўваць тэхніку валачэння ў X ст., у XI ст. дрот пачалі адкоўваць на кавадле з жалабком [23, с. 4]. Па меркаванні Б. А. Рыбакова, тэхніка валачэння пачала выкарыстоўвацца старажытнарускімі ювелірамі ў XII ст. [29, с. 162]. Гэтыя дзве тэхнікі суіснавалі разам да XIV ст. [20, с. 210].

Выраб скані (філіграні) заключаўся ў скручванні драцінак і атрымання нарыхтоўкі ў выглядзе сканнага дроту. Скань (філігрань) азначае «звіцаць», аднак сканню называюць розныя дэкаратыўныя дроты, але ў большай ступені гэта датычыцца звітага дроту з дзвюх ці больш драцінак [30, с. 74; 23, с. 38]. Для вырабаў, дзе сустракаюцца элементы з скані (філіграні), выкарыстоўваюць розныя віды нарыхтовак – гладзь, вярочка, шнурочак і іншыя [26, с. 195]. Гладзь – гэта акруглы дрот, аснова нарыхтоўкі скані, таксама можа выкарыстоўвацца як самастойны элемент. Нарыхтоўка ў выглядзе вярочкі – жгуцік, які перакручаны з некалькіх драцінак. Скань можа быць ажурная і фонавая. Адрозненне іх у тым, што з дапамогай ажурнай скані ствараецца каркас, а фонавая – замацоўваецца непасрэдна на вырабе, які з’яўляецца фонам [26, с. 194].

На заключным этапе да гатовага вырабу прымацоўваюцца дадатковыя элементы: пяцелькі для мацавання самога вырабу і замацавання іншых дэкаратыўных элементаў. Па характары аправы гэты колт можна аднесці да трэцяга тыпу (па класіфікацыі Т. І. Макаравай) – з ажурнай сканнай аправай [24, с. 49]. У сваю чаргу па характары дэжору колт адносіцца да трэцяга падтыпу – кампазіцыя расліннага або геаметрычнага характару [24, с. 49].

Залаты колт не мае дакладных аналогій сярод старажытнарускіх ювелірных упрыгажэнняў, таму можа быць інтэрпрэтаваны як творчая задумка (эксперымент) мясцовага майстра. Тэхналагічныя недарэчнасці і неахайнасць у выкананні гэтага прэстыжнага ўпрыгажэння могуць сведчыць аб тым, што майстар не валодаў патрэбным вопытам працы ў гэтай складанай тэхніцы. На нашу думку, аўтар упрыгажэння і, адпаведна, яго заказчык былі добра знаёмыя з аналагічнымі статуснымі вырабамі, якія маглі з’яўляцца прыкладамі для работы ювеліра. Невядомы лёс уладальніцы гэтага колта, аднак, улічваючы выяўленыя сляды жорсткай ваеннай сутычкі, пажару і мноства згубленых бытавых рэчаў і ўзбраення, наўрад ці насельнікі Свіслацкага замка пазбеглі палону або гібелі. Адсутнасць другога (парнага) колта сведчыць аб тым, што ён мог застацца пераможцам той трагічнай бойкі сярэдзіны XIII ст.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв. / Л. В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
2. Зоценко, В. Н. Одна из транспортных магистралей X–XIII вв. между Киевом и Новгородом / В. Н. Зоценко // Чернигов и его округа в IX–XIII вв.: материалы науч.-практ. конф., Чернигов, 15–18 мая 1990 г.: тез. ист.-археол. семинара. – Чернигов, 1990. – С. 104–106.

3. Пивоварчик, С. А. Городища X–XIII вв. Белорусского Понеманья: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / С. А. Пивоварчик; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 1994. – 19 с.
4. Опросные листы 1924 г. по Бобруйскому уезду. Басейн Березины (Бобруйск–Осиповичи) // Архіў археалагічнай навуковай дакументацыі Ін-та гісторыі НАН Беларусі. – Спр. 69. Воп. 1. Л. 305–308.
5. Шутаў, С. С. Археалёгічныя разведкі на ніжняй Свіслачы ўлетку 1926 г. / С. С. Шутаў, М. М. Улашчык // Запіскі аддзела гуманітарных навук Беларускай Акадэміі навук. — Кн. 11. Працы археалагічнай камісіі. Т. 2. – Мінск, 1930. – С. 105–120.
6. Кошман, В. І. «Свіслацка-бярэзінскі» мікрарэгіён у X–XIII стст. / В. І. Кошман // Зб. навук. прац / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2006. – № 12: Матэрыялы па археалогіі Беларусі / Археалогія эпохі сярэднявечаў (да 75-годдзя з дня нараджэння П. Ф. Лысенкі). – С. 154–161.
7. Кошман, В. І. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. / В. І. Кошман. – Мінск, 2008. – 281 с.
8. Кошман, В. І. Прадметы ўзбраення з гарадзішча Свіслач (па матэрыялах раскопак 2000, 2005–2007 гг.): да пытання аб мангольскіх нападках на тэрыторыю Беларусі ў сярэдзіне XIII ст. / В. І. Кошман, М. А. Плавінскі // Acta archaeologica Albaruthenica; зб. арт. / уклад. М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2008. – Vol. IV (Вып. 4). – С. 85–110.
9. Галицко–Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование / под ред. Н. Ф. Котляра. – СПб., 2005. – Стб. 717–718. – 312 с.
10. Гончаров, В. К. Райковецкое городище / В. К. Гончаров. – Киев: Изд-во Акад. наук Укр. ССР, 1950. – 219 с.
11. Загорульский, Э. М. Вишинский замок XII–XIII вв. / Э. М. Загорульский. – Минск, 2004. – 159 с.
12. Килиевич, С. Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII века. По материалам археологических исследований / С. Р. Килиевич. – Киев, 1982. – 175 с.
13. Корзухина, Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. / Г. Ф. Корзухина. – М.-Л., 1954. – 226 с.
14. Монгайт, А. Л. Старая Рязань / А. Л. Монгайт // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов: сб. ст. – Т. IV. МИА. – № 49. – М., 1955. – 228 с.
15. Толочко, П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков / П. П. Толочко. – Киев, 1980. – 224 с.
16. Жилина, Н. В. История древнерусского металлического убора IX — XIII вв. / Славяно-русское ювелирное дело и его истоки / сост. А. А. Пескова, О. А. Щеглова, А. Е. Мусин. – СПб., 2010. – С. 175 — 198.
17. Рябцева, С. С. Об одном типе византийских украшений VI–VII вв. / С. С. Рябцева // Европейская Сарматия: сборник, посвященный М. Б. Щукину / отв. ред. Д. А. Мачинский. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 332–339.
18. Жилина, Н. В. Искусство золотой филигрании по древнерусскимкладам (автохтонность и влияния) / Н. В. Жилина // Древнерусская культура в мировом контексте. Археология и междисциплинарные исследования: сб. ст. / сост. А. В. Чернецов. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – С. 158–185.
19. Воронин, Н. Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949 гг.) / Н. Н. Воронин // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1954. – № 41. – 238 с.
20. Рындина, Н. В. Технология производства новгородских ювелиров / Н. В. Рындина // Материалы и исследования по археологии СССР: сб. науч. тр. – М., 1963. – Вып. 117. – С. 200 — 268.
21. Загорульский, Э. М. Возникновение Минска / Э. М. Загорульский. – Минск, 1982. – 222 с.
22. Лысенко, П. Ф. Открытие Берестя / П. Ф. Лысенко. – Минск: Наука и техника, 1989. – 159 с.
23. Седова, М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XIV вв.) / М. В. Седова. – М.: Наука, 1981. – С. 195.
24. Макарова, Т. И. Черное дело Древней Руси / Т. И. Макарова. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
25. Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. / рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭН імя П. Броўкі, 2009–2011. – Т. 2. – 2011. – 464 с.
26. Марченков, В. И. Ювелирное дело / В. И. Марченков. – М.: Высшая школа, 1992. – 233 с.
27. Минасян, Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье / Р. С. Минасян. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 472 с.
28. Колчин, Б. А. Ремесло / Б. А. Колчин // Археология СССР. Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М., 1985. – 431 с.
29. Рыбаков, Б. А. Ремесло Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1948. – 793 с.
30. Жилина, Н. В. Шапка Мономаха: историко-культурное и технологическое исследование / Н. В. Жилина. – М., 2001. – 248 с.

References

1. Alekseev L. V. *Polotsk land (essays on the history of Northern Belarus in the 9th–13th centuries)*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 295 p. (in Russian)
2. Zotsenko V. N. One of the transport highways of the X–XIII centuries. between Kiev and Novgorod. *Chernigov i ego okrug v IX–XIII vv., Chernigov, 15–18 maia 1990 g.: tez. ist.-arkheolog. Seminara* [Chernigov and its districts in the IX–XIII centuries, Chernigov, May 15–18, 1990: Tez. Historian-archaeologist. Workshop]. Chernigov, 1990, pp. 104–106. (in Russian)
3. Pivovarchik S. A. **Ancient settlements of the X–XVIII centuries of the Poneman. Abstract of Ph. D. dissertation, archaeology**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, 1994. 19 p. (in Russian)
4. Questionnaires of 1924 for the Bobruisk uyezd. Basin of Berezina (Bobruisk–Osipovich). *Arkhiv arkhealogichnai navukovai dokumentatsyi Instytutu gistoryi NAN Belarusi* [Archive documents of the archaeological research of the Institute of History of NAS of Belarus]. Case 69. Inv. 1. Sheet 305–308. (in Russian)
5. Shutaŭ S. S., Ulaŭchyk M. M. Archaeological exploration at the lower Svislach summer 1926. *Zapiski Addzela humanitarnykh navuk. Kn. 11 : Pratsy arkhealogichnai komisii, t. II*. [Notes of the Department of Humanities. book 11: Works archealogichnay Commission, vol. II.]. Mensk, 1930, pp. 105–120. (in Belorussian)
6. Koshman V. I. "Svisloch-Berezinsky" micro-region in X–XIII centuries. *Materiyaly pa arkhealogii Belarusi. Vyp. 12. Arkhealogiia epokhi siaredneviakoŭia (da 75-goddzia z dnia narodzhennia P. F. Lysenki)* [Materials on the Archeology of Belarus. Vol. 12. Archeology of the Middle Ages (the 75th anniversary of the birth of Lysenko PF)]. Minsk, 2006, pp. 154–161. (in Belorussian)

7. Koshman V. I. *Settlement area between the Berezina and the Dnieper in the X–XIII centuries*. Minsk, 2008. 281 p. (in Belorussian)
8. Koshman V. I. Objects of weapons settlement Svisloch (based on excavations of 2000, 2005–2007.): On the question of the Mongol attacks on the territory of Belarus in the middle of the XIII century. *Acta archaeologica Albaruthenica: zb. art.* [Acta archaeologica Albaruthenica: a collection of articles]. Minsk, I. P. Logvinaŭ Publ., 2008. Vol. IV, pp. 85–110. (in Belorussian)
9. *Galicia-Volyn chronicle. Text. Comment. Study*. Kotliar N. F. (ed.). Saint Petersburg, 2005. 424 p. (in Russian)
10. Goncharov V. K. *Raykovetskoe settlement*. Kiev. Izdatel'stvo Akademii nauk Ukrainskoi SSR Publ., 1950. 219 p. (in Russian)
11. Zagorul'skii E. M. *Vishchinsky Castle of the XII–XIII centuries*. Minsk, 2004. 159 p. (in Russian)
12. Kilievich S. R. *Detinets in Kiev IX – the first half of the XIII century. Based on materials of archaeological research*. Kiev, 1982. 175 p. (in Russian)
13. Korzukhina G. F. *Russian treasures of the 9th–13th centuries*. Moscow, Leningrad, 1954. 226 p. (in Russian)
14. Mongait A. L. Old Ryazan. *Materialy i issledovaniia po arkheologii drevnerusskikh gorodov: sb. st.* [Materials and research on archeology of ancient Russian cities: a collection of articles]. No. 49. Moscow, 1955. 228 p. (in Russian)
15. Tolochko P. P. *Kiev and Kiev land in the era of feudal fragmentation of the XII–XIII centuries*. Kiev, Naukova dumka Publ., 1980. 223 p. (in Russian)
16. Zhilina N. V. The history of Old Russian metal IX–XIII centuries. *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Gali Fedorovny Korzukhinoi* [Slavonic-Russian jewelry business and its origins: Proceedings of the International Scientific Conference on the 100th anniversary of the birth of Gali Fedorovna Korzukhina], Peskova A. A., Shcheglova O. A., Musin A. E. (ed.). Saint Petersburg, Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu “Nestor-Istoriia” Publ., 2010, pp. 175–199.
17. Riabtseva S. S. On one type of Byzantine jewelry of the VI–VII centuries. *Evropeiskaia Sarmatiia. Sbornik, posviashchennii Marku Borisovichu Shchukinu. [Po materialam konferentsii, provedennoi v ramkakh XIV chtenii pamiati Anny Machinskoi. Staraia Ladoga, 26–27 dekabria 2009 g.]* [European Sarmatia. A collection dedicated to Mark Borisovich Shchukin. [Based on the materials of the conference held in the framework of the XIV readings of the memory of Anna Machinskaya. Old Ladoga, December 26–27, 2009]], Saint Petersburg, Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu “Nestor-Istoriia” Publ., 2011, pp. 332–339. (in Russian)
18. Zhilina N. V. The art of gold filigree on ancient Russian treasures (autochthonous and influential). *Drevnerusskaia kul'tura v mirovom kontekste: arkheologiia i mezhdistitsiplinarnye issledovaniia, Moskva, 19–21 noiabria 1997 g.* [Old Russian Culture in the World Context: Archeology and Interdisciplinary Studies, Moscow, November 19–21, 1997], Chernetsov A. V. (ed.). Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ., 1999, pp. 158–185. (in Russian)
19. Voronin N. N. *Ancient Grodno (Based on archaeological excavations from 1932–1949)*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1954. 239 p. (Ser. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. № 41. Materialy i issledovaniia po arkheologii drevnerusskikh gorodov. T. III [Materials and research on archeology of the USSR. No. 41. Materials and research on the archeology of ancient Russian cities. T. III.]). (in Russian)
20. Ryndina N. V. *Technology of production of Novgorod jewelers. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR. № 117. Nove metody v arkheologii. Trudy Novgorodskoi Arkheologicheskoi ekspeditsii. T. III* [Materials and research on archeology of the USSR. No. 117. New methods in archeology. Proceedings of the Novgorod Archaeological Expedition. T. III]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, pp. 200–268. (in Russian)
21. Zagorul'skii E. M. *The emergence of Minsk*. Minsk, BGU imeni V. I. Lenina Publ., 1989. 358 p. (in Russian)
22. Lysenko P. F. *Discovery of Berestia*. Minsk, Nauka i tekhnika, 1989. 159 p. (in Russian)
23. Sedova M. V. *Jewelry of Ancient Novgorod (X–XIV cc.)*. Moscow, Nauka Publ., 1981. 196 p. (in Russian)
24. Makarova T. I. *The black matter of Ancient Rus*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 156 p. (in Russian)
25. *Archeology Belarus: Encyclopedia: in 2 volumes, vol. 2*, Bialova T. U. (ed.). Minsk, BelEN imia P. Broŭki Publ., 2011. 464 p. (in Belorussian)
26. Marchenkov V. I. *Jewelcrafting*. 3rd ed. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1992. 256 p. (in Russian)
27. Minasian R. S. *Metalworking in antiquity and the Middle Ages*. St. Petersburg, Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 2014. 472 p. (in Russian)
28. Kolchin B. A. Craft. *Arkheologiia SSSR. Drevniaia Rus'. Gorod. Zamok. Selo* [Archeology of the USSR. Ancient Russia. City. Castle. Village]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 243–297. (in Russian)
29. Rybakov B. A. *Craft of Ancient Russia*. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948. 802 p. (in Russian)
30. Zhilina N. V. *Monomakh's cap: historical and cultural and technological research*. Moscow, Nauka Publ., 2001. 248 p. (in Russian)

Информация об авторах

Кошман Вадим Иванович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом археологии Средних веков и Нового времени. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vadzim_archo@tut.by

Яскович Анна Сергеевна – младший научный сотрудник отдела археологии Средних веков и Нового времени. Институт истории, Национальная академия наук Беларуси (ул. Академическая, 1, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: anna.yaskovich@gmail.com

Information about the authors

Vadzim I. Koshman – Ph. D. (Hist.), Associate Professor, Head of the Medieval and Modern Time Archaeology Department, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: vadzim_archo@tut.by

Hanna S. Yaskovich – Junior Scientific Researcher, Medieval and Modern Time Archaeology Department, Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus (1 Akademicheskaya Str., Minsk 220072, Belarus). E-mail: anna.yaskovich@gmail.com

ISSN 2524-2369 (print)

ISSN 2524-2377 (online)

УДК 339.9(47 + 57)(410)(091):008

Поступила в редакцию 14.11. 2017

Received 14.11.2017

И. В. Жилинская

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь

АНГЛО-СОВЕТСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В 30-е гг. XX в.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. Актуальность проблемы обусловлена тем, что культурное сотрудничество является одним из важнейших каналов для расширения диалога между государствами, а детальное исследование англо-советских культурных связей в 30-е гг. XX века позволяет выявить специфику такого сотрудничества между государствами с противоположными экономическими, социально-политическими и идеологическими системами. На основе широкого круга архивных документов проанализированы основные направления и тенденции развития англо-советского культурного сотрудничества в 30-е гг. XX века. Показаны цели внешней культурной политики СССР и ее организационные основы, выявлены изменения форм, содержания и динамики англо-советских культурных связей рассматриваемого периода. На основании данного материала разработана периодизация англо-советского культурного сотрудничества 30-х гг. XX века. Автором сделан вывод о том, что процесс англо-советского культурного сотрудничества характеризовался сложностью и противоречивостью, поскольку испытывал на себе негативное влияние политических и идеологических факторов со стороны обоих государств, что и определяло его скачкообразный характер. В конце 30-х гг. XX века англо-советские связи резко сократились. Социальная база в Великобритании, опираясь на которую можно было осуществлять контакты в области науки и культуры, значительно уменьшилась. В конце 30-х гг. XX века и советское руководство утратило заинтересованность в расширении культурного обмена с Великобританией.

Ключевые слова: Великобритания, СССР, культурное сотрудничество, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Общество культурной связи с СССР, межвоенный период, пропаганда, «техника гостеприимства», книгообмен

Для цитирования. Жилинская, И. В. Англо-советские культурные связи в 30-е гг. XX в.: основные направления / И. В. Жилинская // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 57–68.

I. V. Zhilinskaya

Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

ANGLO-SOVIET CULTURAL RELATIONS IN THE 1930s: MAIN TRENDS

Abstract. The relevance of the problem is based on the fact that cultural cooperation is an important channel for increasing dialogue between states, and a detailed study of Anglo-Soviet cultural relations in the 1930s allows identifying specific features of such cooperation between states having opposite economic, social, political and ideological systems. Based on a wide range of archive documents, main areas and development trends in the Anglo-Soviet cultural cooperation in the 1930s are analyzed. The article shows the objectives and institutional framework of the USSR foreign cultural policy and identifies changes in the form, content and dynamics of the Anglo-Soviet cultural ties in the period in question. Based on this material, periodization of the Anglo-Soviet cultural cooperation in the 1930s is made. It is concluded that the process of Anglo-Soviet cultural cooperation was complex and inconsistent as it was affected by political and ideological factors in the both countries, which determined its intermittent nature. In the late 1930s Anglo-Soviet decreased sharply. The social base in the UK on which it was possible to carry out contacts in the field of science and culture significantly shrank. On the other hand, the Soviet leadership lost interest to expanding cultural exchange with Britain in the late 1930s.

Keywords: Great Britain, USSR, cultural cooperation, All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries (VOKS), Society for Cultural Relations with the USSR, inter-war period, propaganda, hospitality technique, book exchange

For citation. Zhilinskaya I. V. Anglo-Soviet Cultural Relations in the 1930s: Main Trends. *Vestsi Natsyional'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 57–68 (Russian).

Введение. Культурное сотрудничество является одним из важнейших каналов для налаживания либо дальнейшего расширения диалога между государствами, в том числе и политического. Поэтому изучение опыта расширения контактов государств в культурной сфере на протяжении всей истории будет интересовать историков и политиков разных поколений и, возможно, поможет избежать ошибок и просчетов в этой области сегодня.

Детальное исследование англо-советских культурных связей в 30-е гг. XX в. обусловлено и тем, что сотрудничество осуществлялось между державами, различными по своему политическому, социально-экономическому устройству, мировоззрению, традициям, идеологии и т. д. Это обуславливало противоречия, отразившиеся, в конечном счете, на сути самих культурных связей.

И Советский Союз, и Великобритания в 30-х гг. XX в. были заинтересованы в развитии таких контактов. Для СССР это было необходимо для решения внешнеполитических задач, поскольку, несмотря на признание СССР большинством западных стран, его роль на международной арене оставалась незначительной. Такая ситуация заставляла советское государство искать любые каналы диалога с Западом, в том числе и неформальные. В то же время СССР имел огромное культурное наследие прошлого. Произведения классиков русской культуры притягивали взоры творческой интеллигенции всего мира. Нельзя не учесть и то, что само социалистическое строительство также было предметом пристального внимания граждан капиталистических стран. Поэтому произведения литературы и искусства современных советских авторов, отражающие реалии того времени, также вызывали интерес общественности Великобритании.

Основная часть. Поворотным пунктом в деле налаживания культурных связей СССР с зарубежным миром можно считать создание 8 августа 1925 г. Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Впервые в истории была создана организация, которая занималась вопросами культурных связей с заграницей и координировала эту работу в масштабе целого государства. Цель ВОКС определялась как «содействие установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и заграницы» [1, л. 1–2]. Основным средством осуществления цели виделось распространение информации о достижениях советской науки и культуры за рубежом [1, л. 1]. Это должно было способствовать увеличению интереса к СССР и социалистическому строю в капиталистическом обществе. Таким образом, элементы пропаганды во внешней культурной политике СССР были заложены с самого начала, хотя они еще не выходили за рамки культуры. На протяжении 1930-х гг. ВОКС неоднократно делались установки на необходимость идеологической экспансии, что должно было создавать благоприятную обстановку «для поддержания политической линии советских полпредств». Опираясь на интерес зарубежных интеллектуалов к СССР, Общество должно было «нейтрализовать часть буржуазии, парализовать ее в значительной степени при всяком внешнеполитическом осложнении» [2, л. 118].

В области культурных связей с иностранными государствами в 1930-е гг. помимо ВОКС работали и другие советские организации, имеющие выход за границу. В частности, НКВД и другие наркоматы, Академия наук, различные творческие союзы, ВЦСПС, «Интурист», объединение «Международная книга» и другие. Они имели те же цели, задачи и методы работы.

С 1920-х гг. начинают складываться организационные основы англо-советского культурного сотрудничества и в Великобритании. 9 июля 1924 г. в Лондоне состоялось учредительное собрание, на котором завершилось образование Общества культурных связей с СССР (ОКС). Главной целью данной организации объявлялось установление тесного контакта между британскими и советскими работниками культуры. ОКС ставила перед собой задачи по информированию британского народа о социальном прогрессе, достигнутом в СССР; знакомству советских людей с культурной жизнью Англии [3, с. 203]. Огромную роль в определении направлений деятельности этой организации наряду с советскими представителями в ОКС играло Всесоюзное общество культурных связей с заграницей. Причем оно считало необходимым «направить политику ОКС таким образом, чтобы можно было рассчитывать в нужный момент на его активные выступления против антисоветских кампаний» [4, л. 49об]. После 1932 г. английское Общество культурных связей с СССР фактически стало «ячейкой» ВОКС в Великобритании.

ВОКС и ОКС принимали активное участие и в организации различного рода культурных мероприятий, в том числе театральных и кинофестивалей, литературных встреч, научных конференций, конгрессов и других, которые оказывали значительное влияние на расширение англо-советского культурного сотрудничества. В первой половине 1930-х гг. через ОКС Советский Союз поддерживал связь со многими английскими организациями, такими как Лига работников просвещения, Национальный союз студентов, Королевский институт британской архитектуры,

Британская театральная ліга і другімі, а таксама з асобнымі работнікамі навукі і мастацтва [5, л. 74]. Чашчэ ўсё гэтыя сувязі сводзіліся да абмену літаратурай і іншай інфармацыяй, пасылкай артыкулаў аб СССР у англійскія перыядычныя выданні.

Першая паловіна 1930-х гг. характарызаваўся паступенным павелічэннем англо-савецкіх культурных кантактаў. Гэта было звязана з павышэннем інтарэсу англічан да Саветскаму Саюзу. Данная тэндэнцыя проследжваецца і на развіцці ОКС. У момант утварэння Общества насчытавала каля 200 членаў [6, с. 10]. У тэчэнне першай паловіны 1930-х гг. яго лічэбнасць пастаянна росла і ў 1935 г. складала каля 2000 чалавек [5, л. 1; 7, л. 9; 8, л. 6, 68]. У 1932 г. Общество мела 6 філіялаў, а ў сярэдзіне прадваеннага дзесяцігоддзя – 13 [7, л. 15 – 16; 8, л. 68].

Аднак нават у гэты перыяд уплываў Общество на англійскую інтэлігенцыю заставаўся абмежаваным. Нясматра на наяўнасць у спісе ганаровых віцэ-прэзідэнтаў арганізацыі шэрагу вядомых дзеячаў культуры і навукі Вялікабрытаніі, большасць з іх у яе практычнай дзейнасці не ўдзельнічалі. У верасні 1934 г. ў час гутаркі з прэзідэнтам ВОКС А. Я. Арошавым полпрэд у Вялікабрытаніі І. М. Майскі адзначаў, што ОКС «можна ахарактарызаваць як Общество левых інтэлігенцыяў», пры гэтым падкрэўваў, што вядомыя дзеячы ў такую арганізацыю не пойдуць у сілу яе палітызаванасці [9, с. 262]. Англо-савецкае культурнае супрацоўніцтва першай паловіны 1930-х гг. развівалася па шэрагу напраўленняў, найбольш значымі з якіх былі: арганізацыя ў Вялікабрытаніі лекцый аб Саветскім Саюзе і яго культурных дасягненнях, экскурсій, выставак, кнігаабмену паміж дзвюма краінамі і г. д. Найбольшае значэнне надавалася лекцыям і публічным выступленням, мэтай якіх было распаўсюд інфармацыі аб СССР і будаўніцтве сацыялізму. Вялікае ўважанне да гэтай формы работы тлумачылася недастаткам інфармацыі ў Вялікабрытаніі аб Саветскім Саюзе і працэсах, якія адбываліся ў ім, што давала пачву для рознага роду слухаў, якія нерэдка ўжываліся ў якасці масавай інфармацыі, асабліва кансерватыўнымі, з мэтай антысавецкай прапаганды.

Такой спосаб работы лічыўся адным з найбольш эфектыўных для вырашэння задач прапаганды дасягненняў Саветскага Саюза ў Англіі. Так, за 1931–1934 гг. толькі ОКС было арганізавана каля 100 выступленняў у розных гарадах краіны прыблізна 150 англійскіх і савецкіх аратараў [5, л. 7; 8, л. 22 аб.]. С дакладамі аб савецкай сістэме адукацыі доволі актыўна выступала Б. Кінг. Лекцыі аб савецкай навуцы чыталі ўдзельнікі П. Бэккет, Дж. Краўтэр, Дж. Хакслі, савецкай юрыспрудэнцыі – Д. Н. Пріт, аб развіцці музыкі і тэатра ў СССР сістэматычна даклалі прафесар музыкі У. Керрыдж, тэатральны крытык Х. Картэр і іншыя.

У дакладах звучала не толькі інфармацыя па тэме, але і нерэдка змяшчалася палітычная прапаганда ў карысць сацыялістычнага будаўніцтва, што значна абмежавала аўдыторыю слухачоў, а часам і ўвогуле прыводзіла да забароны лекцый са староны англійскіх уладаў. Напрыклад, у студзені 1932 г. паралельна з выставай, прысвечанай адукацыі ў СССР, у Лондонскім універсітэце чыталіся лекцыі па гэтай жа тэме. Аднак адміністрацыя ўніверсітэта была вымушана забараніць іх з-за «палітычнага характара» гэтых выступленняў [10].

Довольна значымай формай работы была арганізацыя экскурсій брытанцаў у СССР і наадварот. Асноўная частка такіх паездак ажыццяўлялася грамадзянамі Вялікабрытаніі ў Саветскі Саюз, выезды савецкіх грамадзян у Англію былі рэдкімі, у сілу праводзімай палітыкі рухаводства СССР, накіраванай на ізаляцыю краіны.

Пасешэння Саюза брытанцамі давалі велікія магчымасці для вядзення сярод іх прапаганды. Так, у адзёце Аддзела па прыёме інастранных ВОКС за 1932 г. падкрэўвалася, што мэтай аддзела – «расказаць і паказаць усім існуючым у яго спосабамі тэ фактычна велікія дасягнення ў усіх абласцях нашага будаўніцтва» [11, л. 4]. За кароткі перыяд знаходжання інастранных грамадзян у СССР трэба было прабудзіць у іх сімпатыі да Саветскаму Саюзу і, па магчымасці, ператварыць іх у сяброў СССР, каб у вяртанні на Радзіну яны «давалі правільнае асвятленне пераможнага сацыялістычнага будаўніцтва» [11, л. 4].

З гэтай мэтай пратэкальны аддзел і аддзел па прыёме інастранных ВОКС старанна разрабавалі праграму знаходжання інастранных грамадзян, у тым ліку і англічан у СССР. У сувязі з гэтым амерыканскі даследчык П. Холландер уввёў новае паняцце – «тэхніка гасцёпрыемства», якая заключалася ў забеспячэнні высокага ўзрвня абслужывання інастранных (прожы-

вание, питание, транспорт), стремлении подчеркнуть их значимость (демонстрация знакомства с творчеством данного гостя, торжественные встречи, беседы с руководством страны), изоляции от повседневной жизни и общения с простыми гражданами СССР, а также в выборочной демонстрации советской действительности [12, с. 74–75]. В 1932–1934 гг. СССР посетило 11 групп из Великобритании, что составило свыше 200 человек [13, л. 60]. Как сообщалось в отчете о работе ОКС, «почти не было случаев, когда бы члены таких групп вернулись в Англию с открытыми антисоветскими настроениями» [13, л. 60]. После приезда на Родину из Советского Союза многие англичане были не только доброжелательно настроены к СССР, но и являлись активными сторонниками и пропагандистами социалистического уклада жизни.

Активно велась работа и в области книгообмена. Продвижение советской книги за границу являлось важнейшей задачей отдела международного книгообмена ВОКС, так как это позволяло создать еще один канал для советской пропаганды. Кроме того, книгообмен позволял снабжать иностранными изданиями научные и культурные учреждения Англии и СССР без особых валютных затрат. Так, за 1931–1935 гг. ВОКС отправил в Великобританию около 1770 книг различного содержания, а получил – свыше 7000 [14, л. 13, 28, 54]. Большая часть этой литературы отправлялась ОКС или присылалась им. С целью распространения всесторонней информации о достижениях социалистического строительства в 1933 г. ОКС издавало ежемесячный журнал «Советская культура», в котором английских читателей знакомили с культурной жизнью СССР. С 1937 г. стал издаваться журнал «Англо-совет джорнал» (позже вместо журнала стал издаваться бюллетень под аналогичным названием). В рамках культурного обмена наиболее активно шло развитие контактов в области литературы. Основной формой таких связей являлись поездки советских писателей в Великобританию и представителей английской литературы в СССР. В 1930-е гг. СССР посетили такие известные английские писатели, как Г. Уэллс, Б. Шоу, А. Вильямс-Эллис, Л. О’Флагерти и др. А. Вильямс-Эллис [15, с. 173].

Имели место и обратные визиты. Англию в середине 1930-х гг. посетили такие писатели, как А. Толстой и М. Шолохов, где они общались с представителями английской интеллигенции, литературных и художественных кругов Великобритании, выступили с докладами об основных тенденциях в развитии советской литературы [16, л. 33]. Англо-советское сотрудничество в области революционной литературы осуществлялось в рамках Международного объединения революционных писателей (МОРП), созданного при поддержке Коминтерна, а с 1935 г. Международной ассоциации писателей в защиту культуры. В начале 1930-х гг. в Великобритании был создан Интернационал писателей, который с 1934 г. по существу являлся английской секцией вышеуказанных организаций. В ее работе активное участие принимали революционно настроенные писатели и публицисты, в том числе М. Слейтер, А. Уилльямс-Эллис, Д. Стрейчи, Р. Фокс, М. Дэвидсон [17, л. 1]. Печатным органом данной организации являлся журнал «Левт ревью», на страницах которого довольно часто появлялись произведения и советских авторов.

Немаловажную роль в распространении информации о советской литературе играли русские эмигранты в Англии. Так, С. А. Коновалов издал в Великобритании «Онтологию советской литературы», в которую вошли такие авторы, как А. Толстой, И. Бабель, В. Катаев, М. Зощенко и другие. Г. Струве активно работал над изучением советской литературы. На протяжении 1933–1934 гг. в «Славоник ревью» под рубрикой «Текущая русская литература» он регулярно публиковал очерки о советских писателях и их произведениях. А в 1935 г. вышла его книга «Советская русская литература» [18, с. 27–28, 30].

Важная роль в развитии англо-советского сотрудничества отводилась и периодическим изданиям. Так, советский журнал «Интернациональная литература» активно освещал литературную жизнь Англии, знакомил читателя с новинками, вышедшими в Великобритании, давал свою оценку отдельным произведениям и целым литературным направлениям Англии. Более того, издание на своих страницах активно публиковало произведения британских авторов. С журналом были тесно связаны почти все писатели английской секции МОРП [19, л. 1–11].

В Англии советскую литературную жизнь освещали газеты и журналы, связанные с Коммунистической партией Великобритании, обществами дружбы и культурных связей с Советским Союзом. Такими изданиями являлись журналы «Левт ревью» и «Сторм», газеты «Раша тудей»,

«Дейли уоркер». Кроме того, Клуб левой книги издавал «Бюллетень левой книги» и систематически печатал литературные обзоры «СССР: месяц за месяцем».

Необходимо отметить, что в подобное сотрудничество были вовлечены лишь революционные писатели и авторы, положительно относившиеся к преобразованиям, происходящим в Советском Союзе, что значительно ограничивало ценность таких контактов.

В то же время на страницах либеральных журналов, например, «Нью стейтсмен энд нейшен», альманаха «Нью райтинг», также печатались произведения советских писателей, таких как М. Шолохов, Н. Тихонов и других. Например, «Нью стейтсмен энд нейшен» в номерах за сентябрь – октябрь 1932 г. опубликовал серию рассказов М. Зощенко, сопровождая их редакционной заметкой, в которой охарактеризовал этого автора как «Чехова времен НЭПа» [20, л. 17].

Наряду с появлением произведений русских и советских авторов в литературных журналах Великобритании, они начинают выходить и отдельными изданиями, что свидетельствует об увеличении интереса к советской литературе. В 1930-е гг. делом издания советской книги наиболее активно занимались люди, близкие к компартии: В. Голландц, М. Лоуренс и другие. В издательстве В. Голландца вышли в свет «Восемнадцатый год» и «Петр I» А. Толстого, «Время вперед!» В. Катаева, «Черный консул» А. Виноградова. Кроме того, изданием художественных произведений русских и советских авторов занимались и такие издательства, как «Джон Лейн», «Рутлент», «Секкер и Барбург», «Мак-Миллан» [5, л. 64; 21, л. 256; 22, л. 41; 23, л. 124]. В 1935 – 1939 гг. в Великобритании вышли переводы произведений Ю. Каверина, И. Ильфа и Е. Петрова, Д. Фурманова, Н. Островского, А. Серафимовича, А. Виноградова, Б. Пастернака и других [24, с. 68]. О результатах этой деятельности свидетельствует тот факт, что к 1938 г. только в Центральной лондонской библиотеке на английском языке было представлено 106 советских авторов.

Вместе с тем произведения английских авторов издавались в СССР. По данным ВОКС, с 1930 г. по май 1937 г. на русский язык было переведено около 270 произведений английских писателей, таких как В. Шекспир, Дж. Г. Байрон, Ч. Диккенс, М. Рид, Г. Уэллс, Д. Флетчер, Б. Шоу, В. Скотт, Р. Киплинг, Д. Свифт и другие [25, л. 110–123].

Таким образом, в динамике сотрудничества двух стран в области книгоиздания наблюдаются две тенденции: рост количества издаваемых русских и советских произведений, их значительный удельный вес в общем объеме публикуемой в Великобритании зарубежной литературы и гораздо меньший уровень выпуска книг английских писателей в СССР.

В 1930-е гг. осуществлялся обмен между Англией и СССР в области театрального искусства. Общественность Великобритании проявляла интерес к советскому театру как наследнику традиций русского, кроме того, новаторская деятельность современных тому времени К. Станиславского, А. Таирова, В. Мейерхольда и других великих театральных деятелей также не оставалась без внимания в Англии. Например, о популярности идей К. Станиславского в Великобритании свидетельствует тот факт, что его книга «Моя жизнь в искусстве» в этой стране переиздавалась дважды, а в 1937 г. на английском языке вышел другой его труд «Работа над собой в творческом процессе переживания» [22, л. 60].

Проявлением интереса английской общественности к театру СССР являлись публикации книг и статей, посвященные ему. Такие периодические издания, как «Нью стейтсмен энд нейшн», «Дансинг таймс», «Драма», «Студио» и другие регулярно помещали заметки о советском театре. Довольно подробно театральная жизнь СССР освещалась и в книге Нортиса Хаутона «Московские репетиции», в которой анализировались лучшие постановки московских и ленинградских театров [26, л. 16]. Из британских искусствоведов исследованиями советского театра наиболее активно занимался Х. Картер. Он был тесным образом связан с Всесоюзным обществом и Союзом советских писателей, которые присылали ему обширные материалы для его работ. Х. Картер часто выступал в Обществе культурных связей с СССР, знакомя англичан с театром советской страны, публиковал статьи в прессе, посвященные различным проблемам театрального искусства в Европе и Советском Союзе, а также готовил уже вторую книгу, посвященную советскому театру. Как отмечали в СССР, «статьи Х. Картера написаны очень сочувственно, но изобилуют фактическими и принципиальными ошибками» [27, л. 88].

В Великобритании в 1930-е гг. сохранялся интерес к пьесам русских классиков, которые периодически ставились на английской сцене. Популярны были постановки спектаклей по произ-

ведениям А. П. Чехова. Так, газета «Нейс вельтбьюне» писала, что «английская интеллигенция любит и уважает этого писателя и драматурга, его пьесы не сходят со сцены, вновь и вновь ставятся «Три сестры», «Вишневый сад», «Чайка» и другие» [26, л. 15]. Коллективы советских театров также ставили пьесы английских авторов. Предпочтение отдавалось в основном классикам. Наиболее часто ставились пьесы В. Шекспира. Так, в середине 1930-х гг. на сцене Еврейского государственного театра шел спектакль «Король Лир», Башкирский академический театр в 1935 г. показал пьесу «Отелло» на башкирском языке. В общем, В. Шекспиру уделялось особое внимание не только в литературных, но и театральных кругах. В 1934 г. был организован «Кабинет В. Шекспира при Всероссийском театральном обществе», который оказал большую помощь в работе над постановками пьес драматурга. В 1935 г. в Москве прошла I Научно-творческая конференция, посвященная сценическому истолкованию произведений великого классика.

Немаловажную роль в англо-советском культурном сотрудничестве играли визиты известных театральных деятелей. В мае 1935 г. в Москву приехал английский режиссер Гордон Крэг для ознакомления с театральной жизнью Советского Союза. Сам режиссер отмечал: «Я приехал сюда ради того, чтобы увидеть, что делается в московских театрах, и составить собственное представление об их пьесах, спектаклях и работниках» [28, с. 333]. После его возвращения домой в журнале «Лондон меркури» появилась большая статья под названием «Русский театр сегодня», в которой Г. Крэг характеризовал работу московских театров, подчеркивая особую роль в их развитии идей К. Станиславского и В. Немировича-Данченко. В итоге английский режиссер делал вывод о том, что советский театр представляет собой большой интерес для Западной Европы своей оригинальностью и новизной [28, с. 334].

Имели место и встречные визиты. В 1933 г. в Англию с такой же целью приехал В. Мейерхольд. Советское посольство в честь его приезда организовало большой прием, на котором присутствовали видные представители литературы и театра Великобритании [29, л. 35].

Ярким событием в 1936 г. стали гастроли в Англии Камерного театра во главе с А. Я. Таировым, который в 1930-е гг. был хорошо известен в Европе. В Лондоне, наряду с другими спектаклями, была показана одна из наиболее известных постановок этого театра «Египетские ночи», скомпонованная из произведений Б. Шоу, А. С. Пушкина и В. Шекспира. И хотя этот спектакль вызвал противоречивые отклики со стороны театральных критиков Великобритании, он имел успех у английской публики благодаря своей оригинальности [28, с. 338].

Большой вклад в развитие англо-советского сотрудничества в области сценического искусства внесли ежегодные международные театральные фестивали, проходившие в Москве. О росте их популярности в Англии свидетельствует тот факт, что если в 1933 г. на III театральный фестиваль из Великобритании приехало 6 человек, то в 1934 г. гостями IV фестиваля стали уже 89 англичан, среди которых были также журналисты влиятельных периодических изданий [30, л. 43].

Англо-советский обмен в области театрального искусства революционного характера осуществлялся в рамках Международного объединения революционных театров (МОРТ). Основной целью этого объединения являлось поднятие средствами театра и искусства общеполитического и культурного уровня трудящихся. В МОРТ входили небольшие агитгруппы, численность актеров в которых варьировалась от 5 до 10 человек. В Великобритании таких групп насчитывалось около восьми. Они, как правило, выступали на митингах и шествиях, их основной задачей являлось «пробуждать классовое сознание рабочих» [31, л. 56–57]. Важно отметить, что данные постановки не отличались особой художественностью, носили ярко выраженный пропагандистский характер и не пользовались популярностью среди англичан. Исключение составлял «Левый театр», который являлся профессиональным. Однако он был известен только среди рабочих.

Менее интенсивными были связи СССР и Англии в области музыкального искусства. В Великобритании мало знали о советских композиторах и их произведениях. Так, уполномоченный ВОКС С. Виноградов сообщал, что только в 1934 г. в английской прессе начинают появляться статьи о советской музыке [32, л. 77]. Причем автором большинства из них являлся профессор У. Керридж, который возглавлял музыкальную секцию Лондонского ОКС.

Популярностью у англичан пользовалась русская классическая музыка. Английские оркестры регулярно включали ее в программы своих концертов. Из современных тому времени ком-

позиторов наиболее известным и любимым в Англии был Д. Шостакович. В ВОКС неоднократно присылали приглашения Дмитрию Дмитриевичу на гастроли в Великобританию, а также просьбы выслать записи его произведений. Английская музыка также звучала в СССР, хотя такие концерты носили скорее эпизодический, нежели регулярный характер. Так, в 1933 г. по заказу Радиокomiteта СССР дирижер Британской радиовещательной корпорации Э. Кларк давал концерт английской и советской музыки. Во время своих приездов в СССР в 1933 и 1934 гг. он очень интересовался советской музыкой и условиями ее развития. По возвращении домой Э. Кларк стал активно выступать в печати со статьями о музыке Советского Союза.

В первой половине 1930-х гг. обмен музыкальными записями между Великобританией и СССР был налажен плохо. Вплоть до 1934 г. в Лондоне практически не было пластинок с советской музыкой [32, л. 76]. Большинство произведений композиторов из СССР, исполняемых за границей, попадали туда в порядке случайного отбора или самотеком [33, с. 109].

25 сентября 1935 г. в Лондоне состоялся большой концерт советской музыки. Однако наряду с произведениями революционного характера в него включили и русскую классическую музыку. Звучали также и произведения Д. Шостаковича и С. Прокофьева [34, л. 6]. Это давало возможность привлечь большее внимание английской публики к подобным концертам и более активно пропагандировать советскую революционную музыку. На таких же принципах строились и последующие музыкальные мероприятия, устраиваемые в Англии.

Недостаточно активными были англо-советские связи в области киноискусства в силу того, что именно кино в тот период имело яркий идеологический отпечаток. С одной стороны, английские фильмы показывали преимущества капиталистической системы, что значительно ограничивало их показ в СССР, с другой стороны, революционная направленность советских кинокартин вынуждала английские власти запрещать их демонстрацию в Великобритании. К примеру, еще в 1930 г. Лондонский муниципалитет постановил ввести ряд ограничений на демонстрацию кинофильмов, содержащих «разрушительную пропаганду, представляющую какую-либо угрозу для какой-либо части Британской империи» [15, с. 178]. Под этот запрет попала основная часть советских кинолент, отправленных для показа в Великобританию. Необходимо подчеркнуть, что советская сторона стремилась показать на Западе именно революционные фильмы, что должно было служить осуществлению целей политической и культурной пропаганды за рубежом.

В такой ситуации демонстрация советских фильмов в Великобритании была возможной только на закрытых сеансах. Лишь единичные советские киноленты с 1935 г. стали показываться в Великобритании свободно, в их число входили такие фильмы, как «Дезертир», «Путевка в жизнь», «Петр I», «Александр Невский», «Белеет парус одинокий» и другие, которые содержали меньше революционной пропаганды [26, л. 15; 35, л. 73; 36, л. 43].

Хорошей возможностью ознакомиться с советским кинематографом для английских деятелей кино явился Первый советский кинофестиваль, гостями которого были представители знаменитых английских кинокомпаний: «Лондон-фильм», «Гомон-Бритиш», «Радио пикчэр интернейшнл», «Бритиш интернейшнл пикчэрс» [37]. Более динамично развивался взаимный обмен в области изобразительного искусства. Так, например, в 1933 г. состоялась передача в дар Государственному музею Нового западного искусства акварели Герберта Каля.

С созданием в Англии британской секции Международного бюро революционных художников (МБРХ) под названием «Интернационал художников» музей стал устанавливать более тесную связь с британскими представителями изобразительного искусства. Ближайшим помощником в проведении этой работы стала художница и общественный деятель Пирл Брайндер. Она привлекала английских художников к участию на выставках революционного и антифашистского искусства, устраиваемых музеем. Так, в выставке «Бригада зарубежных революционных художников к ленинским дням и XVII партийному съезду» в 1934 г. приняли участие Уивер, Роу, Лоу, Брайндер, Финон и другие [38, с. 301–302]. В июне 1935 г. Государственный музей Нового западного искусства совместно с МБХР устроил выставку произведений английских революционных художников, в которой участвовали 17 авторов [38, с. 302].

В Англии в 1930-е гг. все больше стали проявлять интерес к советской графике. Так, в одном из писем лондонского ОКС Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей сообщалось,

что произведения таких художников-графиков, как В. А. Фаворский, А. И. Кравченко, Ю. И. Пименов, А. А. Дейнека, А. А. Лабас, М. С. Сарьян вызывают особый интерес у английских любителей изобразительного искусства и видных коллекционеров [39, л. 7].

Одним из наиболее заметных событий в культурной жизни Великобритании 1930-х гг. стала выставка творчества советских художников, которая проходила в Блумбурийской галерее Лондона в декабре 1934 г. Здесь демонстрировались работы наиболее известных представителей советского изобразительного искусства, в том числе В. Фаворского, М. Сарьяна, С. Герасимова, Р. Барто. Английская пресса активно откликнулась на это событие. «Таймс», «Ливерпуль пост», «Морнинг пост», «Стар», «Нью стейшн энд нейшн» и другие газеты давали положительную оценку картинам, представленным на выставке. Общим для всех статей в английской прессе было то, что они с радостью обращали внимание своих читателей на тот факт, что эта выставка, в отличие от предыдущих, не несет пропагандистского отпечатка [39, л. 52]. Активизация англо-советского культурного сотрудничества в середине 1930-х гг. сменилась их постепенным уменьшением таких контактов в 1937 – 1938 гг. и резким их сворачиванием во второй половине 1939 г.

Данный период характеризовался и кризисом в ОКС, начавшимся еще в 1936 г. и вызванным тяжелым финансовым положением и разногласиями в руководстве в отношении дальнейшего направления работы. Некоторые настаивали на деполитизации деятельности ОКС, придании ему чисто просветительского характера [40, с. 343]. Вместе с тем в 1937 г. наблюдается отход части интеллигенции от прежних взглядов в отношении Советского Союза, что стало следствием начавшихся в СССР репрессий, в том числе и внутри самого ВОКС.

Важно отметить, что период 1938–1939 гг., когда английская общественность разочаровалась в Мюнхенском соглашении и вплоть до заключения советско-германского пакта, рассматривалась советской стороной как благоприятный для расширения культурного обмена. В отчете Англо-американского отдела ВОКС указывалось, что «условия, сложившиеся в Великобритании, способствовали расширению деятельности Общества культурных связей с СССР и ее активизации» [41, л. 119]. Однако имидж Советского Союза среди англичан уже не был столь высоким, как в середине 1930-х гг. Такое положение дел повлияло на интенсивность англо-советских культурных контактов.

В рамках литературного сотрудничества общественности двух стран в данный период проходили мероприятия, посвященные преимущественно классикам русской литературы, поскольку связь между СССР и этими писателями, впрочем, как и другими классиками русской культуры, рассматривалась как крайне условная.

Важным событием в Великобритании явился Пушкинский юбилей, посвященный 100-летию со дня смерти поэта. Он отмечался 19 февраля 1937 г. и нашел отражение в британской периодической печати: отдельные номера журналов «Славоник Ревью» и «Англо-советский бюллетень» были целиком посвящены жизни и деятельности классика.

25 апреля 1939 г. в Лондоне состоялся организованный Обществом друзей СССР вечер, посвященный Т. Шевченко, на котором с докладом об этом писателе выступил романист, редактор журнала «Нью райтинг» Дж. Леманн [42, л. 224].

Достаточно популярными были классики английской литературы в СССР, особенно это касалось В. Шекспира. В 1930-е гг. в СССР довольно широко изучалось творчество этого драматурга, к этому времени окончательно оформилось советское шекспироведение. В предвоенное десятилетие появилось много исследований, посвященных В. Шекспиру: работы А. А. Смирнова «Творчество В. Шекспира» (1934 г.), А. Аксенова «Гамлет» (1930 г.) и «Шекспир» (1937 г.), статьи С. Кржижановского и других. Наиболее активно в этой области работал М. М. Морозов. Его труды по изучению и комментированию текстов драматурга на английском языке составили особую и довольно существенную сторону советского шекспироведения.

В 1939 г. в Советском Союзе был широко отмечен 375-летний юбилей со дня рождения В. Шекспира. Наряду с появлением ряда новых книг о драматурге и его произведениях были проведены мероприятия, посвященные этой дате.

Определенную роль в пополнении советской коллекции произведениями английских писателей играл и книгообмен. Хотя следует подчеркнуть, что в данный период советские власти

в этой сфере отдавали большее предпочтение научной, а не художественной литературе. Например, согласно отчету ВОКС за 1936 г., из отправленных в Англию 3738 книг и полученных 5444 художественная литература и книги по искусству составляли только около 3% и 0,2% соответственно [43, л. 25, 37, 49, 58].

Необходимо отметить, что не все издания доходили до советского читателя. Если в 1920-е – первой половине 1930-х гг. «пропуск» буржуазных книг, газет и журналов все же допускался (изымаемые цензурой иностранные издания составляли только около 15–20%), то со второй половины предвоенного десятилетия, согласно приказу начальника Главлита от 10 января 1936 г. «Об изъятии из библиотек и книгохранилищ иностранной литературы, не подлежащей распространению в СССР», почти все иностранные газеты и большая часть журналов, независимо от содержания, переводились в спецхраны. Многие из них впоследствии уничтожались. Так, например, в 1938 г. было уничтожено около 870 журналов и 5450 газет на английском языке [44, с. 127]. Определенные цензурные послабления делались для переводной литературы, даже демонстрировалось чересчур бережное отношение к некоторым таким произведениям. Так, несмотря на протесты Лондонского общества культурных связей с СССР, ВОКС постоянно пополнял его библиотеку новыми советскими изданиями В. Шекспира, Ч. Диккенса и других авторов [9, с. 267].

Яркой страницей англо-советского музыкального обмена второй половины 1930-х гг. явились концерты советских музыкантов в Лондоне. Так, в апреле 1937 г. в советском посольстве был устроен концерт молодых скрипачей из СССР. И. М. Майский впоследствии вспоминал: «На концерте было много народу, в том числе дипломатический корпус, члены английского правительства, виднейшие представители британских музыкальных и общественных кругов» [45, с. 240].

Не меньшее впечатление на англичан произвели концерты С. Прокофьева в Лондоне в 1938 г. в рамках турне по Европе и Америке. Композитор выступал как дирижер и пианист. На концертах звучала и его музыка, в том числе вторая сюита из балета «Ромео и Джульетта», которую английская публика услышала впервые. Кроме того, устроенные приемы и встречи С. Прокофьева в Англии позволили ему наладить более тесные контакты с музыкальным миром Великобритании.

В сфере изобразительного искусства наиболее значимыми событиями явилась выставка графики пяти известных карикатуристов – Дж. Босуэла, Гэбриэля, Дж. Скотта, Дж. Фиттона и Дж. Холлэнда в 1937 г. Все они выступали в то время с антифашистскими рисунками. К выставке был выпущен каталог со статьями о современных тенденциях развития английского изобразительного искусства [46].

После заключения 23 августа 1939 г. советско-германского соглашения о ненападении в общественных кругах и организациях Англии господствовала растерянность. Это событие привело одних в замешательство, других – к изменению своих позиций в сторону враждебности по отношению к СССР. В одном из документов ВОКС прямо говорилось, что с 1937 по 1941 г. была потеряна аудитория за рубежом, опираясь на которую СССР мог осуществлять международный культурный обмен [47, л. 112]. В Советском Союзе сразу после подписания пакта стала проявляться антибританская направленность советской пропаганды.

В таких условиях работа ОКС была практически невозможной. Его руководство получило ряд заявлений от своих членов с протестами в адрес Советского Союза, и уведомлением о выходе из общества. Многие организации и лица, с которыми ранее работало Общество, стали отворачиваться от дальнейшего сотрудничества. В результате английское Общество культурных связей с СССР стало постепенно сворачивать свою работу. Так, в 1939 г. практически не работали музыкальная и медицинская секции [41, л. 124]. Прекратил существование и ряд отделений организации. На протяжении второй половины 1939 г. действовало только 4 филиала из 13, существовавших в 1935 г., число мероприятий, проводимых ими, было незначительным [41, л. 121].

Подобные настроения отмечались и в иных организациях, работавших в сфере общественных и культурных связей с советской страной. Например, приостановил свою деятельность Национальный комитет «Общества друзей СССР» [43, л. 120].

В результате во второй половине 1939 г. произошло резкое уменьшение количества англо-советских культурных контактов. Например, оказалась полностью изолированной от литературной жизни Англии редакция журнала «Интернациональная литература». Мероприятия, проводимые в Великобритании в этот период и посвященные советской культуре, сократились и огра-

ничивались теперь теми акциями, которые организовывались отделениями ОКС. Однако и их количество заметно снизилось. Если за июнь 1939 г. лондонским отделением ОКС было проведено 12 мероприятий, в том числе ряд выставок, лекций и приемов в советском посольстве, то за сентябрь и октябрь того же года – лишь 4, на которых присутствовали, как правило, только члены этого общества, а в ноябре и вовсе не было проведено ни одного мероприятия [41, л. 129–131].

Заключение. В 30-е гг. XX в. процесс англо-советского культурного сотрудничества характеризовался сложностью и противоречивостью, ибо в его орбите оказались державы двух противоположных социально-политических систем. Сложные политические взаимоотношения между Великобританией и СССР, неравномерность их развития, когда кратковременные периоды потепления сменялись такими же по продолжительности этапами конфронтации, негативно сказывалась на процессе развития культурного обмена, определяя его скачкообразный характер. Кроме того, стремление использовать культуру для политической пропаганды снижало ценность такого обмена. В развитии англо-советского культурного сотрудничества 1930-х гг. можно выделить два основных этапа. Первый этап охватывает 1931–1936 гг. Это период постепенного увеличения англо-советских культурных контактов, пик которых приходится на 1934–1936 гг., что было связано с улучшением политических отношений двух стран и возросшим интересом английской интеллигенции к Советскому Союзу. Однако следует подчеркнуть, что такое потепление было временным и уже с 1937 г. можно наблюдать снижение интенсивности культурных связей. Второй этап – 1937–1939 гг. – сворачивание данного сотрудничества, причиной которого явилось негативное отношение большей части английской интеллигенции к Советскому Союзу в этот период. Кроме того, антибританская направленность советской пропаганды во второй половине 1939 г. также отрицательно влияла на развитие культурного обмена.

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 1. Д. 100.
3. Кузьмин, М. С. Английское общество культурной связи с СССР / М. С. Кузьмин // Вопр. истории. – 1966. – № 2. – С. 204–206.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 456.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 191.
6. ВОКС. Факты и цифры. – М.: ВОКС, 1930. – 64 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 577.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 725.
9. Голубев, А. В. Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) / А. В. Голубев // Россия и внешний мир: диалог культур: сб. ст.; редкол.: Ю. С. Борисов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Издат. центр ИРИ РАН, 1997. – С. 259–271.
10. В лондонском университете запрещено чтение лекций об СССР // Известия. – 1932. – 10 янв. – С. 1.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 8. Д. 137.
12. Холландер, П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928 – 1978) / П. Холландер. – СПб.: Лань, 2001. – 592 с.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 274.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 10. Д. 904.
15. Космач, Е. Н. Англо-советские научно-технические и культурные связи в 1917–1931 гг.: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.03 / Е. Н. Космач. – Минск, 1984. – 210 л.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 587.
17. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 1319.
18. Иоффе, А. Ф. О физике и физиках / А. Ф. Иоффе. – Ленинград: Наука, 1977. – 259 с.
19. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1397. Оп. 1. Д. 576.
20. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 1а.
21. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 13. Д. 176.
22. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 179.
23. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 180.
24. Жмаев, А. М. Советская литература в Англии (1917–1940) / А. М. Жмаев // XX Герценовские чтения. Филологические науки: материалы межвуз. конф., Ленинград, 13 апреля – 27 мая 1967 г. / Ленинградский пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Ленинград, 1967. – С. 67–69.
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 889.
26. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 192.
27. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 1397. Оп. 1. Д. 571.
28. Крэг, Э. Г. Воспоминания, статьи, письма [пер. с англ.] / Эдвард Гордон Крэг. – М.: Искусство, 1988. – 399 с.

29. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 2030. Оп. 1. Д. 235.
30. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 887.
31. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5508. Оп. 1. Д. 1840.
32. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 588.
33. Группа связи с границей // Сов. музыка. – 1935. – № 3. – С. 109 – 110.
34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 604.
35. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 1.
36. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 14. Д. 187.
37. Первый советский кинофестиваль // Известия. – 1935. – 17 февр. – С. 6.
38. Яворская, Н. В. Из истории международных связей Государственного музея нового западного искусства (1922 – 1939) / Н. В. Яворская. – М. : Сов. художник, 1978. – 475 с.
39. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 11. Д. 382.
40. ВОКС в 30 – 40-е гг. / Публикация А. В. Голубева и В. А. Неvejeва // Минувшее: исторический альманах. – М., СПб. : Athenem: Феникс, 1993. – Т. 14. – С. 313–364.
41. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 3. Д. 1119.
42. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 631. Оп. 13. Д. 259.
43. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 10. Д. 899.
44. Блюм, А. В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929 – 1953 А. В. Блюм. – СПб.: Гуманит. агентство «Акад. проект», 2000. – 311 с.
45. Майский, И. М. Дипломатия и культура / И. М. Майский // Иностранная литература. – 1966. – № 5. – С. 238–241.
46. Английская антифашистская графика: каталог выставки / Гос. музей нового западного искусства, Иностранная комиссия МОССХ. – М., Л. : Искусство, 1937. – 46 с.
47. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 5283. Оп. 14. Д. 86.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 1. D. 1. (in Russian)
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 1. D. 100. (in Russian)
3. Kuz'min M. S. The British Society for Cultural Relations with the USSR. *Voprosy istorii* = Questions of History, 1966, no.2, pp. 204–206. (in Russian)
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. – F. 5283. Op. 3. D. 456. (in Russian)
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 191. (in Russian)
6. *VOKS. Fakty i tsifry* [All-USCR. Facts and Figures]. Moscow, VOKS, 1930, 64 p. (in Russian)
7. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 577. (in Russian)
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 725. (in Russian)
9. Golubev A. V. The British intelligentsia and the "new civilization" (from the history of Soviet cultural diplomacy of the 1930s). *Rossiia i vnesnii mir: dialog kul'tur: sb. statei* [Russia and the outside world: a dialogue of cultures: collection of articles]. Moscow, Publishing The Center of the Institute of the Russian Academy of Sciences, 1997, pp. 258–272. (in Russian)
10. The University of London prohibits lecturing on the USSR. *Izvestiia*=News, 1932, January 10, pp.1. (in Russian)
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. – F. 5283. Op. 8. D. 137. (in Russian)
12. Kholander P. *Politicheskie piligrimy (puteshestviia zapadnykh intelektualov po Sovetskomu Soiuзу, Kitaiu i Kube. 1928–1978)* [Political Pilgrims (Travel of Western Intellectuals to the Soviet Union, China and Cuba, 1928–1978)]. Saint Petersburg, Publishing house "Lan", 2001, 592 p. (in Russian)
13. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 274. (in Russian)
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 10. D. 904. (in Russian)
15. Kosmach E. N. The Anglo-Soviet Scientific, Technical and Cultural Relations in 1917–1931. Ph. D. Thesis. General history. Belarusian State University named after VI Lenin. Minsk, 1984. 210 l. (in Russian)
16. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 587. (in Russian)
17. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 14. D. 1319. (in Russian)
18. Ioffe A. F. *O fizike i fizikakh* [About physics and physics]. Leningrad, Science Publ., 1977, 260 p. (in Russian)
19. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 1397. Op. 1. D. 576. (in Russian)
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 14. D. 1a. (in Russian)

21. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 13. D. 176. (in Russian)
22. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 14. D. 179. (in Russian)
23. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 14. D. 180. (in Russian)
24. Zhmaev A. M. Soviet literature in England (1917 – 1940). *XX Gertsenovskie chteniia. Filologicheskie nauki: materialy mezhvuzovskoi konf.* [XX Herzen's readings. Philological sciences: materials of the interuniversity conference]. Leningrad, 1967, pp. 67–69. (in Russian)
25. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 889. (in Russian)
26. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 14. D. 192. (in Russian)
27. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 1397. Op. 1. D. 571. (in Russian)
28. Kreg E. G. *Vospominaniia, stat'i, pis'ma* [Memories, articles, letters]. Translated by Voronin V. V., Alpers G. G., Vilenkin V. Ia., Fridshtein Iu. G., Tsipeniuk A. D. Moscow, "Art" Publ., 1988, 399 p. (in Russian)
29. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 2030. Op. 1. D. 235. (in Russian)
30. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 887. (in Russian)
31. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5508. Op. 1. D. 1840. (in Russian)
32. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 588. (in Russian)
33. Group of communication with abroad. *Sovetskaia muzyka* = Soviet music, 1935, no. 3, pp. 109–110. (in Russian)
34. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 604. (in Russian)
35. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 14. D. 1. (in Russian)
36. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 14. D. 187. (in Russian)
37. The First Soviet Film Festival. *Izvestiia* = News, 1935, February 17, p.6. (in Russian)
38. Iavorskaia N. V. *K istorii mezhdunarodnykh svyazei Gosudarstvennogo muzeia novogo zapadnogo iskusstva (1922–1939)* [To the history of international relations of the State Museum of New Western Art (1922–1939)]. Moscow, Soviet artist, 1978, 474 p. (in Russian)
39. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 11. D. 382. (in Russian)
40. Golubev A. V., Nevezhin V. A. All–USCR in the 30s – 40s. *Minuvshee: istoricheskii al'manakh* [Past: Historical Almanac], 1993, no. 14, pp. 313–364. (in Russian)
41. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 3. D. 1119. (in Russian)
42. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* = Russian State Archive of Literature and Art. F. 631. Op. 13. D. 259. (in Russian)
43. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 10. D. 899. (in Russian)
44. Blium, A. V. *Sovetskaia tsenzura v epokhu total'nogo terrora. 1929 – 1953* [Soviet censorship in the era of total terror. 1929 – 1953]. St. Petersburg, "Acad. project" Publ., 2000, 320 p. (in Russian)
45. Maiskii I. M. Diplomacy and Culture. *Inostrannaia literatura* = Foreign Literature, 1966, no. 5, pp. 238–241. (in Russian)
46. *Angliiskaia antifashistskaia grafika: katalog vystavki* [English anti-fascist graphics: exhibition catalog]. Moscow, Leningrad, "Art" Publ., 1937. 46 p. (in Russian)
47. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* = State Archive of the Russian Federation. F. 5283. Op. 14. D. 86. (in Russian)

Информация об авторе

Жилинская Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Академия управления при Президенте Республики Беларусь (ул. Московская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь). E-mail: izhilinskaya@mail.ru

Information about the author

Iryna V. Zhilinskaya – Ph. D. (Hist.), Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law, Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus (17 Moskovskaya Str., Minsk 220007, Belarus). E-mail: izhilinskaya@mail.ru

МОВАЗНАЎСТВА
LINGUISTICS

УДК 811.161.1'367.625:811.112.2'367.625

Поступила в редакцию 17.10.2017
Received 17.10.2017

Е. В. Алимпиева

Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь

**ВИД ГЛАГОЛА И СПОСОБЫ ГЛАГОЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Аннотация. Несмотря на то что категория вида в современных грамматиках рассмотрена достаточно подробно, вопрос о категориальном содержании глагольного вида и смежных с ним способов глагольного действия по-прежнему считается одним из сложных вопросов в языкознании. Цель исследования – определить и проанализировать основные подходы к определению сущности категории вида глагола и способов глагольного действия как основных компонентов функционально-семантического поля аспектуальности, представляющего собой единое основание для сравнения языков с различной структурно-типологической организацией: русского и немецкого. Методологическую базу исследования составляют труды ведущих отечественных и зарубежных славистов и германистов в области аспектологии. Материалом для исследования послужила глагольная лексика корпуса параллельных текстов русской художественной литературы в переводе на немецкий язык. Основные методы – описательный, сравнительно-сопоставительный, аналитический, элементы количественных подсчетов. Рассматриваются и сопоставляются основные подходы к определению сущности категорий вида и способов глагольного действия в русском и немецком языках, определяются и анализируются содержание и доминирующие средства выражения данных категорий, устанавливается их взаимосвязь. Анализ различных авторских концепций и подходов к определению сущности и семантики категории вида и способов глагольного действия в сопоставляемых языках позволяет сделать вывод, что разное восприятие данных категорий способствует их сближению в направлении более конкретных определений их семантики и функций.

Ключевые слова: аспектуальность, вид, способы глагольного действия, комплексный подход, семантика, сопоставительное исследование, средства репрезентации

Для цитирования. Алимпиева, Е. В. Вид глагола и способы глагольного действия в русском и немецком языках / Е. В. Алимпиева // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 69–84.

E. V. Alimpiyeva

Vitebsk State P. M. Masharov University, Vitebsk, Belarus

**THE VERBAL ASPECT AND THE MANNERS OF VERBAL ACTION
IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES**

Abstract. Despite detailed consideration of the verbal aspect in contemporary grammars the issue of the categorical matter of the verbal aspect and the related manners of verbal action is still considered one of the most difficult in linguistics. The aim of the article is to find out and to analyse the main approaches to the definition of the categorical essence of the verbal aspect and the related manners of verbal action as the main components of the functional-semantic field of aspectuality as a single basis for comparing non-related Russian and German languages. The methodological basis of the research is works by outstanding home and foreign Slavists and Germanists in the field of aspectology. As actual material of our article we have used the verbs of parallel texts of Russian literature in translation into the German language. The main methods employed in the research are descriptive, comparative, analytical methods and elements of quantitative calculations. The article discusses and compares the main approaches to the definition of categories of the verbal aspect and the manners of verbal action in the Russian and German languages, it identifies and analyses the contents and the dominant means of expression of these categories, establishes their relationship. The analysis of different author's concepts and approaches to the definition of essence and the semantics of the categories of the verbal aspect and the manners of verbal action in the compared languages

leads to the conclusion that different perceptions of these categories contribute to their convergence towards a more specific definition of their semantics and functions.

Keywords: aspectuality, aspect, manners of verbal action, comparative study, complex approach, semantics, means of representation

For citation. Alimpiyeva E. V. The Verbal Aspect and the Manners of Verbal Action in the Russian and German Languages. *Vestsi Natsyianal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 69–84 (Russian).

Аспектуальность является универсальной категорией, представленной во многих мировых языках и вызывающей интерес у большинства отечественных и зарубежных исследователей. Данное направление в лингвистике, несмотря на свое относительно раннее формирование, по-прежнему является весьма актуальным. Современные исследования в области аспектологии ориентированы, в первую очередь, на изучение категории вида глагола, смежных с ней грамматических и семантических явлений, их взаимодействия и взаимосвязи с целью выявления их видовых и акционсартных особенностей.

К изучению категорий аспектуальности, вида, способа действия в славянских, германских языках, в том числе сопоставительному, в разное время обращались В. В. Виноградов, А. В. Бондарко, А. М. Пешковский, Ю. С. Маслов, А. В. Исаченко, Н. С. Авилова, М. А. Шелякин, Е. В. Петрухина, А. Г. Широкова, М. Я. Гловинская, А. Вежбицкая, С. Агрелль, А. Лескин, С.-Г. Андерссон, Э. Кошмидер, Г. Шлегель, В. Шмидт, И.-Э. С. Рахманкулова, М. Г. Гашкова, У. Швалль и другие ученые. В современном белорусском языкознании данной проблемой занимались А. В. Андреева, С. В. Коваленок и другие.

Актуальность исследования обусловлена неоднозначностью существующих подходов к определению сущности и взаимосвязи категории вида и способов глагольного действия.

Цель исследования – определить и проанализировать основные подходы к определению сущности категории вида глагола и связанных с ней способов глагольного действия как основных компонентов функционально-семантического поля аспектуальности, представляющего собой единое основание для сравнения языков с различной структурно-типологической организацией: русского и немецкого.

Материал и методы исследования. Методологическую базу исследования составляют труды ведущих отечественных и зарубежных славистов и германистов в области аспектологии. Материалом для исследования послужила глагольная лексика корпуса текстов русской художественной литературы в переводе на немецкий язык. Основные методы – описательный, сравнительно-сопоставительный, аналитический, элементы количественных подсчетов.

Результаты исследования и их обсуждение. Термины «вид/Aspekt» и «способ действия/Aktionsart» часто используются в аспектологической литературе как для описания славянских языков, так и для характеристики похожих явлений в неславянских языках. Ввиду того, что вид и способ действия, отражая различия в типах протекания и распределения действия, по своему смысловому содержанию соприкасаются друг с другом, данные термины долгое время использовались также в синонимичном значении, что привело к терминологической путанице в славянской и германской аспектологии. Прежде чем говорить о наличии в германских языках категорий, идентичных категориям славянского глагольного вида и способа действия, нам представляется необходимым раскрыть сущность данных категорий в славянских языках в понимании основных представителей славянской аспектологии (А. В. Бондарко, Ю. М. Маслова, А. В. Исаченко, Н. С. Авиловой и др.).

Термин «аспектуальность» в русском языкознании впервые был использован в 1967 г. А. В. Бондарко в книге «Русский глагол». Согласно данному определению, «аспектуальность – это категория, содержанием которой является характер протекания действия, а выражением – морфологические, словообразовательные и лексические средства при участии некоторых синтаксических элементов предложения» [1, с. 50]. Позже А. В. Бондарко уточнил данное им ранее определение и охарактеризовал аспектуальность как функционально-семантическое поле (ФСП) разноуровневых языковых средств, объединенных общими функциями. В качестве семантического ядра ФСП аспектуальности в славянских языках, по мнению ученого, следует рассматри-

вать глагольный вид, к которому примыкают способы глагольного действия, на периферии находятся лексически и синтаксически значимые языковые единицы, выражающие характер протекания действия во времени [2, с. 12].

В германистике понятие, тождественное существующему в русском языкознании понятию «аспектуальность», появилось в 70-е гг. XX в. В 1965 г. немецкий ученый В. Флемиг ввел термин «Aktionalität» и предложил понимать «под акциональностью глагола, его акциональным значением (от лат. *actio* 'действие', 'протекание'), языковое выражение вида, способа и нюансов протекания действия» [3, с. 7].

В 1972 г. шведским ученым С.-Г. Андерссоном было предложено использовать термин «акциональность» для описания акциональных взаимоотношений на уровне предельности/непредельности – аспект – способ глагольного действия (Aktionsart): «Я выбираю название акциональности для обозначения понятийной категории, включающей в себя вид и способ действия» [4]. Таким образом, в германистике термин «акциональность» стал синонимом существующего в русском языкознании понятия «аспектуальность».

В 1999 г., вслед за А. В. Бондарко, немецкий ученый Г. Шлегель дал более емкое определение категории аспектуальности и охарактеризовал ее как «функционально-семантическое поле, сгруппированное в сфере глагольного действия вокруг универсального языкового (семантического) признака предельности/непредельности» [5, с. 168]. По мнению Г. Шлегеля, данная категория охватывает все языковые средства разных уровней, которые обладают семантикой выражения протекания глагольного действия и его распределения во времени, наличие/отсутствие границы действия, формы достижения данной границы (достижение/недостижение предела к определенному моменту времени). К данным средствам, по мнению Г. Шлегеля, относятся аспект (как морфологическое ядро), терминативность/атерминативность (грамматико-семантический уровень), способы глагольного действия (лексико-семантический уровень), конкретные основы глаголов (лексический уровень).

В нашей статье, вслед за А. В. Бондарко, Г. Шлегелем, аспектуальность/акциональность мы понимаем как категорию, реализующую языковыми средствами вид, способ и нюансы протекания и распределения действия во времени и устроенную по принципу универсального функционально-семантического поля.

В славянских языках, в частности русском, ядром функционально-семантического поля аспектуальности является глагольный вид. К компонентам ФСП относятся предельные/непредельные глаголы, на базе которых образуются видовые пары, способы глагольного действия, лексические, синтаксические средства с аспектуальными функциями [1, с. 52].

Ядром ФСП аспектуальности в немецком языке является категория аспекта (Aspekt), представленная категориями перфективных/неперфективных глаголов, доминирующим компонентом поля – способы глагольного действия (Aktionsarten), на периферии находятся обстоятельственные показатели, синтаксические, контекстуальные средства, выражающие аспектуальные отношения.

Большинство отечественных и зарубежных исследователей славянских языков трактуют вид как «систему противопоставленных друг другу рядов форм глагола: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное пределом целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного пределом целостного действия (глаголы несовершенного вида)» [6].

При этом в понимании категориальной сущности вида и видовой пары в славянских языках имеется ряд разногласий. Анализ научных трудов по данной проблематике показал, что основные разногласия возникают по следующим вопросам: 1) определение природы и сущности видовой пары; 2) следует ли считать вид грамматической, словоизменительной, словоклассифицирующей либо смешанной категорией. Рассмотрим несколько подробнее имеющиеся основные подходы к определению сущности категории вида и видовой пары.

Сторонники первого подхода (В. В. Виноградов, М. А. Шелякин, Г. Шлегель и др.), говоря об общности лексического значения членов видовых пар, считают их разными грамматическими формами одного и того же слова, а вид – грамматической категорией, выраженной словоизменительными средствами.

А. В. Исаченко, указывая на тот факт, что имперфективный и перфективный члены видовой пары имеют практически одинаковое лексическое значение и отличие между ними проявляется лишь через их аспектуальное грамматическое значение, предлагал рассматривать вид как словоформирующую категорию. Данной точки зрения придерживались также А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев, приводя в качестве подтверждения данной теории аргумент, что члены видовой пары не обладают одинаково устроенной парадигмой временных форм, нарушая тем самым принцип унификации парадигм, что не позволяет рассматривать вид как словоклассифицирующую категорию, а относит его к сфере словоизменения.

В соответствии с третьей концепцией (А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Ю. С. Маслов и др.) считалось, что вид представляет собой категорию смешанного типа, а члены видовой пары могут рассматриваться в зависимости от способа образования видовой пары либо как формы одного и того же слова (имперфективизация), либо как разные слова (перфективизация).

Сторонники следующей концепции утверждали, что глагольный вид является категорией, свойственной лишь славянским языкам, так как данная категория способна выражать определенные смысловые отношения, выражение которых в других языках возможно лишь при использовании дополнительных грамматических и лексических средств. Члены бинарной видовой оппозиции представляют собой разные, самостоятельные слова, образованные при помощи суффиксов и приставок, которые принадлежат к сфере словообразования, и, следовательно, вид следует считать грамматической словоклассифицирующей категорией. Перфективный член видовой пары является носителем аспектуального значения, содержит указание на достижение действием своего предела, т. е. является маркированным. Имперфективный член видовой оппозиции не имеет в своем значении указания на достижение предела и рассматривается как немаркированный член видовой пары. Данная точка зрения представлена в трудах Н. С. Авиловой, Е. В. Петрухиной, И. Г. Милославского, а также принята «Русской грамматикой-80».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, согласно имеющимся подходам к определению сущности категории вида и членов видовой оппозиции, вид в славянской языковой традиции принято понимать отчасти как словоизменительную, отчасти как словообразовательную, грамматическую категорию. Члены видовой пары являются маркированными/немаркированными совершенным/несовершенным видом. Маркированный член видовой пары всегда выражает наличие видового признака, немаркированный член оппозиции может выражать противоположное значение, либо оставаться нейтральным к коррелятивному признаку – не выражать и не отрицать его [6]. При этом следует подчеркнуть, что концепция определения категориальной сущности вида и видовой пары, принятая «Русской грамматикой-80», считается на данный момент доминирующей и, на наш взгляд, наиболее четко обоснованной.

Научные изыскания, посвященные изучению категории вида славянского глагола, послужили толчком к проведению исследований в области аспектологии германских языков. У истоков разработки вопроса о наличии в германских языках категории вида, адекватной категории вида в славянских языках, стояли Я. Гримм, В. Стефанович, К. Бругман, Г. Куртиус, И. Шмидт, В. Штрайтберг и другие ученые. Понимание вида славянского глагола как отношения действия к своему пределу было принято также и в германистике, в первую очередь, ввиду того, что оно соответствовало семантике немецкого глагола, выражающей стремление к пределу (перфективные глаголы). При этом существование вида как грамматической категории в немецком языке большинство аспектологов отрицают и признают его категорией специфической, отличной от категории вида в славянских языках, имеющей средства выражения, свойственные данному языку, а также предлагают говорить о существовании в немецком языке предельных и непредельных глаголов, или глаголов перфективной (*perfektive Verben*) и имперфективной (*imperfektive Verben*) видовой семантики соответственно. В качестве подтверждения данной теории в основном приводится следующий аргумент: категория вида немецкого глагола не может быть представлена в виде традиционной для славянских языков грамматической оппозиции совершенного/несовершенного вида.

Ряд отечественных лингвистов, занимающихся вопросами контрастивной грамматики (Б. М. Бабин и др.), указывают также еще на одно кардинальное отличие видовой семантики немецких

глаголов от видового значения русских глаголов, которое заключается в неспособности немецких глаголов вне контекста выражать преодоленность действием своего внутреннего предела. Так, например, немецкому глаголу *lesen* соответствуют русские глаголы *читать* и *прочитать*, глаголу *aufstehen* – *вставать* и *встать*, что позволяет рассматривать видовую семантику немецкого глагола только в рамках контекста и системы времен. Мы согласны с приведенными выше аргументами, указывающими на отсутствие грамматической категории вида в немецком языке, и вслед за Г. Паулем, Г. Штольте, И.-Э. С. Рахманкуловой полагаем, что наиболее четкое проявление видовой семантики немецкого глагола возможно лишь в рамках контекста [7, с. 24].

С вопросом о сущности категориального значения глагольного вида в славянских и германских языках тесно связана проблема разграничения данной категории со способами глагольного действия (СГД), также характеризующими протекание действия во времени.

Понятие способа действия, или Aktionsart, было введено в 1908 г. польским лингвистом С. Агреллем, который первым предложил разграничить глагольный вид и способ действия, ограничив последний лексическим значением: «Под способом действия я понимаю [...] не две основные категории славянского глагола, которые выражают незавершенное и завершенное действие (имперфектив и перфектив), – их я называю аспектами (видами). Под термином «способ действия» я понимаю прежде никем не изученные – и, тем более, никем не классифицированные – семантические функции приставочных глаголов (так же как и отдельных глаголов, не имеющих приставок, и суффиксальных образований), которые конкретизируют тип и способ осуществления действия» [8, с. 78].

Несмотря на значительный вклад С. Агрелля в разграничение понятий вида и способа действия (Aspekt/Aktionsart), которые прежде рассматривались как синонимы, его теория долгое время оставалась без внимания. Лишь в 20 – 30-е гг. XIX в. теория, предложенная С. Агреллем, получила дальнейшее развитие в трудах Э. Кошмидера, который также указал на то, что при помощи способов глагольного действия могут быть выражены различные характеристики процессов, а каждому перфективному/имперфективному немецкому глаголу в славянских языках соответствует пара русских глаголов СВ/НСВ, что означает более сильную грамматикализацию аспекта (вида) и лексикализацию способа действия [9, с. 112].

Анализ теоретической литературы по данной проблематике позволяет говорить о существовании в современной лингвистике двух основных подходов к определению сущности отношений между категорией вида и СГД.

Согласно первому подходу, категория вида и акционсарты рассматриваются в разных семантических плоскостях. Способы действия при этом не считаются компонентом ФСП аспектуальности. Сторонниками данной теории считаются К. Ванн дер Хейде, Э. Кошмидер, А. Нурен, Г. Якобсон, М. Я. Гловинская и другие. Так, например, Г. Якобсон утверждал, что категория вида выражает различия в субъективном представлении о действии, тогда как способы действия – объективные различия, которые существуют в самих действиях [10].

В соответствии с другим подходом, СГД и категория вида имеют общую семантическую основу, что позволяет им взаимодействовать друг с другом. В соответствии с данным подходом, вид и СГД рассматриваются как составные части универсальной для всех языков функционально-семантической категории аспектуальности. Данный подход был использован в работах Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, У. Швалль и других.

Занимаясь типологическим изучением глагольного вида и смежных с ним СГД, Ю. С. Маслов установил, что «в отличие от вида способы действия не представляют собой грамматических категорий, не образуют четких парадигматических противопоставлений, остаются в рамках лексических отличий между глаголами» и, по мнению ученого, могут быть определены как «некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления» [11, с. 11]. Позже Ю. С. Маслов высказал мысль, что СГД находятся в тесном взаимодействии с категорией вида и предложил изучать аспектуальные особенности разных групп глаго-

лов с учетом совместимости определенных черт их семантики с грамматическими значениями и функциями того или иного вида. По данному принципу им были выделены три разряда глаголов: 1) непарные глаголы несовершенного вида; 2) непарные глаголы совершенного вида; 3) соотнесенные по виду пары глаголов. Таким образом, Ю. С. Маслов установил, что каждый способ действия в русском языке имеет свои определенные видовые границы.

Разрабатывая теорию функционально-семантического поля, последователь Ю. С. Маслова А. В. Бондарко пришел к выводу, что «вид и способ действия принципиально отличаются друг от друга в плане выражения. Грамматическая категория вида в современном русском языке охватывает всю глагольную лексику. Противопоставление совершенного/несовершенного вида может проявляться внутри одной лексемы, в рамках одного лексического значения. Это противопоставление основано на системе средств выражения видовых значений» [1, с. 12]. Под СГД А. В. Бондарко понимал семантические группы глаголов, выделяемые по характеру протекания и распределения во времени глагольного действия и выделял 1) характеризованные (оттенки значений выражены формально); 2) непоследовательно характеризованные (сгруппированы чисто по семантическому критерию, не принимая во внимание наличие либо отсутствие формально выраженных признаков); 3) нехарактеризованные (не относящиеся ни к одной из двух предыдущих групп) способы действия. Взгляд А. В. Бондарко на непоследовательно характеризованные СГД в славянских языках как на семантические группы глаголов, не обязательно выраженные формально, также соответствует общепринятому пониманию категориальной сущности акционсартов в германистике.

Представитель Московской лингвистической школы Н. С. Авилова ставила под сомнение деление акционсартов на характеризованные и нехарактеризованные, предложенное А. В. Бондарко, и считала, что СГД обязательно должен быть выражен формально по сравнению с исходным глаголом, что, однако, по мнению ученого, не означает автоматического причисления СГД к словообразовательным категориям, а свидетельствует о том, что СГД является категорией, находящейся на стыке словообразования и видообразования [12, с. 76–78]. Под СГД Н. С. Авилова понимала деривационно-семантические группы глаголов, обладающие дополнительными характеристиками протекания действия по сравнению с исходным глаголом, и исключала тем самым из СГД группу нехарактеризованных глаголов, предложенную А. В. Бондарко.

Применение термина «Aktionsart» в германистике имеет свою собственную традицию. По мнению большинства исследователей, немецкий акционсарт не следует рассматривать как полный эквивалент способа действия в его традиционном понимании, принятом в славистике.

Употребление термина «Aktionsart» в германистике восходит к трудам немецкого филолога Г. Курциуса, который в 1852 г. в своей работе «Griechische Schulgrammatik» для определения характера хода действия наряду с понятием «Zeitstufe/временной отрезок» ввел понятие «Zeitart/временной характер».

Дальнейшему распространению термина «Aktionsart» в германистике способствовали труды немецких лингвистов, представителей младограмматического направления в языкознании В. Штрайтберга, Г. Пауля. В частности, в 1920 г. в работе «Deutsche Grammatik» Г. Паулем было предложено разграничение всей глагольной лексики на перфективные и имперфективные акционсарты. К имперфективным ученый предложил относить глаголы, не имеющие указания на внутренний предел действия, такие как *liegen-лежать*, *schlafen-спать*, к перфективным – *kommen-приходить*, *finden-находить* и другие. Таким образом, Г. Пауль понимал акционсарт очень широко и фактически предпринял попытку ввести в обиход в германистике понятие, аналогичное понятию «аспектуальность», предложенному позже А. В. Бондарко.

Некоторые отечественные лингвисты (М. А. Шелякин, И.-Э. С. Рахманкулова), разъясняя сущность понятий «аспект», «вид», «акционсарт» в русской и германской аспектологии, утверждали, что термин «акционсарт» используется в германистике для обозначения подтипов понятия предельности/непредельности. СГД И.-Э. С. Рахманкулова считает лексико-семантической категорией, которая служит «скорее возможности проявления нюансированности лексического значения» глаголов [7, с. 15–26].

Данной точки зрения придерживаются также германисты Э. Хентшель и Г. Уайдт, указывая на то, что в научной литературе не существует однозначного определения понятий «аспект» и «акционсарт», данные термины «используются в различных значениях, что, отчасти, привело к терминологической путанице... Под способом действия (акционсарт) чаще всего понимают чисто семантическую категорию, сходную с лексическим значением глагола и ... не выраженную морфологически. Так, например, немецкие глаголы *blühen* – *цвести*, *schlafen* – *спать* или *wachen* – *бодрствовать* являются имперфективными глаголами, выражающими длительное действие, процессы или состояния. Перфективными глаголами со значением ограничения действия, противопоставленными названным выше имперфективным, считались бы *verblühen* – *отцветать*, *einschlafen* – *засыпать*, *aufwachen* – *просыпаться*. Однако под СГД обычно понимают не перфективный или имперфективный способ действия, а дополнительные, более точные градации» [13, с. 36–37].

Таким образом, анализ теоретической литературы по проблеме соотношения вида и СГД позволяет сделать вывод, что большинство русистов и германистов разграничивают данные категории и считают, что понятия предельность/*Aspekt* для германских языков, вид и СГД/*Aktionsart* не совпадают полностью по своей сути. Вид в русском языке, языке словоклассифицирующей аспектуальной системы, представляет собой морфологическую категорию, выделяемую на основе признака предела и охватывающую всю глагольную лексику. В германских, в частности немецком, языках целесообразнее использовать термин «аспект», обозначающий универсальную семантическую категорию глагола. Под «аспектом» чаще всего понимают видение, восприятие действия говорящим. Ю. С. Маслов предлагал, чтобы «термин “(глагольный) вид (аспект)” фигурировал как термин общей грамматики, а термины “совершенный (перфективный) вид (аспект)”, “несовершенный (имперфективный) вид (аспект)”, “перфективность/имперфективность” – как термины частной славянской грамматики» [11]. В ряде исследований термины «вид» и «аспект» понимаются как синонимы.

Степень грамматикализации глагольного вида в русском языке значительно выше, чем в немецком языке, где данная категория не имеет четкого выражения. Акционсартные значения немецкого глагола на грамматическом уровне наиболее отчетливо проявляются при выборе вспомогательного глагола *haben/sein* при образовании форм прошедшего времени *Perfekt/Plusquamperfekt* непереходных глаголов: *wachen (haben)* – *erwachen (sein)*, *blühen (haben)* – *erblühen (sein)*. Еще одна особенность предельных глаголов заключается в том, что выраженное ими действие может обозначать признак, свойственный субъекту или объекту действия. Данной способностью обладают формы *Partizip II*, образованные от перфективных переходных глаголов. Формы *Partizip II*, образованные от имперфективных непереходных глаголов, в функции определения не употребляются: *der kommende Mensch* – *der gekommene Mensch*, но: *der gehende Mensch* – *Partizip II gegangen* не употребляется. Таким образом, аспектуальная оппозиция совершенность/несовершенность (*unvollzogen/vollzogen*) в немецком языке особенно четко проявляется лишь в системе причастий.

Глаголы совершенного вида в русском языке и перфективные глаголы в немецком языке отражают фокусирование внимания говорящего на пределе действия. Русские глаголы несовершенного вида и немецкие имперфективные глаголы указывают на отсутствие такого предела и, следовательно, на длительность действия. Лексической базой видовой противопоставления в русском языке являются терминативные/предельные глаголы [14, с. 394].

СГД в русском языке представляют собой особенности акциональных значений отдельных групп глаголов, которые выражают тип протекания действий по отношению к пределу их осуществления во времени и выделяются на основе общности лексико-семантических характеристик протекания действия, таких как 1) начинательность; 2) финальность; 3) ограничение временным пределом; 4) одновременность/последовательность действия; 5) степень интенсивности; 6) дискретность; 7) дистрибутивность; 8) результативность (эффективность).

Способы действия каждого из типов взаимодействуют с категорией вида. В нашей работе мы придерживаемся классификации способов глагольного действия, предложенной «Русской грамматикой-80», в которой СГД представлены 21 разновидностью [6]. Глаголы данных групп СГД

могут быть маркированными совершенным видом, несовершенным видом, а также представлять собой глаголы, которые могут образовывать видовые пары в результате имперфективизации, либо являться глаголами с определенным видовым значением СВ или НСВ, образуя группу немаркированных СГД [15, с. 30].

В немецкой лингвистической литературе акционсарты рассматриваются как сложное явление. Под немецким акционсартом большинство германистов (Х. Бринкман, В. Флемиг, Г. Хельбиг, Й. Эрбен, М. Дейчбейн) понимают лексико-семантическую категорию, выражающую характер протекания и распределения действия во времени и входящую в состав универсальной функционально-семантической категории аспектуальности. Немецкие перфективные и имперфективные глаголы большинство исследователей предлагают рассматривать как разные лексические единицы, не являющиеся членами видовой оппозиции. Характер способов действия зависит от семантики глагольных основ. Большое значение при отнесении глагола к тому или иному способу действия имеют контекстуальные средства (*stehlen*: durativ – *Er stiehlt*: durativ – *Er stiehlt eine Traube*: nicht-durativ).

Несмотря на наличие в немецком языке суффиксов и приставок, которые могут выражать акциональные отношения, большинство отечественных и зарубежных германистов считают, что немецкий язык, в отличие от русского, не обладает достаточной парадигмой форм для выражения способов действия, сопоставимой по объему с русским языком, ввиду чего немецкие акционсарты в классических грамматиках менее четко дифференцированы, чем русские СГД, что, по мнению И.-Э. С. Рахманкуловой, объясняется также еще и их более тесной связью с категорией предельности/непредельности, чем это наблюдается у русских СГД, которые в основном базируются на противопоставлении СВ/НСВ [7, с. 24]. В большинстве специальных исследований, в классических грамматиках немецкого языка трактовка акционсартов и классификация их значений даются на основе семантического критерия. Количественный состав немецких акционсартов в трудах разных авторов составляет от 5 (Дуден; В. Флемиг), 7 (Г. Хельбиг/Й. Буша), 8 (Э. Хентшель/Г. Уайдт), 9 (В. Шмидт), до 10 (И.-Э. С. Рахманкулова). При этом имеющиеся классификации не противоречат, а дополняют друг друга. В нашей статье мы берем за основу наиболее подробную, на наш взгляд, классификацию немецких акционсартов, предложенную в докторской диссертации И.-Э. С. Рахманкуловой, которая в свою очередь построена на основе классификаций СГД, представленных в классических немецких грамматиках, и различаем имперфективные и перфективные глаголы, включающие в себя инхоативный, ингрессивный, эгрессивный, моментативный, каузативный, мутативный, итеративный, диминутивный и интенсивный акционсарты [16].

Очевидно, что немецкие акционсарты представлены значительно меньшим количеством типов по сравнению с русским СГД. Такие способы действия, как дистрибутивный, кумулятивный и другие СГД, представленные в русском языке, не упоминаются в классических немецких грамматиках, что, на наш взгляд, свидетельствует о том, что немецкие акционсарты более абстрактны по своему содержанию по сравнению с четко дифференцированными СГД русского глагола. Таким образом, рассмотрение способов действия немецкого глагола как «таких семантико-словообразовательных группировок глаголов, в основе которых лежат формально выраженные модификации (изменения) значений беспрефиксных глаголов с точки зрения временных, количественных и специально-результативных характеристик» в рамках предложенной «Русской грамматикой-80» классификации СГД [6, с. 594], на наш взгляд, не представляется возможным ввиду отсутствия в немецком языке системы аффиксов, сопоставимой с системой аффиксов русского языка.

Однако анализ глагольной лексики корпуса текстов русской художественной литературы в переводе на немецкий язык показал, что такие лексико-семантические характеристики протекания действия, как кратность, ограничение временным пределом, одновременность/последовательность действия, дискретность, дистрибутивность, присущие русскому глаголу, могут проявляться и в немецком языке в рамках определенной аспектуальной ситуации через сочетание имперфективного или перфективного глагола и аспектуально значимых средств контекста, лексических маркеров. Так, например, русскому глаголу *погулять*, относящемуся к ограничитель-

ному подтипу темпоральных СГД, в немецком языке будет соответствовать сочетание имперфективного глагола *spazieren gehen* – гулять и наречия *eine Weile* – некоторое время.

При выявлении особенностей значений и функционирования СГД в языках с видовым (русском) и безвидовым (немецком) статусом взгляд на русские СГД и немецкие акционсарты как основные компоненты универсальной функционально-семантической категории аспектуальности, с нашей точки зрения, позволяет при установлении средств выражения немецких акционсартов не ограничиваться лишь словоизменением, а рассматривать также пути их реализации на уровне сочетания, предложения.

В нашей статье при сопоставительном исследовании СГД в русском и немецком языках и описании средств выражения немецких акционсартов мы будем придерживаться точки зрения Л. Б. Гарифуллина, который предлагает при классификации СГД исходить из «главного аспектуального значения» глагольной лексемы или фраземы и выделяет основные (предельные и непредельные с характеристиками фазовости, повторяемости, длительности) и дополнительные, характеризующие побочные моменты действия (делимитативность, диминутивность) СГД [17, с. 110–116].

Понимая способ действия/*Aktionsart* в немецком языке как «лексико-семантическую категорию, характеризующую течение, ход действия и не обязательно выраженную формально» [18, с. 22–23], к основным СГД в немецком языке мы относим перфективные и имперфективные глаголы, сгруппированные по признакам фазовости, степени интенсивности, повторяемости действия, характера достижения действием результата. Данные признаки присущи акционсартам уже во внеситуативном употреблении и выражены на уровне глагола через его семантику, деривационно-морфологическими средствами.

Рассматривая аспектуальные значения внутри ситуации с целью выявления аспектуальных универсалий, которые могли бы послужить основой сопоставительного анализа средств выражения СГД в разносистемных языках на материале глагольной лексики корпуса параллельных текстов, под дополнительными СГД мы будем понимать немецкие перфективные и имперфективные акционсарты со значениями кратности, ограничения временным пределом, дискретности, дистрибутивности, одновременности/последовательности протекания действия, которые в сочетании со средствами других языковых уровней проявляют модификацию своего акционального значения по сравнению с исходным глаголом. Данные значения при этом могут проявляться на уровне глагола, сочетания, предложения и могут быть выражены формально, а также взаимодействием различных контекстно реализованных именных и глагольных характеристик хода действия.

Ввиду отсутствия единой классификации СГД в русистике и германистике, с целью установления общего основания для сравнения и последующего выявления закономерных соответствий либо несоответствий в характере выражения хода глагольного действия в русском и немецком языках иерархия значений немецких акционсартов в сопоставлении с русскими СГД, построенная на основе классификаций значений СГД, предложенных для немецкого языка в грамматиках (Дуден, Г. Хельбиг/Й. Буша; В. Шмидт), в научных трудах У. Швалль [19, с. 94–96], И.-Э. С. Рахманкуловой, для русского языка – «Русской грамматикой-80», на наш взгляд, может быть представлена следующим образом (таблица).

Как следует из таблицы, мы выделяем следующие группы СГД для русского и немецкого языков: 1) временные; 2) количественные; 3) специально-результативные, которые отличаются своим общим значением и уточняют: а) характер протекания и распределения действия во времени; б) количественно-временной характер действия; в) характер достижения результата. Каждая из трех групп СГД представлена в сопоставляемых языках примерно одинаковым количеством типов и подтипов СГД, которые в обоих языках проявляют сходство на уровне лексического значения.

Группу временных СГД в русском языке формируют 6 подтипов, количественных – 10, специально-результативных – 5 подтипов. В немецком языке временные акционсарты представлены 4 основными и 2 дополнительными подтипами, количественные – 3 основными и 7 дополнительными, специально-результативные – 3 основными и 6 дополнительными подтипами.

Способы глагольного действия/Aktionsarten в русском и немецком языках в отношении к виду и предельности (от русского языка к немецкому)

Manners of verbal action/ Aktionsarten in Russian and German in relation to verbal aspect and telicity (from Russian to German)

СГД	Тип СГД	РЯ			НЯ		Перфективная/ имперфективная видовая семантика	Предель- ность	
		Подтип СГД	Вид	Термина- тивность	Подтип СГД				
					основной	дополнительный			
1. СГД с временным, фазовым значением/ Aktionsarten mit Phasenbedeutung: характеризуют опреде- ленный временной отрезок протекания действия (начало, продолжительность, завершение действия)	Начина- тельный:	инхоативный: <i>забегать, заездить</i>	СВ	+	инхоативный/ / inchoative/ inzerptive Aktionsart (постепенное начало действия): <i>erblühen, einschlafen</i>		перфектив	+	
		ингрессивный: <i>поехать, побежать</i>	СВ	+	ингрессивный/ ingressive/ initive Aktionsart (внезапное начало действия): <i>aufbrüllen, aufspritzen</i>		перфектив	+	
	Ограничи- тельный:	уменьшительно-огра- ничительный: <i>погу- лять, поездить*</i> ; <i>захо- дить</i> → <i>захаживать**</i>	СВ, СВ/ НСВ	+	+/-		делимитативный/ delimitative Aktionsart (небольшой временной отрезок действия в средней фазе): <i>eine Weile spazieren gehen</i>	перфектив	+
		длительно-ограничи- тельный: <i>пролазить*, прово- говорить*</i> ; <i>прово- дить</i> → <i>провождать**</i>	СВ, СВ/ НСВ	+	+/-		пердуративный/perdu- rative Aktionsart (про- должительный отрезок действия в средней фазе): <i>sich die ganze Nacht hindurch unterhalten</i>	перфектив	+
	Фини- тивный:	эгрессивный: <i>отъез- дить*</i> , <i>относить</i> → <i>отнашивать**</i>	СВ, СВ/ НСВ	+	+/-	эгрессивный/egressive/ finitive/resultative Aktionsart (конец дей- ствия): <i>erjagen, verblühen</i>		перфектив	+
		финитно-прагматиче- ский (конец возможно- сти реализации дей- ствия): <i>отвышивать*, отгулять</i>	СВ	+		точный, или момента- тивный /punktuelle/ momentane Aktionsart (одномоментное дей- ствие): <i>platzen, erblicken, finden</i>		перфектив	+

2. СГД с количественным значением/ Aktionsarten mit quantifizierender Bedeutung выражают модификацию действия относительно его интенсивности (возрастание/ снижение) и количества (однократное/ многократное)	Одно-актный:	однократный: <i>сбегать, зевнуть, сглотнуть*</i> <i>ехать, лететь***</i>	СВ, НСВ	+ –		семelfактивный/ semelfactive Aktionsart (однократное действие, ограниченное определенным моментом времени): <i>einmal gähnen, eine Dummheit begehen</i>	перфектив	+
		смягчительный: <i>подбегать, подъехать, попрыгивать, попридержать*, недова-рять→ недоovarивать**</i> уменьшительный: <i>надкусить→ надкусывать**</i>	СВ, СВ/ НСВ НСВ	+ +/-		димиутивный/ diminutive/ attenuative Aktionsart (повторяющееся действие ослабленной интенсивности): <i>angelaufen, kommen, herbeilaufen, heranfahren, sich allmählich gewöhnen, leicht festhalten, anbeißen</i>	перфектив	+
		многократный: <i>ездить, носить, бегать</i>	НСВ	–	итеративный, или фрек-вентативный/ iterative/ frequentative/ multiplikative Aktionsart (повторяющееся действие): <i>flattern, zu sagen pflegen, rennen und rennen</i>		имперфектив	–
	Много-актный:	сопроводительный: <i>притопывать, прищипывать***, сопроводить→ сопроводждать**</i>	НСВ, СВ/ НСВ	– +/-		совместный/ komitative Aktionsart (сопутствующее действие низкой интенсивности): <i>dabei etwas flüstern</i>	имперфектив	–
		длительно-ослабленный: <i>напевать, помалкивать</i>	НСВ	–		длительно-ослабленный/perdurative/ diminutive Aktionsart: <i>vorsingen, den Mund halten</i>	имперфектив	–
		прерывисто-смягчительный: <i>помишивать, покашливать</i>	НСВ	–	димиутивный/ diminutive/attenuative Aktionsart (повторяющееся действие ослабленной интенсивности): <i>hüsten, lächeln, tänzeln</i>		имперфектив	–

Продолжение таблицы

СГД	Тип СГД	РЯ			НЯ			Перфективная/ имперфективная видовая семантика	Предель- ность
		Подтип СГД	Вид	Термина- тивность	Подтип СГД				
					основной	дополнительный			
		длительно-дистрибу- тивный: <i>раздумывать</i> , <i>распевать</i>	НСВ	–		длительно-дистрибу- тивный/perdurativ- distributive Aktionsart: <i>grübeln, sich (Dat.) den Kopf zerbrechen</i> , <i>vorsingen</i>	имперфектив	–	
		осложненно-интенсив- ный: <i>отплевывать</i> , <i>вызывая</i>	НСВ	–	интенсивный/ intensive/ augmentative Aktionsart (повторяющееся дей- ствие высокой интен- сивности): <i>sausen, besonders kunstvoll läuten</i>		имперфектив	–	
						осложненно-интенсив- ный/kompliziert- intensive Aktionsart (действие, выполнение которого требует при- ложения усилий): <i>immer wieder umständlich ausführen, sorgfältig zeichnen</i>	имперфектив	–	
		длительно-взаимно- дистрибутивный: <i>перешёптываться</i> , <i>пересмеиваться</i> ***	НСВ	–		взаимный/ mutuelle Aktionsart (взаимодей- ствие двух или более субъектов): <i>einander beschimpfen, miteinander flüstern</i>	имперфектив	–	
3. СГД со специально-ре- зультативным значением/ Aktionsarten mit spezial- resultativer Bedeutung: выражают достижение действием определенного результата	Накопительно- суммарный: <i>на- обещать, нона- везти, обойти*</i> , <i>объездить</i> → <i>объезжать**</i>	СВ, СВ/ НСВ	+	+/-		кумулятивный/ kumulative Aktionsart (достижение определен- ной меры в результате выполнения действия): <i>eine Menge Dinge versprechen</i>	перфектив	+	

	Дистрибутивный/ распределительный: повыгонять*, перетаскать* → перетаски- вать**		CV, CB/ HCB	+ +/-		объектно-дистрибу- тивный/object- distributive Aktionsart (действие, последова- тельно охватывающее несколько объектов): <i>alle Türen nacheinander schließen</i>	перфектив	+
						субъектно-дистрибу- тивный/subject- distributive Aktionsart (последовательные дей- ствия нескольких субъ- ектов): <i>nacheinander aufspringen</i>	перфектив	+
	Интенсивный: проезжать- ся**, выбегать- ся, добегаться*, выездить → выезживать**		HCB, CB/ CV/ HCB	- + +/-		интенсивно-результативный/intensiv- resultative Aktionsart (интенсивное, исчерпы- вающее выполнение действия): <i>ganz Frankreich abklappern</i>	перфектив	+
	Комплетивный тип: подползти, добежать*, дотаскать → дотаскивать**		CB, CB/ HCB	+ +/-		завершительный/ комплетивный/ egressive/kompletive Aktionsart (завершительная фаза+ результат): <i>aufessen, das Essen beenden</i>	перфектив	+
	Терминативный: прогнать*, пропеть*, обхо- дить → обхаживать**		CB, CB/ HCB	+ +/-		терминативный/ terminative Aktionsart (длительность + резуль- тат): <i>das Singen beendigt haben, durchdonnern</i>	перфектив	+

Окончание таблицы

СГД	Тип СГД	РЯ			НЯ			Перфективная/ имперфективная видовая семантика	Предел- ность
		Подтип СГД	Вид	Термина- тивность	Основной	Подтип СГД	дополнительный		
					каузативный, или фак- титивный /kausative/ faktitive/ transformative Aktionsart (переход в другое состо- яние, инициированный кем-либо, чем-либо): <i>öffnen, beugen, sprengen, fällen</i>			перфектив	+
					мутативный/mutative/ transformative Aktionsart (переход из одного со- стояния в другое): <i>rosten, erkranken, reifen</i>			перфектив	+
					орнативный/ornative Aktionsart (глаголы обладания и снабже- ния): <i>beschriften, vergolden, herausfinden</i>			перфектив	+

Примечание. + терминативность/предельность; – нетерминативность/непредельность; * непарные глаголы СВ; ** парные глаголы; *** непарные глаголы НСВ.

В результате исследования установлено, что СГД в русском языке (21) и все немецкие акционсарты (10 основных и 15 дополнительных) являются носителями конкретной видовой, перфективной/имперфективной семантики, проявляющейся через отношение действия к своему внутреннему пределу. Совершенностью, терминативностью в русском языке характеризуются глаголы 3 подтипов (инхоативного, ингрессивного, финитно-прагматического), маркированными несовершенным видом являются глаголы 3 подтипов количественных СГД (длительно-дистрибутивного, многократного и осложненного). Остальные СГД (15) представлены терминативными/нетерминативными глаголами, которые могут образовывать видовые пары в результате имперфективизации, и глаголами с определенным видовым значением СВ или НСВ.

В немецком языке к перфективным способам действия, характеризующимся предельностью, относятся 7 основных (инхоативный, ингрессивный, эгрессивный, моментативный, каузативный, мутативный, орнативный) и 10 дополнительных (делимитативный, пердуративный, семельфактивный, диминутивный, кумулятивный, объектно-дистрибутивный, субъектно-дистрибутивный, интенсивно-результативный, завершительный, терминативный) акционсартов. Имперфективными непредельными являются 3 основных (итеративный, диминутивный, интенсивный) и 5 дополнительных (совместный, длительно-ослабленный, длительно-дистрибутивный, осложненно-интенсивный, взаимный) акционсартных типов.

При отнесении глагола к тому или иному способу также необходимо принимать во внимание тот факт, что некоторые как русские, так и немецкие акционсарты, такие, например, как глаголы финитивного и комплетивного, накопительно-суммарного и интенсивного и других типов, обнаруживают взаимосвязь на уровне лексического значения, ввиду чего могут быть причислены к разным СГД.

Заключение. Таким образом, при сопоставительном изучении и описании СГД и средств их выражения в разносистемных языках способы действия/Aktionsarten мы считаем целесообразным рассматривать в рамках универсальной лексико-семантической категории аспектуальности. Под немецкими акционсартами в данном исследовании мы понимаем акционально окрашенные особенности лексических значений глаголов, характеризующие распределение во времени предельного/непредельного действия, которые могут быть выражены как модифицирующими морфемами, так и дополнительными лексическими, синтаксическими средствами, не имеющими в немецком языке, в отличие от русского, системного характера.

Лексически выраженное отношение действия к своему внутреннему пределу мы, вслед за большинством германистов, рассматриваем как аспект/Aspekt (imperfektiver Aspekt/perfektiver Aspekt). Анализ видового значения в русском и немецком языках позволяет сделать вывод о том, что категория вида непосредственно связана с универсальной лексико-семантической категорией предельности/непредельности: НСВ в русском языке и имперфективная видовая семантика в немецком языке характеризуются непредельностью, тогда как СВ и перфективная видовая семантика выражают предельность. Подразделение всех немецких акционсартов на имперфективные/непредельные и перфективные/предельные свидетельствует о том, что способы действия в немецком языке представляют собой основу для выражения совершенности/несовершенности в рамках определенного аспектуально окрашенного контекста.

Завершая рассмотрение различных аспектологических направлений, отражающих разное восприятие вида и СГД, хотелось бы подчеркнуть, что к выявлению и определению семантики данных категорий в разносистемных языках можно идти различными путями: анализировать, с одной стороны, семантику глаголов разных видов, с другой – их сочетаемость и текстовые функции. Проведенное исследование свидетельствует о том, что универсальной базой для сопоставления при этом может выступать лексико-семантическая категория аспектуальности, в области которой наиболее четко проявляются аспектуальные универсалии, присущие разносистемным языкам.

Список использованных источников

1. Бондарко, А. В. Русский глагол / А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин; под ред. Ю. С. Маслова. – Л.: Просвещение, 1967. – 192 с.
2. Бондарко, А. В. Введение. Аспектуальность / А. В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. – М., 1987. – С. 3–93.
3. Flämig, W. Zur Funktion des Verbs. III. Aktionsart und Akionalität / W. Flämig // Deutsch als Fremdsprache. – № 2; Herder Institut der K.-M.-Universität. – Leipzig, 1965. – S. 4–12.
4. Andersson, S.-G. Akionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem. Bd. L. Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen / S.-G. Andersson. – Uppsala, 1972. – 248 s.

5. Schlegel, H. Zur Rolle der Terminativität/Aterminativität (T/A) im Aspekt und Aspektbildungssystem der russischen Sprache der Gegenwart / H. Schlegel. – München: Sagner, 1999. – 240 s.
6. Русская грамматика: в 2 т. / АН СССР, Ин-т русского языка; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
7. Рахманкулова, И.-Э. С. К вопросу о теории аспектуальности / И.-Э. С. Рахманкулова // Вопр. языкознания: науч. сб. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под ред. Т. М. Николаевой (гл. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2004. – Вып. 1. – 2004. – С. 3–28.
8. Agrell, S. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte / S. Agrell. – Lund: Lunds universitets arsskrift, 1908. – 157 s.
9. Кошмидер, Э. Очерки науки о видах польского глагола / Э. Кошмидер // Вопр. глагольного вида. – М., 1962. – С. 105–166.
10. Якобсон, Г. Из рецензии на книгу Я. Вакернагеля «Лекции по синтаксису» / Г. Якобсон // Вопр. глагольного вида. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 39–41.
11. Маслов, Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю. С. Маслов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.
12. Авилова, Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова / Н. С. Авилова; отв. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
13. Hentschel, E. Handbuch der deutschen Grammatik / E. Hentschel, H. Weydt. – Berlin; New York: de Gruyter, 1994. – 460 s.
14. Виноградов, В. В. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 717 с.
15. Кавалёнак, С. В. Спосабы дзеяслоўнага дзеяння і дзеяслоўнае словаўтварэнне ў беларускай і рускай мовах: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.01; 10.02.02 / С. В. Кавалёнак. – Мінск, 2008. – 173 с.
16. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin: Volk und Wissen, 1973. – 332 s.
17. Гарифуллин, Л. Б. Акциональный уровень категории аспектуальности / Л. Б. Гарифуллин // Вопросы романо-германского языкознания. Вып. II, ч. II: материалы межвуз. конф. – Челябинск, 1971. – С. 104–120.
18. Erben, J. Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Akademie-Verlag, Berlin, 1963. – 226 s.
19. Schwall, U. Aspektualität: Eine semantisch-funktionelle Kategorie / U. Schwall. – Tübingen: Günter Narr Verlag, 1991. – 453 s.

References

1. Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russian verb*, in Maslov Iu. S. (ed.). Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1967. 192 p. (in Russian)
2. Bondarko A. V. Introduction. Aspectuality, in Bondarko A. V., Sheliakin M. A., Khrakovskii V. S., Nedialkov V. P. *Teoriia funktsional'noi grammatiki* [Theory of functional grammar], in Bondarko A. V. (ed.). Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 3–93. (in Russian)
3. Flämig W. Zur Funktion des Verbs. III. Aktionsart und Aktionalität. *Deutsch als Fremdsprache*, no. 2. Leipzig, Herder Institut der K.-M.-Universität Publ., 1965, pp. 4–12.
4. Andersson S.-G. *Aktionalität im Deutschen. I: eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem*. Stockholm, Uppsala: Almqvist & Wiksell Publ., 1972. 248 p.
5. Schlegel H. *Zur Rolle der Terminativität/Aterminativität (T/A) im Aspekt und Aspektbildungssystem der russischen Sprache der Gegenwart*. München, Sagner Publ., 1999. 240 p.
6. *Russian grammar: 2 vol. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p. (in Russian)
7. Rakhmankulova I. E. S. Some thoughts on the theory of aspectuality. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the study of language], 2004, no. 1, pp. 3–28. (in Russian)
8. Agrell S. *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeit-worte*. Lund, Lunds universitets arsskrift Publ., 1908. 157 p.
9. Koshmider E. The Essay of science dealing with aspect of the Polish verb. *Voprosy glagol'nogo vida : sbornik* [Questions of the verb form: a collection], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1962, pp. 105–166. (in Russian)
10. Jakobson G. From the review of book by Ya. Vakernagel "Lectures on a syntax". *Voprosy glagol'nogo vida : sbornik* [Questions of the verb form: a collection], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury Publ., 1962, pp. 39–41. (in Russian)
11. Maslov Iu. S. *The Essays on aspectology*. Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1984. 263 p. (in Russian)
12. Avilova N. S. *The verbal as-pect and semantic of verbal word*, in Barkhudarov S. G. (ed.). Moscow, Nauka Publ., 1976. 328 p. (in Russian)
13. Hentschel E., Weydt H. *Handbuch der deutschen Grammatik*. Berlin; New York, de Gruyter Publ., 1994. 460 p.
14. Vinogradov V. V. *Grammatical studies about the word*, 4nd ed. Moscow, Russkii iazyk Publ., 2001. 717 p. (in Russian)
15. Kavalenak S. V. The manners of verbal action and verbal word-formation in the Russian and Belarussian languages, Ph. D. Thesis, Russian language, Belarussian language, Institute of Language and Literature named after Yakub Kolas and Yanka Kupala. Minsk, 2008, 173 p. (in Belarussian)
16. Schmidt W. *Grundfragen der deutschen Grammatik*. Berlin, Volk und Wissen, 1973. 332 p.
17. Garifulin L. B. The ac-tional level of the aspectuality category. *Voprosy romano-germanskogo iazykoznaniiia: Materialy Mezhevuzovskoi konferentsii* [Questions of Romance and Germanic Linguistics: Proceedings of the Inter-University Conference]. Chelyabinsk, 1971, Issue 2, part 2, pp. 104–120. (in Russian)
18. Erben J. *Abriss der deutschen Grammatik*. Berlin, Akademie-Verlag Publ., 1963. 226 p.
19. Schwall U. *Aspektualität: Eine semantisch-funktionelle Kategorie*. Tübingen, Günter Narr Verlag Publ., 1991. 453 p.

Информация об авторе

Алимбиева Елена Викторовна – аспирант, старший преподаватель кафедры мировых языков. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (пр. Московский, 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: elena.alimpieva@gmail.com

Information about the author

Alena V. Alimpiyeva – Postgraduate Student, Senior Lecturer of the Chair of World Languages, Vitebsk State P. M. Masherov University (33 Moskovskiy Ave, Vitebsk 210038, Belarus). E-mail: elena.alimpieva@gmail.com

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 75.03

Поступила в редакцию 29.06.2017
Received 29.06.2017

Е. В. Артёмова

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Беларусь*

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ В ЖИВОПИСИ КИТАЯ 1990-х – НАЧАЛА 2000-х гг.

Аннотация. Опираясь на европейский и общемировой опыт выражения идеи художественного произведения, китайские художники непременно включали собственную национальную традицию в контекст такого произведения. Это привело к переосмыслению европейских концепций в рамках собственной культуры и созданию уникальных концепций живописи. Среди них как традиционные (го-хуа), так и новые концепции (концептуальное искусство, циничный реализм, политический и культурный поп-арт, вульгарное искусство, живопись женского движения Китая). Развитие современного искусства в Китае, как и во всем мире, характеризуется многовекторностью, большим количеством направлений, внутри каждого из которых могут сосуществовать концепции, в определенных моментах противоречащие друг другу. Спектр концепций в живописи Китая в начале третьего тысячелетия достаточно сложно подробно структурировать, однако можно выделить три основных концептуальных вектора (направления): «смысл-образ», «образ-смысл», «понимание-смысл». Концепции внутри трех векторов существуют и развиваются, опираясь на европейский и общемировой опыт выражения идеи художественного произведения, одновременно включая собственную национальную традицию в контекст художественного произведения. Каждая концепция либо опирается на традицию, либо отвергает её; то стремится сопоставить, то противопоставить традиции современное искусство. Благодаря подобным феноменам китайская живопись смогла преодолеть кризис повторения концепций, не ограничивая актуальность современного искусства его поверхностным планом.

Ключевые слова: современное китайское искусство, го-хуа, интерпретация, концепция, направление в искусстве, концептуальное искусство, циничный реализм, политический поп-арт, культурный поп-арт, вульгарное искусство, живопись женского движения

Для цитирования. Артёмова, Е. В. Основные концепции в живописи Китая 1990-х – начала 2000-х гг. / Е. В. Артёмова // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 85–93.

E. V. Artsiomova

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

MAIN CONCEPTS IN CHINESE PAINTING BETWEEN THE 1990s AND EARLY 2000s

Abstract. Resting on European and world experience of expressing an idea of an artwork, Chinese artists always included their own national tradition in the context of artworks. It led to re-conceiving European conceptions within their own culture and creating unique conceptions of painting. These include traditional (guohua) and new conceptions (conceptual art, cynical realism, political and cultural pop art, vulgar art, art of the Chinese women's art). The development of contemporary art in China, like worldwide, has multiple vectors and multiple directions inside of which various conceptions can co-exist being in some ways contradictory to one another. It is difficult to introduce the classification of the spectrum of art conceptions in China. At the same time, it is possible to distinguish three main conceptual vectors in Chinese art: "from-sense-to-image", "from-image-to-sense" and "from-understanding-to-sense". Conceptions inside this three vectors existence and develop. All conceptions are in touch with traditional art rules and views: some of them oppose tradition, others rely on it, some of them try to compare contemporary art to tradition, and others try to challenge it. Due to these phenomena, Chinese painting managed to overcome the crisis of conceptual repetition and to avoid limiting the relevance of contemporary art to its superficial plane.

Keywords: Chinese contemporary art, guohua, interpretation, conception, art direction, conceptual art, cynical realism, political pop art, cultural pop art, vulgar art, women's movement art

For citation. Artsiomova E. V. Main Concepts in Chinese Painting between the 1990s and Early 2000s. *Vesti Natsyional'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 85–93 (Russian).

© Артёмова Е. В., 2018

Введение. Спектр концепций в живописи Китая в начале третьего тысячелетия был необычайно широк. Его достаточно сложно подробно структурировать, однако можно выделить три основных концептуальных вектора, наметивших направления развития живописи Китая второй половины XX – начала XXI века. Интересно, что, опираясь на европейский и общемировой опыт выражения идеи художественного произведения, китайские художники непременно включали собственную национальную традицию в контекст художественного произведения: они либо опирались на неё, либо отвергали, стремились сопоставить с ней или противопоставить ей современное искусство. Примером может служить «концепция вымысла», которая пронизывает живопись Китая с давних времен и замечательно вписывается в концепции современного китайского искусства.

В отличие от современных европейских и американских художников, работающих в аналогичных направлениях живописи (поп-арт, вульгарное искусство, политический поп-арт и концептуальное искусство в целом), китайские мастера никогда не стремились «обезопасить» идею произведения от эмоциональной составляющей его восприятия. Европейские и американские художники-концептуалисты стремятся к тому, чтобы зритель воспринимал произведение в первую очередь интеллектуально, стараются сделать его эмоционально достаточно сухим [1]. Китайские художники, напротив, часто используют неоднородный эмоциональный фон для более точной иллюстрации идеи. Подобные переосмысления концепций в рамках собственной культуры привели к развитию в китайской живописи уникальных направлений, среди которых циничный реализм.

В данной статье будет рассмотрен процесс взаимодействия современного китайского искусства с традиционными национальными принципами живописи и европейскими идеями, а также выделены основные концепции, получившие воплощение в живописи Китая во второй половине XX – начале XXI века. Для достижения полноты научно-исследовательского обобщения и успешного раскрытия темы в процессе работы над статьей применены методы комплексного теоретического анализа, историко-генетический и историко-теоретический метод (при рассмотрении генезиса, периодизации, типологии китайского живописного искусства), синтез культурологических, исторических знаний, знаний в области мировой художественной культуры, стилистический анализ художественного живописного произведения, эмпирический метод косвенного наблюдения [2].

Основная часть. Понятие концепции (от лат. *conceptio* – система, совокупность, сумма) в живописи чаще всего соотносят с системой взглядов художника, с тем, как художник воспринимает и понимает реальность, процессы и явления окружающего мира. Говоря о концепции работы, её также нередко отождествляют с определяющим замыслом, идеей художественного произведения, определяющими «стратегию действия» художника на полотне, выбор средств и методов воплощения задуманного. В этом случае идея или концепция становятся самым важным аспектом художественного произведения. По такому ключевому признаку работы художников относят к произведениям концептуального искусства [1].

Развитие современного искусства в Китае, как и во всем мире, характеризуется многовекторностью, большим количеством направлений, внутри каждого из которых могут сосуществовать концепции, в определенных моментах противоречащие друг другу. То же касается художественных принципов внутри одного направления. Нередко это связывают с тем, что содержание произведений современного искусства составляют либеральные ценности. В работах все больше проявляются космополитизм и терпимость к маргинальности, индивидуализм, бунтарство [1]. Однако в Китае все ещё очень сильны позиции традиционного мировоззрения, которое всегда, в той или иной степени, касается содержания и идеи картин. К творчеству современных китайских художников применим литературно-философский тезис о том, что актуальное искусство – нечто, не воспроизводящее готовые стандарты, но опирающееся на них, либо отвергающее их, либо сравнивающее себя с ними – т. е. так или иначе включающее традицию в содержание художественного произведения. Эта особенность позволяет актуальной живописи Китая избегать столкновения с проблемой, характерной сегодня для американского, европейского и русского актуального искусства: все чаще актуальность современного искусства ограничивается его по-

верхностным планом, отсутствием продуцирования либо продвижения принципиально новых идей, отличающихся от прежних. В китайской живописи считается, что каждая новая идея, каждое новое знание относительно предмета должно быть объективным и диалектическим. Однако каждая вещь непрерывно меняется, каждый предмет – уже другой в следующее мгновение. Поэтому художник должен предполагать развитие или фиксировать его. Картина, нарисованная слишком реалистично и лишенная вымышленных деталей, способных возникнуть в будущем или существовавших в прошлом, лишена подлинной выразительности. Вследствие этого «концепция вымысла» пронизывает живопись Китая с давних времен и замечательно вписывается в концепции современного китайского искусства. Она не противоречит ни традиционным принципам живописи, ни вновь возникающим направлениям, даёт достаточную свободу мастерам разных времен. Вместе с тем не каждый художник в силах осознать это. Известный современный китайский мастер «го-хуа» Ли Кэжань отмечал, что есть люди, которые рисовали всю жизнь, но так и не смогли уловить «концепцию вымысла», определяющую в китайской живописи [3, с. 229].

В современном Китае произведения концептуального искусства всегда сложны, они редко бывают оценены критиками и зрителями как однозначно удачные или неудачные, как талантливы или бездарно исполненные. Это происходит потому, что большинство идей логичны в виде концепции, но нелогичны для восприятия. К примеру, взгляните на картину Ю Минчжуна «Казнь».

С точки зрения восприятия данная картина – абсолютный абсурд. Более того, у зрителя вызывает негодование сам сюжет: очевидно, что название картины отсылает нас к моменту трагедии. И что же делает художник? Показывает дурачащихся людей на фоне этой трагедии. Зрелище малопривлекательное и отталкивающее зрителя. Скажем прямо – зрелище шокирующее, а идея рисовать подобные картины кажется нездоровой, лишенной смысла. Никакой логики. Напоминаю, мы говорим о первой реакции человеческого восприятия на данное художественное произведение.

А теперь посмотрим на картину с точки зрения концепции. В дни презентации в Лондоне картины Ю Минчжуна «Казнь» художника попросили рассказать о том, что изображено на полотне. Во время интервью мастер отметил, что отправной точкой для создания работы послужили события, которые произошли 4 июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине. В этот день погибло много молодых людей и студентов – участников демонстрации за осуществление демократических реформ в стране. Вместе с тем Ю Минчжун подчеркнул, что старался уйти от прямой иллюстрации трагедии. Для него было важно передать чувство бессмысленности насилия, отвращения к подобным событиям, произошедшим до и имеющим место после 1989 г., причем не только в Китае, но и во всем мире. Художник пытается показать, какой должна быть нормальная реакция человека на очередное сообщение в СМИ о военных действиях, репрессиях и притеснениях – как минимум такой, как первая реакция неподготовленного зрителя на его картины.

Сегодня каждое новое сообщение в СМИ о террористических актах, противоправных действиях, о случайной гибели людей воспринимается нами исключительно как информационный повод. Восприятие людьми трагедии притупилось, и для Ю Минчжуна такое положение вещей также неприемлемо, как для зрителя – улыбка персонажей на его картинах. При помощи своих работ художник стремится воссоздать чувства, о которых люди стали забывать, которые перестали испытывать, оставаясь свидетелями страшных событий современности. Потому его творчество далеко от популярной культуры, правильно воспринимать и оценивать его непросто. Творчество этого художника заставляет нас заново открывать себя и окружающую действительность. Оно демонстрирует, что не всё хорошо как с нашей реальностью, так и с нами самими. Художник призывает признать этот факт. Мир – не в порядке, мы – не в порядке, и не нужно пытаться сохранить лицо, ведь мы же не сумасшедшие, чтобы вновь и вновь настойчиво веселиться ни к месту.

Таким образом, для художника Ю Минчжуна, для критика Ю Минчжуна, для зрителя, который интересуется современным искусством и не поленился ознакомиться с мировоззрением мастера и концепцией его творчества, картина «Казнь» не лишена логики.

Что и требовалось доказать: большинство идей логичны в виде концепции, но совершенно не логичны для восприятия. Эта аксиома – ключ к пониманию современного искусства в Китае.

Для большинства крупных представителей концептуализма, как европейских (Ганс Хааке, Эдвард Руш, Роберт Моррис и др.), так и китайских (Ай Вэйвэй, Чжан Хуань, Юй Чжэн), произведения искусства – это в первую очередь идея, концепция, которую художник хотел выразить, и эстетический опыт, который мастер пережил и стремится предать зрителю. Физически воплощенный объект концептуального искусства, как правило, бросает вызов традиционным представлениям о внешнем виде произведения искусства в понимании большинства людей, его статусу.

Материальная вещь, выставленная в музее или галерее, – всего лишь рабочий инструмент, средство отсылки к идее, и выглядит она соответственно. Интересно, что европейские и американские художники-концептуалисты стремятся к тому, чтобы зритель воспринимал произведение в первую очередь интеллектуально, они стараются сделать его эмоционально достаточно сухим [2]. Китайские художники часто используют неоднородный эмоциональный фон для более точной иллюстрации идеи. Подобные переосмысления концепций в рамках собственной культуры привели к развитию в китайской живописи таких направлений, как циничный реализм («ваньши сяньши чжуи»), политический поп-арт («чжэнжи болу»), вульгарное (или цветастое) искусство («яньсу ишу») и пр. Подобных направлений очень много, но их можно классифицировать на три основных концептуальных вектора. В настоящее время китайские искусствоведы, вслед за ученым Фань Жуйхуа, выдвигают теорию трех путей развития современного китайского искусства [4, с. 19].

Первый концептуальный вектор развития условно именуют **«смысл-образ»**. В рамках этого вектора произведения чаще всего создаются на основе традиционных концепций живописи средствами современных интерпретаций.

Одним из представителей такого вектора является мастер Шао Гэ. Художник увлечен возрождением живописных традиций Китая II–III вв. до н. э. Шао Гэ работает тушью и сильно разбавленной акварелью на шелке и бумаге. Сюжет его работ – жизнь современного города. Шао Гэ интересуют элементы урбанистического пейзажа. Кроме того, художник в своих произведениях раскрывает экологическую проблематику. В серии картин «Мусор города», созданной в 90-х гг. XX в., он стремится отразить опасность дисбаланса, возникающую между цивилизацией и природой. В одном из своих интервью Шао Гэ отмечает: «Традиционно красивые пейзажи составляют важную тематическую группу китайской живописи, но современный мир меняется и очень быстро. Каждый день мы видим вокруг себя здания из стекла и бетона, асфальтовые шоссе с гудящими машинами и фабрики, извергающие клубы отравляющего воздуха дыма. Как можно в таком случае писать горные ручьи с хрустальной водой и ивы, склоняющие ветви над ними?» [5]. Его работы «Магнолия с осколком зеркала в сердцевине» (1997 г.), «Человеческое начало» (2002 г.), «Начало жизни» (2001 г.), «В декорациях весны» (2000-е гг.) демонстрируют бескомпромиссное отношение автора к обществу чрезмерного потребления и проблемам, связанным с его существованием [6]. Густые тени, резкие углы, утолщенные линии туши на картинах Шао Гэ свидетельствуют о боли, хронической депрессии людей, которые все больше погружаются в горы отходов. Таким образом, исполнение произведений в рамках традиционного жанра благодаря концепции осуществления приводит к появлению неординарных произведений живописи.

Работы концептуального вектора «смысл-образ» активно используют цитирование, в них имеет место слияние традиционного материала и современных тенденций в искусстве, активно привлекаются новейшие технологии из смежных сфер технического творчества, работы часто являются продуктом коллективного творчества.

Ещё одно направление развития современного китайского искусства характеризуют как вектор **«образ-смысл»**. В этом случае художники стремятся осмыслить противоречия современной жизни, новые явления и опыт, который только рождается в современном Китае. Нередко художники сознательно отказывались вкладывать в свои работы глубокий смысл, совершая переход «от глубины к поверхности», таким образом прибегая к сарказму относительно происходящего в стране. Они используют провокационные образы, нестандартные формы художественных произведений, нередко в процесс создания изображений вовлекают промышленные изделия, полотна современников, фотографии и собственные тела. Наиболее ярко данный вектор в китай-

ском современном искусстве иллюстрируют работы группы «Новое поколение» выпускников Центральной академии искусств 1990-х гг., в особенности художников Чжан Сяогана, Чжан Хуаня, Лю Сяодуна, Фань Лидзюня [7, с. 47].

Работы Лю Сяодуна представляют собой своего рода иллюстрации истории состояний человека в водовороте глобальных вопросов развивающегося мира. Его интересуют вопросы перемещения населения, сырьевой кризис, кризис перепроизводства и, главное, связанный со всем этим кризис человеческих ценностей. Данная тематика прослеживается в «низких» картинах, посвященных жизни трудовых мигрантов («Еда», 2000 г., «Рассадник», 2006 г.), и в работах, посвященных влиянию природных и экологических катаклизмов на жизнь людей («Зерновой дождь», 2008 г.) [7].

Свой последний художественный и выставочный проект, который открылся 22 апреля 2016 г. в Палаццо Строцци в Таскане (Италия), художник посвятил теме миграционного кризиса [8]. На фоне сказочных ландшафтов городов и провинций показана повседневная жизнь китайской общины в разных частях провинции Прато. Серия картин «Мигранты», выполненная осенью 2015 г. – зимой 2016 г., также дополнена работами в жанре фотографии, которые представляют собой одновременно и инструмент наблюдения, и модель к его живописным работам. Таким образом, художник стремится наладить связь между различными художественными методами и культурными реалиями.

Ещё одним представителем концептуального вектора «образ-смысл» в живописи Китая является художник Фань Лидзюнь. Персонажи его работ весьма специфичны – в большинстве своем это лылые люди с глупым взглядом, одетые очень ярко. Сам художник характеризует своих героев как собирательный образ современной китайской молодежи [9, с. 92]. В большинстве случаев Фань Лидзюнь располагает своих героев на фоне неба или воды. Кто-нибудь из них указывает на небо, двусмысленно ухмыляясь. Иногда целые толпы персонажей смотрят вверх в замешательстве, не зная о том, где они находятся и что они призваны делать. Такие произведения выражают неуверенность людей в будущем и одновременно интерпретируют отношения между властью лидера и чувствами масс.

Некоторые работы Фань Лидзюня представляют собой незаконченные части более крупных полотен. Фрагментарный характер таких картин художника открывает диалог, отношения между отдельными секциями в более крупной картине, которая зачастую создаётся позже [10, с. 89]. Таковы его произведения «№ 1» (1993 г.), «Серия 2 № 2 “Вой”» (1991–1993 гг.), «Без названия» (1998 г.), «2001.1.15» (2001 г.), «2004.7.15» (2004 г.).

Искусство Чжан Хуаня делает акцент на все более возрастающее влияние СМИ на мысли и эмоции человека. Свои живописные произведения он часто создает на основе фотографий, фрагментов газет. Художник практикует повторное использование печатных СМИ с целью подвергнуть сомнению их первоначальное предназначение. Во время биенале в Сан-Паулу (2006 г.) Чжан Хуань так объяснил концепцию своей работы: «Опыт использования средств массовой информации – это отдельный познавательный опыт. Вместе с тем СМИ участвуют в формировании целостной картины мира современного человека. Что касается меня самого, то я переживаю ещё и опыт художественного осмысления увиденного».

В 2003 г. художник создал арт-проект «Стирка», где разместил фотографии и живописные произведения, которые иллюстрировали гибель тысяч китайских солдат в боях с Японией во время Второй мировой войны [11, с. 57]. Чжан Хуань нашёл две документальные фотографии, на которых было запечатлено погребение заживо китайских солдат. На одной из фотографий струей воды под большим напором с поверхности земли смывали всё, что могло бы в дальнейшем свидетельствовать о месте массового захоронения. Подобными сюжетами автор раскрывает двойный смысл очищения исторической памяти: с одной стороны, это может происходить так, как на картине, в таком случае – это амнезия, с другой – возможно очищение путем раскаяния и катарсиса. В таком случае – это достижение подлинной чистоты.

Концептуальный вектор «понимание-смысл», в отличие от двух предыдущих, включает в себя ярко выраженную ссылку на субъективную составляющую. В данном случае произведение – это стремление автора к бескомпромиссному выражению своего понимания событий, про-

исходящих в стране и мире. Чаще всего в данный вектор попадают произведения поп-арта и циничного реализма. Также к данной категории можно отнести живопись женского движения Китая.

Поп-арт в Китае подразделяется на политический и культурный. Первый демонстрирует попытки понять политическую составляющую прошлого. Её традиционные визуальные проявления художник-концептуалист сталкивает с новейшими образами западной рыночной культуры. Таковы работы художника Вань Гуаньи.

В своих авангардных произведениях Вань Гуаньи часто совмещает несовместимые по содержанию образы: приемы поп-арта с принципами Дао, образ Христа и образ Мао, элементы соцреализма в живописи и капиталистические лозунги. Многие его работы выполнены в стиле «цветастого искусства» («яньсу ишу») и напоминают фильтрации солнечного света через калейдоскопические конструкции. Большое влияние на творчество Вань Гуаньи оказали его работа в Харбине (с 1986 г.) и включение в «Северную арт-группу». Вань Гуаньи был знаком с Шу Цюнь, Рен Цзянь и Лю Ян. В одном из своих интервью он рассказывает: «На севере была холодная погода, и в целом климат сопровождало ощущение тайны. Это повлияло на нашу концепцию работы. Мы стремились к рациональности, использовали преимущественно холодные цвета». В конце 80-х гг. XX века Вань Гуаньи создает серию черно-белых портретов Мао Цзэдуна с сеткой поверх изображения. Введя такую сетку в произведение, Вань Гуаньи стремился достичь двух целей. Во-первых, для него было важно дистанцироваться от образа Мао, каким тот был в детстве, – всемогущего, жестокого и инстинктивно любимого. Во-вторых, сетка Ваня отсылала зрителя к работам американского поп-арта с их многочисленными повторениями и цитированием [11, с. 82].

В 1990 г. вдохновленный своей работой художник начинает новую серию под названием «Великая Критика». Среди работ серии выделяется картина «Рембрандт Раскритикованный» (1990 г.). В ней Вань Гуаньи обращается к фрагменту картины «Урок анатомии доктора Тульпа» (1632 г.), добавляя в картину старого мастера элементы, опыт восприятия которых присутствует в сознании китайского зрителя, а именно атрибуты социалистического реализма. Оказавшись в ситуации, когда им нужно воспринять нечто совсем иное, и сопоставляя увиденное с тем, что было знакомо ранее, зрители получают качественно новый опыт. В данном случае результат – ни на что не похожая критическая интерпретация творения Рембрандта зрителем из Китая.

Содержание произведений, относящихся к живописи направления культурный поп-арт, строится вокруг современной популярной визуальной культуры (чаще всего рекламной). В рамках данного направления высмеивается вульгарность коммерческой культуры. Наиболее известными художниками, работающими в названном направлении, являются Цю Чжицзе, Цай Гоцян и Братья Лю [12].

Художника Цю Чжицзе представители американской и европейской художественной критики называют «интеллектуальным генератором в мире современного искусства из Китая». Его работы провокационные и красноречивые, нередко в одном произведении уживаются живопись, каллиграфия, видео, инсталляция. Показателен проект «Мост через реку Янцзы в Нанкине», в рамках которого Цю Чжицзе выставил ряд своих работ. Впечатляет его живописная серия «30 писем к Цю Живао» (2009 г.). Работы похожи скорее на размышления, чем на отражения реальности. Все картины выполнены в монохромной цветовой гамме, но исключительно искусной техникой. Художник использует совмещение нескольких несовпадающих двумерных пространств, сложные перспективы, завораживающие зрителя. Его композиции геометричны, но несимметричны, они несут утешение. Работы абстрактны по содержанию, однако их конкретизируют названия: «Не забывайте, в чем вы сомневались, когда были детьми», «Поднимайте тяжелые камни, как если бы они были чем-то легким», «Никто не может запретить вам украсть немного радости», «Помни, что однажды ты едва выжил». Эти названия очень похожи на прощальные записки или последние мысли грустных людей [13, с. 198].

На каждой из работ серии мы видим единый фон: мост, пространство под ним и небо над мостом. В своем интервью Цю Чжицзе отмечал, что в своем творчестве часто обращается к теме моста в Нанкине не случайно. Он известен большим количеством самоубийств, многие из кото-

рых были совершены и совершаются людьми с моста. Это грустное и символичное место. Одновременно это место величественное, место, в котором достаточно силы, чтобы прекратить страдание. «Я думаю, что мост в Нанкине более глубоко связан с памятью китайского народа, – отмечает художник. – Становясь взрослыми, мы получаем аттестат зрелости с изображением этого моста. Почти в каждой книге этот мост находится на второй странице... В прошлом в нашем обществе наиболее часто употреблялось слово «революция». Сейчас самое популярное слово – «успех». Не достигнув успеха, люди идут к этому мосту. Но сюда приходят и те, кто знал успех. Мост – их последний приют на пути с вершины. То же было и с революцией» [13, с. 92]. Цю Чжицзе анализирует самоубийство как феномен культуры вне времени. Вместе с тем художник акцентирует внимание на том, что во все времена нанкинские самоубийства были частью популярной культуры, продуктом разочарования в содержании цели, считавшейся ключевой (реализация идей революции ранее и культ успеха в настоящее время).

Ещё одним представителем направления «культурный поп-арт» является художник Цай Гоцянь. Концептуальная основа его творчества – положения восточной философии и социальная реальность Китая. Художник считает, что своими произведениями призван реагировать на современную культуру и давать актуальную интерпретацию истории, которая воспринимается им как история сожжений и восстановления из пепла. Цай Гоцянь известен своими картинами, созданными посредством воспламенения пороха на холсте или бумаге. Он также активно использует воспламеняющиеся частицы металла. Для него это способ выразить те состояния человека и общества, которые приводят к всплескам активности. Эти всплески, как взрывы, зона поражения при которых не всегда известна и оставляет отпечатки, расположения которых трудно предугадать. Вместе с тем художник, следуя традициям философии фэн-шуй, старается как можно лучше согласовать свои работы с окружающей средой, создавая потрясающие художественные пространства, как это было на выставке «Туда и обратно» в Йокогаме (Япония). В 2010 г. Цай Гоцянь создал потрясающую работу в Музее изобразительного искусства в Хьюстоне (США). Работа называется «Одиссея» и представляет собой изображения лесной чащи, цветов, гор и животных, на стене просторного зала музея. Работа выполнена в полную высоту стен. Интересно, что выбранная мастером техника позволяет создавать не только монохромные, но и цветные изображения. В серии картин «Сезоны жизни» Цай Гоцянь пытается передать смену сезонов и одновременно – смену чувственных состояний любви молодой пары. Первые, взрывные состояния влюбленности с течением времени приобретают все более гармоничное течение. Также и работы мастера очень чутки к смене этих состояний, что выражается как в составе материалов, так и в изменении образов главных героев [14].

Ещё одной ипостасью популярного искусства, связанного с культурой китайского общества, является живопись женского движения Китая. Женское движение китайской живописи включает художниц, чье мировоззрение сложилось под влиянием идей культурной революции, однако позже трансформировалось в эволюционирующий поиск «новой женщины», которая снова и снова возникает в Китае под влиянием нового исторического и социального опыта страны в условиях ускоренного развития. Первой к данной теме обратилась художница Пань Юйлян, которая стремилась отразить самоощущение современной женщины путем анализа собственного я, отраженного в автопортретах. Художницы Цю Ди, Сунь Доци, Чжан Цяньин продолжили поиски в этом направлении [15]. Среди наших современников выделяются работы Юй Хун. Она создает острые, пронзительные образы, стремясь передать женский опыт эволюции в условиях ускоренной трансформации и связанного с этим социального давления. Несмотря на напряженность подобной темы, Юй Хун избегает высокой драмы образов. Она стремится выразить повседневный опыт через нюансы выражений лиц и поз героинь. В каждой работе своей серии картин «Она» (начата в 2003 г.) Юй Хун показывает одну грань современного китайского женского опыта. На картинах изображены домохозяйки, профессора университетов, музыканты, женщины в повседневной ситуации вне дома и в домашней обстановке, в случайном помещении. Иногда к работам приложены фотографии героинь. Так зритель становится свидетелем удивительно доверительных отношений художницы и каждой её модели, а картина представляет собой диалог, заложенный в субъективном, особенном видении художником каждой женщины, её ситуации, эмоций.

Ещё одна серия картин Юй Хун называется «Смеющиеся сердца». Здесь представлены женское ощущение мира и субъективные реакции на возможность осуществить в нем полноту своих способностей и таланта, призвания и, одновременно, – полноту своей природы. Возможно ли такое в реальности? Многие из героинь погружены в такие размышления, и у каждой из них эти мысли вызывают индивидуальные эмоции. В работах «Вопросы к небу» (2010 г.), «Ребенок» (2008 г.), «Нарастающий ветер и объятия облаков» (2015 г.), исполненных в реалистическом стиле с использованием традиционных техник и смешения материалов (масло и частички металла, позолота, цементная крошка), чувствуется обостренное женское восприятие возникающих явлений действительности и потери привычных ориентиров. Работы пронизаны чувственностью и хрупкостью, одновременно они остро реалистичны, но без экзальтации, без нарастающей драмы [16, с. 152]. Каждая работа несет зрителю ощущение открытия противоречивого, беспокойного, но устойчивого женского мира, процесса его развития, приобретения нового опыта.

Заключение. Таким образом, спектр концепций в живописи Китая в начале третьего тысячелетия необычайно широк, однако можно выделить три основных концептуальных вектора, наметивших направления развития живописи Китая второй половины XX – начала XXI в. Интересно, что, опираясь на европейский и общемировой опыт выражения идеи художественного произведения, китайские художники непременно включали собственную национальную традицию в контекст художественного произведения: они либо опирались на неё, либо отвергали, стремились сопоставить с ней или противопоставить ей современное искусство. Часто это становилось возможным благодаря тому, что в китайской традиции живописи изначально содержатся универсальные и гибкие положения и теории.

Благодаря подобным феноменам китайская живопись (в условиях, когда, как и в Европе, содержание художественных произведений определяет принятие либо критика либеральных ценностей, а в работах все больше проявляются космополитизм, индивидуализм, бунтарство) смогла преодолеть кризис повторения концепций, не ограничивая актуальность современного искусства его поверхностным планом.

Список использованных источников

1. Левитт, С. Параграфы о концептуальном искусстве / С. Левитт // *Moscow ART Magazine*. – 2008. – № 69 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xz.gif.ru/numbers/69/paragr-concept/>. – Дата доступа: 16.04.2017.
2. Золотарева, Л. Р. Методы исследования в современном искусствоведении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/14_ENXXI_2014/Philosophia/1_169435.doc.htm. – Дата доступа: 31.07.2015.
3. Иванова, Ю. В. Традиционная живопись в современной культуре Китая / Ю. В. Иванова, Н. Ф. Яковлева // Уч. зап. Забайкал. гос. ун-та. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2013. – № 4(51). – С. 228–236.
4. Артемьева, Л. С. Основные интерпретационные стратегии современного искусствознания: метод. рекомендации к программе курса / Л. С. Артемьева. – М.: РГГУ, 1997. – 121 с.
5. Artlinkart database [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: http://www.artlinkart.com/en/artist/wrk_sr/deaiyAr. – Date of access: 19.02.2017.
6. Beijing Review China's National English news weekly [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: http://www.bjreview.com.cn/life/txt/2012-05/07/content_451160.htm. – Date of access: 19.02.2017.
7. Сяо, Чжоу. Краткий анализ «авангарда» в китайском искусстве / Чжоу Сяо // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 2. – С. 46–48.
8. Chae, Youn-Jeong. Film Space and the Chinese Visual Tradition: a dissertation Ph. D. / Youn-Jeong Chae. – New York University, 1997. – 570 p.
9. Бабушкина, О. В. Феноменолого-экзистенциальный подход к интерпретации абстрактной живописи: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / О. В. Бабушкина; Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 2004. – 204 с.
10. Чистякова, А. А. Смысл стиля: постмодернизм, демистификация и диссонанс в китайском авангардном искусстве после событий на площади Тяньаньмэнь / А. А. Чистякова, Чи Жэнь Джулия // Социол. обозрение. – 2010. – № 2. – С. 87–91.
11. Barnhart, R. Survivals, revivals, and the classical tradition of Chinese figure painting. Proceedings of the International Symposium on Chinese Painting / R. Barnhart. – Taipei: National Palace Museum, 1972. – 205 p.
12. Неглинская, М. А. Абстрактный экспрессионизм и китайская национальная живопись го-хуа конца XX века [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/Абстрактный_экспрессионизм_и_китайская_национальная_живопись_го-хуа_конца_XX_в. – Дата доступа: 07.05.2013.
13. Anagnos, A. Cultural Nationalism and Chinese Modernity. In *Cultural Nationalism in East Asia: Representation and Identity*, ed. Harumi Benu / A. Anagnos. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 356 p.

14. Bonnefanten museum Maastricht [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: http://www.bonnefanten.nl/en/exhibitions/baca_cai_guo_qiang/. – Date of access: 02.09.2016.
15. Artnet Auctions (gallery) [Electronic resource] / Artnet Worldwide Corporation. – New York, 2014. – Mode of access: <http://www.artnet.com/artists/pan-yuliang/past-auction-results>. – Date of access: 20.03.2015.
16. Hu, Ying. *Tales of Translation: Composing the New Woman in China, 1899–1918* / Ying Hu. – Stanford: Stanford University Press, 2000. – P. 112–225.

References

1. Levitt S. Sentences of Conceptual Art. *Moskow ART Magazine*, 2008, № 69. Available at: <http://xz.gif.ru/numbers/69/paragr-concept/>, (Accessed 31 July 2017).
2. Zolotareva L. R. The methods of research in contemporary ars science. Available at: http://www.rusnauka.com/14_ENXXI_2014/Philosophia/1_169435.doc.html, (Accessed: 13 February 2017).
3. Ivanova Iu. V., Iakovleva N. F. Traditional painting in Chinese contemporary culture. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsyal'naya rabota* [Scientific notes of Transbaikalian State University. Series: Philosophy, Sociology, Culturology, Social Work], 2013, no. 4(51), pp. 228–236. (in Russian)
4. Artem'eva L. S. *The main interpretation strategy of contemporary art: method. recommendations for the course program*. Moscow, RGGU, 1997. 121 p. (in Russian)
5. Artlinkart database. Available at: http://www.artlinkart.com/en/artist/wrk_sr/dcaiyAr, (Accessed: 19 February 2017).
6. Beijing Review China's National English news weekly. Available at: http://www.bjreview.com.cn/life/txt/2012-05/07/content_451160.html, (Accessed: 19 March 2017).
7. Siao Chzhou. Short analyze of “avangard” in Chinese art. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 2015, no. 2, pp. 46–48.
8. Chae, Youn-Jeong. *Film Space and the Chinese Visual Tradition*. Ph. D. Thesis. New York University, 1997. 570 p.
9. Babushkina O. V. *Phenomenological-and-existence approach to abstract art interpretation*, Abstract of Ph. D. dissertation, Aesthetics, Perm State Technical University. Perm, 2004. 24 p. (in Russian)
10. Chistiakova A. A., Zhan'Dzhuliia Chi. The sense of style: postmodern, demystification and dissonance in China avangard art after accident on Tiananmen Square. *Sotsyologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2010, no. 2, pp. 87–91. (in Russian)
11. Barnhart, Richard. Survivals, revivals, and the classical tradition of Chinese figure painting. *Proceedings of the International Symposium on Chinese Painting*. Taipei: National Palace Museum, 1972, pp. 143–205.
12. Neglinskaja M. A. Abstract expressionism and Chinese national painting “go-hua” at the end of XX century. Available at: http://www.synologia.ru/a/Абстрактный_экспрессионизм_и_китайская_национальная_живопись_го-хуа_конца_XX_в., (Accessed: 7 May 2013). (in Russian)
13. Anagnos, A. Cultural Nationalism and Chinese Modernity. In *Cultural Nationalism in East Asia: Representation and Identity*, ed. Harumi Benu. Berkeley, University of California Press, 1993. 356 p.
14. Bonnefanten museum Maastricht. Available at: http://www.bonnefanten.nl/en/exhibitions/baca_cai_guo_qiang/, (Accessed: 2.09.2016).
15. Artnet Auctions (gallery). Available at: <http://www.artnet.com/artists/pan-yuliang/past-auction-results>, (Accessed: 20.03.2015).
16. Hu, Ying. *Tales of Translation: Composing the New Woman in China, 1899–1918*. Stanford: Stanford University Press, 2000, pp. 112–225.

Информация об авторе

Артёмова Елена Викторовна – аспирант. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: alienakropka@mail.ru.

Information about the author

Elena V. Artsiomova – Postgraduate Student, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: alienakropka@mail.ru

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

УДК 821. 161. 3. 09 – 3 «19»

Паступіў у рэдакцыю 17.07.2017
Received 17.07.2017

І. М. Шаладонаў

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*

**«КАНЦЭПЦЫЯ ЧАЛАВЕКА» Ў МАСТАЦКА-ЭСТЭТЫЧНАЙ ПРАСТОРЫ
БЕЛАРУСКАЙ АПОВЕСЦІ XX СТАГОДДЗЯ**

Анотацыя. Рассматривается развитие белорусской прозы XX столетия в жанре повести через призму понятия «идеи человека». Подтверждается тот аспект, что согласно выдвинутой теории В. М. Головки развитие «идеи человека» в художественном произведении явственно преломляется как через воплощение «концепций личности», что характерно для раскрытия романного типа произведений, так и в «концепции человека», которая наиболее точно соответствует художественно-эстетическому принципу воплощения «архаики» жанра повести. Доказывается, что «пафос субъективности», который характерен для белорусской повести XX столетия, имеет ярко выраженный и концентрированный нравственно-этический потенциал, позволяющий этому жанру поднимать широкую проблематику социально общественных и философско-исторических вопросов жизни и бытия. «Архаика» повести, её концептуально-художественное «ядро» позволяют раскрывать жизненный тонус бытия и самобытную проявленность человеческого характера в полном его самовыражении и напряжённости при самых оптимальных средствах выражения и раскрытия социальной «среды». Обосновывается, что герой повести чаще всего остаётся «равным самому себе», выполнив до конца свою художественно-этическую задачу воплощения, в отличие от героя романа, который вечно находится в положении открытости к современности, в позиции «незавершённости», и потому «не равен самому себе». Подчеркивается, что белорусская повесть XX столетия стала активным и наиболее востребованным жанром отечественной литературы, который нашёл свое воплощение в творчестве таких ярких её представителей, как Я. Колас, М. Горецкий, З. Бядуля, К. Чорный, М. Зарецкий, И. Шамякин, В. Быков, И. Науменко, Я. Брыль, И. Чигринов, В. Козько, И. Пташников, А. Кудравец, А. Федоренко, А. Козлов и др.

Ключевые слова: художественная литература, герменевтика, проза, жанрология, эстетика, повесть, роман, «архаика жанра», «идея человека», «концепция личности»

Для цитирования. Шаладонаў, І. М. «Канцэпцыя чалавека» ў мастацка-эстэтычнай прасторы беларускай аповесці XX стагоддзя / І. М. Шаладонаў // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 94–102.

I. M. Shaladonau

Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**THE CONCEPT OF MAN IN THE ARTISTIC AND AESTHETIC SPACE OF THE 20th CENTURY
BELARUSIAN STORY**

Abstract. The article deals with the problem of the development of the Belarusian prose of the 20th century in the genre of the story through the prism of the concept of “human idea”. This aspect is confirmed that according to the advanced theory of V. M. Golovko, we also consider that the development of the of “human idea” in a work of art is clearly refracted, both through the embodiment of “concept of man”, which is characteristic for the discovery of the novel’s type of works, and in “concept of a person”, which most closely corresponds to the artistic and aesthetic principle of the embodiment of the “archaic” genre of the story. It is proved that the “pathos of subjectivity”, which is typical for the Belarusian story of the twentieth century, has a pronounced and concentrated moral and ethical potential that can allow this genre to have a wide range of issues of social, philosophical and historical questions of life and being. “Archaic” of the story, its conceptual and artistic “core” allows us to reveal the vital tone of being and the manifestation of the human character in its full self-expression and tension with the most optimal means of expression and disclosure of the social “environment”. The point of view that the hero of the story most often remains as “equal to himself”, having fulfilled his artistic and ethical task of incarnation, in contrast to

the hero of the novel, who is forever in a position of openness to the present, in the position of “incompleteness”, and therefore as “not equal to himself”. It gets an idea that the Belarusian story of the 20th century has become an active and the most demanded genre of national literature, which is found its embodiment in the works of such bright representatives as Y. Kolas, M. Goretsky, Z. Bedulya, K. Chorny, M. Zaretsky, I. Shamyakin, V. Bykov, I. Naumenko, J. Bril, I. Chigrinov, A. Kaz’ko, I. Ptashnikov, A. Kudravets, A. Fedorenko, A. Kozlov, and etc.

Keywords: fiction, hermeneutics, prose, anthology, aesthetics, narrative, novel, “genre archaics”, “human idea”, “concept of personality”

For citation: Shaladonau I. M. The Concept of Man in the Artistic and Aesthetic Space of the 20th Century Belarusian Story. *Vestsi Natsyional'nei akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 94–102 (Belarusian).

Сацыяльна-гістарычны рух беларускай культуры пачатку XX стагоддзя непасрэдна звязаны з агульным развіццём і фарміраваннем у ёй шматпланавай самабытнай дыскурсіўнай мастацка-аксіялагічнай прасторы з яе паступальным працэсам пашырэння камунікатыўных і культурна-ідэйных стратэгий. Асабліва інтэнсіўную форму змянення і абнаўлення набывала праблема нацыянальнай самаідэнтыфікацыі беларуса як годнага, «суб’ектнага» прадстаўніка сярод іншых народаў Расійскай імперыі. «Ідэя чалавека» становілася вузлавым і дамінантным дыскурсам не толькі сацыяльна-палітычнага жыцця, але і культурна-практычнага засваення ўсімі відамі мастацтва і літаратуры ў першую чаргу. Найбольш важную ролю ў станаўленні гэтай дыскурсіўнай мастацкай прасторы адыграла культурна-асветніцкая і выдавецкая дзейнасць газет «Наша Доля» і «Наша Ніва», затым часопісаў «Маладняк», «Полымя», з нетраў якіх вылучылася цэлая плеяда творцаў, такіх як Я. Купала, Я. Колас, Цётка, Ц. Гартны, М. Гарэцкі, В. Ластоўскі, А. Гарун, З. Бядуля, К. Чорны, М. Зарэцкі, М. Лынькоў і многія іншыя.

Сама ж літаратура ў дадзеным паступальным руху ўяўляе сабой вельмі складаную і шматаспектную структурную сістэму, якая на розных паэтыка-стылістычных узроўнях шукае і знаходзіць свой спецыфічны спосаб падыходу да адлюстравання эстэтычнага і духоўнага апрадмечвання ўяўленняў і паняццяў пра чалавека і яго адносіны са светам.

Менавіта праз паняцце чалавека як універсальнай эстэтычнай адзінкі і катэгорыі найбольш поўна раскрываецца шматаспектная літаратуразнаўчая задача і звышзадача ў пазнанні сутнасці быцця свету як анталогічнай формы ўсведамлення свету чалавекам у сабе і свету па-за сабой.

Адным з такіх вызначальных узроўняў у авалоданні эвалюцыі пазнання эстэтычнай і духоўнай сутнасці прыроды літаратуры выступае жанрава-відавая сістэма функцыянавання прыгожага пісьменства. Ужо ў старажытных паэтыках Платона і Арыстоцеля адзначаюцца асноўныя прынцыпы падзелу літаратуры на значныя жанрава-відавоя разгалінаванні славеснай практыкі, вядзецца праца па выдзяленні і абгрунтаванні ў ёй вершаванай, пражычнай і драматургічнай асобнасці.

Развіваючы ў далейшым паэтыку літаратуры, тэарэтыкі мастацтва змаглі вылучыць і распрацаваць яшчэ больш глыбінную партыкулярную сістэму ўзаемазвязаных жанрава-відавоя разнавіднасцей мастацкай сістэмы твораў сусветнай літаратуры. Адно з цэнтральных месцаў у гэтай сістэме займае навука вывучэння тэорыі жанраў – жанралогія.

Вядомы рускі філолаг канца XIX – пачатку XX стагоддзя А. М. Весялоўскі ў сваёй «Гістарычнай паэтыцы...» падкрэслівае, што «жанр – гэта непасрэдна арыентаванае слова, як пэўны факт, а дакладней, як гістарычнае здзяйсненне, падзея ў грамадскай рэчаіснасці» [6, с. 523]. Паглыбляючы паэтыка-тэарэтычны аналіз і даследаванне жанравага напаўнення і функцыянавання літаратуры, рускі тэарэтык М. М. Бахцін у сярэдзіне XX стагоддзя даводзіць свой погляд на сутнасць развіцця літаратурнага працэсу, заяўляючы, што «мастак павінен навучыцца бачыць рэчаіснасць вачамі жанру» [2, с. 182]. Жанр, на яго думку, выступае заўсёды як «... прадстаўнік творчай памяці ў працэсе літаратурнага развіцця» [2, с. 142].

Зыходзячы з гэтай пазіцыі, можна канстатаваць, што амаль кожны мастацкі твор у сваім функцыянаванні, як вядома, адначасна арыентаваны не толькі на знешні свет, але і спецыфічна змяшчае ў сабе пэўную рэфлексію на самога сябе, дзе і сфакусіравана адна з яго вызначальных эстэтычных задач, яго здольнасць «паказаць сябе», і гэтым самым заявіць пра сябе як пра аўтаномную, «жывую» рэальнасць. Так, у сваім рамане-эсэ «Мастацтва рамана» М. Кундэра, на наш погляд, выказаў наступную слушную думку: «... творчасць усякага раманіста заўсёды пад-

спудна ўбірае ў сябе і погляд на гісторыю самога рамана, і на тое, што сабой уяўляе сам раман» [10, с. 7].

Сутнасць гэтага выказвання добра высвятляе важную для нас дэталю, што жанравая структура твора заўсёды нясе ў сабе значную інфармацыю не толькі пра змястоўную частку апавядальнай гісторыі, але і шмат у чым дапаўняе і ўдакладняе сам гістарычны рух развіцця літаратурнага і нават сацыяльна-грамадскага працэсу. У той жа час М. М. Бахцін аднойчы слухна заўважыў, што жанры – «... гэта менавіта той пас, які лучыць гісторыю грамадства з гісторыяй мовы» [4, с. 165].

Гэта пераканаўча сведчыць аб тым, што ў жанравай структуры твора прыхавана вызначальная і сутнасная характарыстыка эстэтычнай і ідэйнай прыроды мастацкага асэнсавання рэчаіснасці аўтарам. Жанр найчасцей выступае і як мера аўтарскага спосабу светапазнання, светабачання, і становіцца адным з цэнтральных кропак перакрывавання розных пластоў мастацкага засваення і выяўлення рэчаіснасці і вобраза самога чалавека.

Аповесць як літаратурнае паняцце мае даўнюю ўсходнеславянскую пісьмовую традыцыю, якая бярэ пачатак яшчэ ў сярэдневяковы перыяд гісторыі развіцця літаратуры, а затым знаходзіць сваё шырокае прымяненне ў новай і сучаснай рускай, беларускай і ўкраінскай літаратурах. Гэты жанр, па сутнасці, не мае аналагаў у заходнееўрапейскай прозе. У тэарэтычных працах замежных вучоных аповесць у адрозненне ад рамана, апавядання, ці навелы і іншых апавядальных жанраў не фіксуецца наогул, там аналагам аповесці найчасцей выступае белетрызаваная навела ці кароткі раман.

Як паўнаўартасны літаратурны жанр у сучасным навукова-тэарэтычным афармленні аповесць пачала вызначацца ў 20–30-я гады XIX стагоддзя. З гэтага перыяду яна праз рэалістычную творчасць такіх вядомых рускіх пісьменнікаў, як А. С. Пушкін, М. В. Гоголь, набыла ўжо пэўны тэарэтыка-метадалагічны статус літаратуразнаўчага жанравага вызначэння ў працах вядомых рускіх даследчыкаў В. Р. Бялінскага, М. І. Надзеждзіна і інш.

У айчынным літаратуразнаўстве спачатку ў газетах «Наша доля», «Наша ніва», а затым у часопісах «Маладняк», «Полымя», «Узвышша» і іншых актыўна пачалі друкавацца крытычныя і гісторыка-тэарэтычныя артыкулы. Праблемы, пастаўленыя ў гэтых даследаваннях, мелі вялікае значэнне для паглыблення навуковай тэорыі айчыннай мастацкай прозы, тэорыі жанраў і стыляў. Тут можна спаслацца, у прыватнасці, на некаторыя артыкулы Я. Карскага, І. Замоціна, А. Вазнясенскага, М. Піятуховіча, Я. Барычэўскага, А. Бабарэкі, Ю. Бярозкі, М. Байкова, Ф. Купцэвіча і інш. Важную ролю ў даследаванні дыялектыкі развіцця жанравай спецыфікі беларускай прозы адыгралі акадэмічныя працы «Беларуская савецкая проза. Раман і аповесць» (1971), «Беларуская савецкая проза. Апавяданне і нарыс» (1971) і іншыя манаграфічныя выданні.

Пісьменнікі, крытыкі, літаратуразнаўцы заўсёды імкнуцца вось ужо на працягу амаль двух стагоддзяў дакладна вызначыць і класіфікаваць аповесць у шэрагу іншых жанраў эпічнай прозы, вызначыць яе кананічнае ядро. Гэта застаецца актуальным і для сучаснай тэарэтычнай практыкі, асабліва рускага літаратуразнаўства. У сучасных тэарэтычных працах М. Бахціна, А. Уцехіна, Н. Тамарчанкі, В. Цюпы, В. Галаўко і іншых рускіх даследчыкаў была распрацавана даволі змястоўная тэарэтычная база ў праблематыцы вывучэння месца аповесці ў гісторыі рускага літаратурнага працэсу.

Трэба адзначыць тую акалічнасць, што жанр аповесці ў беларускай тэорыі і гісторыі літаратуры да сённяшняга часу застаецца найменш вывучаным, а таму і найбольш цікавым і запатрабаваным для вывучэння эпічнай прозы. У індывідуальных тэарэтычных працах і абагульняючых гісторыка-літаратурных даследаваннях многіх айчынных літаратуразнаўцаў часта адзначаецца той факт, што жанр аповесці вельмі актыўны, апэратыўны, лабільны, гібрыдны і што існуючыя межы паміж аповесцю і апавяданнем, аповесцю і раманам вельмі рухомыя, што жанравыя асаблівасці аповесці цяжка ўлоўныя для афармлення ў навуковыя катэгорыі, паколькі аповесць займае сярэдняе прамежкавае месца паміж раманам і апавяданнем і як бы растварае свае прыкметы ў іх мастацкіх структурах. Разам з тым часта сустракаецца такі пункт гледжання, калі даследчыкі падаюць аповесць як амаль падрыхтоўчы этап у падыходзе пісьменніка да рамана і апапейнага спосабу мыслення, нівеліруючы тым самым яе сутнасную структурную, мастацка-вобразную і канцэптуальна-змястоўную аўтаномнасць і ўнікальнасць. Але найбольш

распаўсюджанай у нашым літаратуразнаўчым дыскурсе застаецца думка, выказаная яшчэ В. Бялінскім, што аповесць – гэта амаль тое самае, што і раман, толькі меншых памераў. Інакш кажучы, аповесць – гэта толькі разнавіднасць буйной эпічна-раманнай формы. Вось якую думку аб працэсе развіцця беларускай прозы выказаў вядомы беларускі даследчык П. Дзюбайла: «Станаўленне савецкага рамана і аповесці непасрэдна звязана як з працэсам сінтэзу новага ўспрымання новай рэчаіснасці, так і з пашырэннем, узбагачаным разуменнем класічнага рамана, крытычнага рэалізму наогул. Іменна на гэтай глебе вырастала сапраўднае наватарства, бо толькі тое наватарства сапраўднае, якое звязана не са знешнімі прыкметамі мастацкай формы, а з канцэпцыяй жыцця, героя, з самімі прынцыпамі творчага асваення рэчаіснасці...» [8, с. 13].

Неабходна адзначыць і тое, што беларускія даследчыкі жанралогіі не маглі не заўважыць і выдзеліць такую з’яву, як літаратурна-мастацкая актыўнасць і градацыя праяўленасці розных жанраў прозы ў той ці іншы сацыяльна-гістарычны момант. Слушную думку выказвае даследчык літаратуры XX стагоддзя М. Мушынскі: «Сярод жанраў беларускай прозы пачатку 30-х гадоў асноўнае месца займала аповесць. Разам з нарысам, апавяданнем яна аказвалася самым прадстаўнічым і найбольш распаўсюджаным жанрам. Галоўным аб’ектам адлюстравання ў аповесці былі новыя, эстэтычныя, неасвоенныя пласты і сферы жыцця, новыя бакі *грамадскай практыкі чалавека*. Не будзе перабольшаннем сказаць, што аповесць вызначала аблічча ўсёй тагачаснай прозы, узровень яе ідэйна-мастацкай сталасці» [12, с. 96].

Нярэдка пісьменнікі і літаратуразнаўцы самі адвольна і па-рознаму вызначаюць жанр аднаго і таго ж твора, называючы яго адначасова то аповесцю, то раманам, то аповесцю ці апавяданнем. Гэта, напрыклад, назіралася ў выпадку з першай часткай трылогіі Я. Коласа «На ростанях» «У Палескай глушы». Тыповая аповесць у шэрагу выпадкаў з’яўлялася з падзагалоўкам – апавяданне, хоць Я. Колас з самага пачатку заяўляў аб гэтым творы як частцы задумы будучага рамана. Тое ж самае можна прыгадаць і пра напісанне першай часткі рамана-тэтралогіі Ц. Гартнага «Сокі ціліны», якая спачатку выйшла ў выглядзе аповесці пад назвай «Бацькава воля».

У метадалогіі вывучэння аповесці ў айчынным літаратуразнаўстве вельмі слаба і павярхоўна закраналіся гістарычны і тэарэтычна-мастацкі аспекты паглыбленага вывучэння генезісу гэтага жанру ў нацыянальным літаратурным працэсе, яго месца ў агульным руху развіцця беларускай прозы і літаратуры наогул. Нам думаецца, што творчае, больш фундаментальнае засваенне здабыткаў паэтыкі і стылістыкі беларускіх «ананімных» паэм «Энеіда наываварат», «Тарас на Парнасе», сацыяльна-бытавых паэм В. Дуніна-Марцінкевіча, Ф. Багушэвіча, а таксама белетрызаваных аповесцей і апавяданняў руска-беларускіх пісьменнікаў канца XIX стагоддзя Я. Брайцава, Д. Лапо, Д. Бохана, А. Пшчолкі і інш. стала б адным з магістральных шляхоў у развіцці і станаўленні жанру аповесці XX стагоддзя.

Канец XIX – пачатак XX стагоддзя быў тым перыядам у развіцці беларускай славеснасці, калі апавядальныя жанры ўступалі ў актыўны дыялог як з «моўным і стылёвым вопытам» набыткаў папярэдніх актыўных нацыянальных жанраў, так і перспектыўным засваеннем камунікатыўнага, публіцыстычнага і мастацкага асяроддзя агульнай акаляючай стыхіі народнай культуры.

Вельмі цікавым фактам нам падаецца тое, што ў паэме «Тарас на Парнасе» ў якасці станоўчых герояў паказаны вобразы дэмакратычных аўтараў А. Пушкіна і М. Гоголя, творчасць якіх на той перыяд ярка засвяцілася ў сферы рэалістычнай прозы і найперш жанру аповесці. Менавіта аповесці гэтых аўтараў сталі тым «новым словам» у дыялагічным дыскурсе асваення побытавага і грамадскага-сацыяльнага звароту да тэмы «маленькага чалавека» як асноўнага героя і пратаганіста новага мастацка-культурнага наратыву літаратуры.

У літаратуразнаўчай навуцы XX стагоддзя сярод тэарэтыкаў літаратуры відавочным з’яўляецца тое, што аб’ём тэксту не можа быць вызначальным, агульным і цэнтральным прынцыпам у паказе жанравага канона аповесці. Яго пошук лепш за ўсё трэба было пачынаць з праблемы паяднання паняццяў зместу і формы твора, у знаходжанні «залатога звяна» структуры жанру, «у пафасе суб’ектыўнасці» (паводле В. Бялінскага), у вызначэнні яго «архаікі», а таксама з вывучэння сутнаскага, прадметнага і тэматычнага цэлага твора ў яго канцэптуальнай завершанасці.

«Архаіка» жанру, як вядома, можа выступаць у сваім двайным варыянце выяўлення: ці як пераважанне ў творы вобразаў этнаграфічнай і моўнай традыцыі матэрыяльна-цяслеснага пачатку жыцця самога цела, ежы, пітва, пры гэтым матэрыяльна-цяслесны свет паказваецца ў шырокім стылёва-вобразным афармленні. Так, характарызуючы такі мастацка-стылістычны падыход, Н. Лейдерман зазначае, што «“неўміручыя элементы архаікі” – гэта знакі лакальнай па часе і прасторы касмаграфічнай жанравай мадэлі свету ... гэта ўнутраны свет твора (“мірок”, як яго называў Тургенеў), які ўцягваецца ва ўсяленскі кантынуум, становіцца яго каштоўнасным ядром і трапляе на суд ідэала гарманічнага светаўладкавання як абсалютнай эстэтычнай меры чалавечага існавання» [11, с. 84].

Уважліва аналізуючы апавядальную прозу пачатку XX стагоддзя, айчынная літаратурная крытыка бачыла і адзначала яе слабыя бакі. Найперш гэта тычылася перакосу ў раскрыцці героя і «асяроддзя», а таксама ў празмерным панаванні бытавізму, хранікальнасці, пераважанні апавядальнай стыхіі апісальніцтва над рухомасцю сюжэта, праз якія слаба прасвечваліся сацыяльныя пытанні жыцця, грамадскія аспекты часу.

Асабліва ў гэтым плане даставалася першым дзвюм аповесцям-часткам рамана Ц. Гартнага «Сокі цаліны» – «Бацькава воля» і «На перагібе». Крытыкі зазначалі, што асобныя раздзелы аповесцей чытаюцца «надзвычайна нудна, без якой бы то ні было цікавасці і захаплення», што залішня ўвага аўтарам надаецца момантам «бытавога характару» і адчуваецца «тлусты налёт натуралістычнасці» [13, с. 109].

У поглядах іншых тэарэтыкаў літаратуры «архаіка жанру» выступае найперш тым цэментуючым родавым ядром твора, які захоўвае сваю першавызначальную традыцыю, «архэ» – структуру жанру. Такім «архэ-ядром» для вядомага расійскага даследчыка жанралогіі В. М. Галаўко выступае для жанру аповесці «канцэпцыя чалавека» ў яе суадносінах з самой ідэяй чалавека ў мастацка-ідэйным і эстэтычна-каштоўнасным выяўленні. Так, ён слушна, на нашу думку, зазначае, што «ў аповесці жанраваабумоўленым фактарам з’яўляецца “канцэпцыя чалавека”. Менавіта гэтым фактарам вызначаецца яе “архаіка”, устойлівасць жанравай структуры» [8, с. 45].

Вельмі сімптаматычным з’яўляецца і тое, што шматлікія аспекты тэорыі жанру разглядаюцца многімі сучаснымі вучонымі на аснове герменеўтычнага падыходу да дыялектыкі адзінства зместу і формы. Так, у сучаснага даследчыка рускай літаратуры А. М. Андрэева характар працэсу ўзаемаадносін паміж зместам і формай, іх узаемнага прыцягнення тлумачыцца праз ярка выражаную антрапалагічную скіраванасць досведу. Даследчык даводзіць да нас тую сваю аксіяматычную думку, што ўся «інфармацыя», якая існуе ў творы, «факусіруецца ў вобразна прад’яўленай “канцэпцыі асобы”, якая ў сваю чаргу можа быць аналітычна “раскладзена”, а затым цэласна ўзноўлена шляхам стратэгіі мастацкай тыпізацыі» [1, с. 13].

«Канцэпцыя асобы», на думку даследчыка, найбольш поўна абумоўлівае і змяшчае ў сабе ўстойлівасць тыпу жанравай структуры твора, а таксама дазваляе рэалізаваць спецыфічныя індывідуальныя спосабы мастацкага мыслення і вербальнай рэалізацыі пісьменніка.

Так, паводле выказвання французскага тэарэтыка культуры М. Бланшо, «літаратура як абыдзёная мова пачынаецца з канца, бо менавіта толькі канец дазваляе штосьці вартаснае зразумець. Каб гаварыць, нам трэба бачыць смерць, бачыць яе ззаду» [5, с. 43 – 44].

Для нас важна ў гэтым выказванні тая думка, што ў кожным дыялагічным выказванні (а любы мастацкі твор гэта таксама ёсць дыялагічнае выказванне) неабходна, каб была прысутнасць цэльнасці разумення агульнага кантэксту дыялогу, які адбываецца. Менавіта такі падыход будзе мець, нам думаецца, прадукцыйны спосаб даследавання, дзе праз вызначэнне жанравай структуры твора выразна будуць праглядацца такія яго складнікі, як тэматычная арыентацыя на жыццё жанру, на абумоўленыя задумай аўтара яго спецыфічныя спосабы і сродкі бачання і разумення рэчаіснасці, а таксама характар выяўлення іпастасі чалавека як галоўнага «актора» містэрый жыцця і быцця свету.

Такая думка пра жанр у першую чаргу звязана з выяўленнем яго ўнутранага патэнцыялу, змястоўных магчымасцей дадзенай жанравай структуры, што ў канчатковым выніку і вызначаецца неабходнасцю эстэтычнага засваення новых аспектаў у адносінах чалавека да свету, пазнання самой зменлівай гістарычнай рэчаіснасці, яе эпахальнай своеасаблівасці і значнасці.

Згодна з пунктам погляду М. М. Бахціна, вывучэнне жанру падразумявае раскрыццё эстэтычнай прыроды пазнавальных магчымасцей. На думку гэтага рускага тэарэтыка і філосафа літаратуры, «мастак не проста ўпіхвае падрыхтаваны матэрыял у гатовую прастору твора. Прастора твора сама павінна служыць яму для адкрыцця, бачання, разумення і адбору матэрыялу» [3, с. 136]. Дзякуючы гэтаму і ўзнікаюць розныя «оптыкі» і ракурсы аўтарскага бачання жыцця «вачыма» ці рамана, ці аповесці, ці апавядання.

Кожны сапраўдны мастацкі твор, будучы індывідуальным, адзіным, наватарскім, заўсёды захоўвае ў сабе сваю архаіку, свае пэўныя жанравыя рысы і спосабы па авалодванні хуткаплынай рэчаіснасцю, але ў першую чаргу ў пазнанні ролі і сутнасці чалавека, яго духоўнай прыроды ў дадзеным гістарычным кантэксце.

«Архаіка» любога жанру вызначаецца перш за ўсё асаблівасцямі паказу чалавека ў яго адносінах да свету, гэта яго «ядро», сэнсавы цэнтр. Менавіта «архаіка» вызначае накіраванасць фарміравання цэласнасці светабачання аўтара, стварае гарызонт перспектывы паводзін герояў і персанажаў твора, дазваляе стварыць сюжэтна-фабульнае поле сітуацый сэнсаскладання.

Менавіта жанры і валодаюць гэтымі пэўнымі прынцыпамі адбору мастацкага і жыццёвага матэрыялу і віртуозна аперыруюць рознымі формамі гістарычнага бачання і разумення рэчаіснасці. Яны ў сваёй функцыянальнай дзейнасці пацвярджаюць вядомы філасофскі пастулат, згодна з якім, «не пазнанне параджае патрэбнасць да разумення, а наадварот, патрэба ў разуменні вядзе да пазнання» [9, с. 147].

Больш таго, сённяшняе літаратуразнаўства, асабліва ў рамках філасофіі герменеўтыкі, навукі аб інтэрпрэтацыі тэкстаў, змястоўна і настойліва ўзнямае праблему аб анталагічным статусе разумення, у тым ліку і ў пытанні літаратурнага жанру. Так, сусветна вядомы філосаф-герменеўтык Гадамер у сваёй знакамітай працы «Ісціна і метад. Асновы філасофіі герменеўтыкі» зыходзіць з пазіцыі вучэння аб «гермеўтычным коле», у аснове якога змяшчаецца пастулат-сцвярджэнне аб утрыманні ў частцы сэнсу цэлага і, наадварот, у цэлым сутнасці часткі, што сведчыць аб асаблівай ролі ў гэтым герменеўтычным «механізме» функцыянавання мыслення, якую адыгрывае працэс «прадразумявання», папярэдняга ўгадвання сэнсу як працэсу, які вызначальна задае рамкі светабачання для аўтара. Гэта думка вельмі блізкая для папярэдніх роздумаў філосафа Гегеля, які аднойчы трапна зазначыў аб праяўленасці *свячэння ўсеагульнага ў індывідуальным, частковым*.

Спецыфічная канцэпцыя чалавека ў яго адносінах да навакольнага свету ў прасторы эпічных жанраў прозы шмат у чым вызначае характар тэматычнага завяршэння і сутнасць зместу твора, а таксама яго формы «аб'ёму» і фарміруе асаблівасці мастацкага завяршальнага афармлення мастацкай цэласнасці. Адбываецца абнаўленне «ідэі чалавека», якая знаходзіцца ў цэнтры творчай метадалагічнай дынамікі развіцця жанру аповесці ў XX стагоддзі, з яе тыповай рысай да зменлівасці, рухомасці ва ўзаемадзеянні з іншымі жанрамі. Менавіта дынамізм жанравай структуры забяспечваў «жыццядзейнасць» беларускай аповесці ў XX стагоддзі.

Беларуская аповесць выступала на паверку жанрам, які даваў магчымасць пашырыць абсягі раскрыцця дыялагічнасці мастацкага слова з гістарычнай сацыяльнай зададзенасцю і павелічэннем фокуснай перспектывы погляду ў будучыню, уводзячы ў нацыянальную літаратуру розныя кірункі стылёвых і мастацкіх плыняў рэалізму, рамантызму, мадэрнізму. Прыгадаем аповесці Я. Коласа «У Палескай глушы», М. Гарэцкага «Дзве душы», В. Ластоўскага «Лабірынты», З. Верас «Каханне», З. Бядулі «Салавей» і інш.

Пашырэнне граніц паказу жыцця выразна выяўляе характар развіцця беларускай аповесці пачатку XX стагоддзя ў яе гісторыка-эстэтычным развіцці з пастаноўкай шырокай гамы шматаспектных сацыяльна-бытавых, маральна-філасофскіх і духоўна-экзістэнцыяльных праблем вельмі бурлівай грамадска-палітычнай рэчаіснасці.

У гэты перыяд у айчынным прозе актывізуюцца, узмацняюцца і ўдасканальваюцца наяўныя толькі жанру аповесці прынцыпы, формы і сродкі мастацкага абагульнення, паглыбляецца аналітызм у паказе цэласнага быцця чалавека, у пазнанні розных узроўняў сувязей паміж каштоўнасцямі агульнасацыяльнага і агульначалавечага, сацыяльна-гістарычнага і сацыяльна-канкрэтнага, а таксама і «індывідуальнага» ў вобразах-тыпах: пасіянарнага, лімінарнага тыпу

характараў, больш гібкімі становяцца і сувязі паміж рознымі спосабамі функцыянавання мастацкай сістэмы.

Безумоўна, жанр рэагуе на канкрэтна-гістарычнае разуменне сутнасці чалавека ў яго адносінах са светам, характэрнай той ці іншай эпосе, але гэта ў большай меры адбываецца на спосабах асваення жыцця. Як вядома, «ідэі часу», па словах В. Бялінскага, заўсёды знаходзяць сваё адэкватнае выяўленне ў «формах часу», дзе пазнавальную прыроду жанру характарызуе не толькі структурная «сума кампанентаў», а яшчэ і эстэтычная і аксіялагічная завостранасць і якасць «сэнсаўтваральнага цэлага».

Прыгадаем толькі для прыкладу невялікі навелістычны твор Ф. Багушэвіча «Тралялёначка». Ф. Багушэвіч у гэтым творы, на вобразе Бартка Саска, намеціў і абмаляваў новы тып нацыянальнага характару, які толькі нараджаўся, – буржуа, які нясе ў сабе гібрыдную форму чалавека новага ладу жыцця. Канцэпцыя зараджэння новай генерацыі-праслойкі людзей, якія ўлоўліваюць найбольш значныя і характэрныя рысы гэтай пераходнай новай капіталістычнай эпохі, і становіцца асноўным пафасам твора. «Тралялёначка» – яго маленькая дачка-сірата – менавіта і змагла стаць агульнай любіміцай сярод сялян, таму што змяшчае і нясе ў сабе сімвалічны, хоць і кволы пакуль, але магутны па нарастанні эстэтыка-этычны зарад будучай рэальнасці, з усімі яе моцнымі і слабымі бакамі.

«Канцэпцыя чалавека» ў дадзеным творы выразна раскрывае патэнцыял прэзічнай аповесці як формы, якая імкнецца паказаць характар героя ва ўсёй сваёй паўнаце і выразнасці. І хоць па аб'ёму гэты твор зусім невялікі і нагадвае сабой апавяданне, але па сваёй стылёва-фабульнай структуры, а яшчэ больш – па «архаіцы» сваёй унутранай зараджанасці і драматызацыі напружання сюжэтнай канвы, дзе хоць і пункцірна, але з выразнай канстатацыйнай выпісана *канцэпцыя новага чалавека эпохі*, па жанравым напаўненні яго можна далучыць, на нашу думку, да мініаповесці.

Яшчэ адным прыкладам з'яўляецца таксама і феномен героя рэвалюцыйна-рамантызаваных аповесцей 20-х гадоў XX стагоддзя: «Свінапас» М. Чарота, «Два» А. Вольнага, «42 дакументы» М. Зарэцкага і інш., дзе вобраз актыўнага пасіянарнага чалавека нёс у сабе амаль усе сацыяльныя вызначальныя адзнакі і рысы рэвалюцыйна-пераходнага моманту – павышаную актыўнасць, ідэалагічную заангажаванасць, прагу да эксцэнтрычнасці і афекту, пры слабай аксіялагічна-этычнай іх матываванасці.

Канцэпцыя чалавека выразна праяўляецца яшчэ і ў спецыфіцы тэматычнага і мастацкага афармлення ідэйна-сэнсавай завершанасці твора. Герой у аповесці вельмі часта імкнецца і жадае максімальна выявіць і раскрыць свае функцыянальныя магчымасці, даходзячы да вызначанай мяжы, поўнай вычарпальнасці. Сутнасць чалавека тут выяўляецца праз пэўны пратаганістычны, «завершаны», «роўны самому сабе» і пэўнай фабульна-сюжэтнай канве персанаж, што і з'яўляецца адной з важнейшых асаблівасцей паэтыкі аповесці, жанравай спецыфікі «вобраза чалавека», у адрозненне ад рамана, дзе герой ніколі не выступае «роўным самому сабе», назаўсёды застаючыся звязаным з незавершанай сучаснасцю.

Менавіта таму аўтары аповесцей у шматаспектным характары чалавека выдзяляюць пэўную дамінанту, часцей маральна-духоўную, праз раскрыццё якой герою ўдаецца супасці са сваёй сутнаскай доляй-лёсам, са сваім сюжэтна-фабульным дзеяннем. У аснове жанравай структуры аповесці знаходзіцца своеасаблівы характар суадносін «чалавека» з «мікраасяроддзем».

Трэба адзначыць тую акалічнасць, што аповесць амаль увесь час развівалася і ўдасканальвалася ў непасрэдным дыялагізме і «барацьбе» з вядучым і генерыруючым на пэўным прамежку часу прэзічным жанрам – раманам. Менавіта раман М. Бахцін выдзяляў і называў «эпасам XX стагоддзя». У дыялектычным супрацьстаянні і прыцягненні паміж аповесцю і раманам выпрацоўвалася кананічная структура аповесці.

У многім беларуская аповесць XX стагоддзя змагла творча прыняць і арганічна перапрацаваць у сабе здабыткі раманнай формы, унутрана прыстасаваўшы іх да сваёй структурнай мастацкай архаікі выяўлення. Цікавым нам падаецца і той факт, што аповесць у нейкай меры здолела больш эфектыўна ўвабраць ў сабе задаткі эпасу і гераічнай эпопеі. Яркім прыкладам з'яўляецца творчасць В. Быкава з яго ваеннымі аповесцямі.

Як вядома, знакаміты Гамер у сваім гераічным эпасе выводзіць на сцэну ў пэўным сэнсе ўжо гатовыя мастацкія вобразы, якія, сутыкаючыся паміж сабой, даюць зададзенае шмат у чым вырашэнне канфлікту, які ўжо запраграмаваны сутнасцю сфарміраванага раней характару герояў. Гэта вельмі блізка да раскрыцця вобразнай канцэпцыі аповесці і для выяўлення яе канфлікталогіі.

У вялікіх эпічных формах эпапеі, рамана ўсебаковы паказ прыватнага жыцця спалучаецца з шырокім адлюстраваннем жыццёвых абставін. Таму праз раскрыццё лёсу асобы і гістарычнага працэсу, як правіла, выяўляецца ступень развіцця самасвядомасці як асобнага чалавека, так і грамадства ў цэлым. Асоба ў рамане заўсёды падаецца як «субстракт» і суб'ект тэндэнцый нацыянальнага жыцця.

У спецыфіцы раскрыцця характараў герояў сацыяльна-гістарычны фон мастацка-эстэтычнай прасторы рамана выступае вядучым пачаткам. У ім стваральнае, дзейснае ўздзеянне героя на навакольнае асяроддзе заўсёды добра адчувальна і доказна выяўлена ў сюжэце і фэауле мастацкага тэксту. У рамане чалавек, як правіла, паказваецца ў сваіх шырокіх варунках узаемаадносін да гісторыі і сусвету, суб'ектам, які імкнецца «захапіць ўсё», пераадкрыць усе пытанні жыцця.

Цэласнасць жа адлюстравання чалавека ў аповесці мае свае асаблівасці, звязаныя найперш з узнёўленнем рэчаіснасці ў асобных сваіх праявах, але ва ўсёй сваёй паўнаце і вычарпальнасці. У аповесці ўзаемаадносіны героя з жыццёвым працэсам, «асяроддзем» апрадмечваюцца перш за ўсё па іншых, больш канцэнтрыраваных якасных і колькасных мастацка-паэтычных паказчыках.

З пазіцыі сучаснасці мы можам упэўнена канстатаваць, што жанр беларускай аповесці ХХ стагоддзя заўсёды актыўна рэагаваў на змяненні «ідэі чалавека» як асноўнага прынцыпу жыцця эпохі ў тым сэнсе, што гэта «ідэя» і «прынцып» непасрэдна былі закладзены ў яе шматлікія відавыя разнавіднасці і патэнцыяльныя магчымасці лагістыкі жанру.

Такім чынам, тыя ці іншыя змены ў філасофскай і сацыяльна-гістарычнай «ідэі чалавека» абумоўлівалі і сам працэс ажыўлення пэўных форм прозы, а гэта ў сваю чаргу выклікала патрэбу ў адэкватным і паўнаватасным увасабленні вылучаных гісторыка-літаратурнай эпохай «ідэі чалавека» і «канцэпцыі чалавека» ў тых ці іншых жанравых разнавіднасцях, дзе аповесць займала вельмі ўнікальную і спрыяльную для яе мастацкай рэалізацыі пазіцыю і з гонарам выконвала ролю прадукцыйнага генератара і каталізатара літаратурнага працэсу ўсяго ХХ стагоддзя.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Андреев, А. Н. Теория литературы: в 2 ч. / А. Н. Андреев. – Минск, 2010. – Ч. 1. – 186 с.
2. Бахтин, М. М. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику / М. М. Бахтин. – Л., 1982. – 423 с.
3. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М., 1963. – 363 с.
4. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М., 1975. – 502 с.
5. Блоншо, М. Литература и право на смерть / М. Блоншо // От Кафки к Кафке. – М.: Лотос, 1998. – 281 с.
6. Веселовский, А. Н. Избранное. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. – М.: РОССПЭН, 2006. – 523 с.
7. Головкин, В. М. Историческая поэтика русской классической повести: учеб. пособие / В. М. Головкин. – М.: Наука, Ставрополь, 2010. – 274 с.
8. Дзюбайла, П. К. Уступ / П. К. Дзюбайла // Беларуская савецкая проза. Раман і апавесць. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971. – 332 с.
9. Керимов, Т. Х. Поэтика времени / Т. Х. Керимов. – М., 2005. – 183 с.
10. Kundera, M. L'art du roman / M. Kundera. – Paris: Ga Uimard, 1986.
11. Лейдерман, Н. Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман; Ин-т филол. исслед. и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАН; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.
12. Мушынскі, М. І. Раман і апавесць 30 гадоў / М. І. Мушынскі // Беларуская савецкая проза. Раман і апавесць. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971. – 332 с.
13. Узвышша. – 1931. – № 9. – С. 109–113.

References

1. Andreev A. N. *Theory of Literature. In 2 parts. Part 1. Artwork*. Minsk, Izdatel'stvo Grevtsova Publ., 2010. 200p. (in Russian)
2. Medvedev P. N. Formal method in literary studies: a critical introduction to sociological poetics. Bakhtin M. (under the mask). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofii iazyka* [Freudianism. Formal method in literary criticism. Marxism and the Philosophy of Language]. Labirint Publ., 2000, pp. 195–348. (in Russian)

3. Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 167 p. (in Russian)
4. Bakhtin M. M. *Questions of literature and aesthetics*. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1975. 504 p. (in Russian)
5. Blansho M. Literature and the right to die. Blansho M. *Ot Kafki k Kafke* [From Kafka to Kafka]. Moscow, Logos Publ., 1998, pp. 9–56. (in Russian)
6. Veselovskii A. N. *Favorites. Historical poetics*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 688 p. (in Russian)
7. Golovko V. M. *Historical Poetics of the Russian Classical Narrative: A Tutorial*. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010. 159 p. (in Russian)
8. Dziubaila P. K. Entry. *Belarускаia savetskaia proza: raman i apovests'* [Byelorussian Soviet prose: the novel and the story]. Minsk, Navuka i tekhnika, 1971. (in Belorussian)
9. Kerimov T. Kh. *Poetics of time*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005. 183 p. (in Russian)
10. Kundera, M. *L'art du raman*. Paris: Ga Uimard, 1986. 201 p.
11. Leiderman N. L. *Theory of the genre*. Ekaterinburg, 2010. 904 p. (in Russian)
12. Mushynski M. I. The novel and the novella 30 years. *Belarускаia savetskaia proza: raman i apovests'* [Byelorussian Soviet prose: the novel and the story]. Minsk, Navuka i tekhnika, 1971, pp. 84–200.
13. *Uzvyshsha* [Hill], 1931, no. 9, pp. 109–113.

Информация об авторе

Шаладонов Игорь Михайлович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: shaladonov@tut.by

Information about the author

Igor M. Shaladonov – Ph. D. (Philol.), Senior Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: shaladonov@tut.by

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)

ПРАВА

LAW

УДК 340

Паступіў у рэдакцыю 17.11.2017
Received 17.11.2017

М. М. Арцюшэнка

Інстытут кіравання і прадпрымальніцтва, Мінск, Беларусь

АДЛЮСТРАВАННЕ ПРАВАВОГА РЭГУЛЯВАННЯ ЧЫГУНАЧНЫХ ПЕРАВОЗАК ГРУЗАЎ У ПРАЦАХ БЕЛАРУСКІХ ВУЧОНЫХ

Анотацыя. Рассматриваются научные и юридические аспекты исследования возникновения и становления теоретической базы правового механизма регулирования перевозки грузов железнодорожным транспортом со ссылкой на отечественных и зарубежных авторов. Изложены неисследованные вопросы транспортных правоотношений, требующих изучения учеными и практиками с целью дальнейшего совершенствования железнодорожного законодательства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: Белорусская железная дорога, договор перевозки грузов, правовой механизм перевозки, транспортные правоотношения, железнодорожный транспорт, железнодорожное законодательство

Для цитирования. Арцюшэнка, М. М. Адлюстраванне прававога рэгулявання чыгуначных перавозак грузаў у працах беларускіх вучоных / М. М. Арцюшэнка // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 103–111.

N. N. Artyushenko

Institute of Business and Management, Minsk, Belarus

REFLECTION OF LEGAL REGULATIONS FOR FREIGHT TRANSPORT BY RAIL IN WORKS OF BELARUSIAN SCIENTISTS

Abstract. The article deals with some scientific and legal aspects in the research of the genesis and formation of the theoretical basis for regulating freight transport by rail. References are made to both national and foreign authors. It covers some unstudied issues of transport-specific legal relations which need to be studied and analyzed by scientists and practitioners in order to improve railway legislation in the Republic of Belarus.

Keywords: Belarusian railway, freight transportation agreement, legal framework for transportation, transport-specific legal relations, rail transport, railway legislation

For citation. Artyushenko N. N. Reflection of Legal Regulations for Freight Transport by Rail in Works of Belarusian Scientists. *Vesti Natsyional'nei akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 103–111 (Belarusian).

Уводзіны. Навуковае даследаванне функцыянавання чыгуначнага транспарту, вывучэнне існуючых вопыту і праблем, звязаных з перавозкай грузаў, пачынаюцца з канца XIX стагоддзя ў Англіі, ЗША, а пазней і ў Расіі. Першапачаткова навуковыя працы былі прысвечаны тэхнічнай канструкцыі чыгунак і рухомага складу, а пазней у поле зроку навукоўцаў трапілі пытанні арганізацыйнага і прававога характару. Так, у 1839 годзе вядомы картограф Джордж Брэдшоў апісаў і склаў першыя правілы чыгуначных зносін і выдаў кнігу «Чыгуначны расклад і памочнік вандроўцам па чыгунцы Брэдшоу» [1].

На нашу думку, з гэтага перыяду пачаў фарміравацца навуковы інтарэс (спачатку практыкаў, а затым і тэарэтыкаў) да даследавання арганізацыйна-тэхнічных і юрыдычных нормаў чыгуначных перавозак грузаў. Адначасова з'явіліся і праблемы вызначэння агульнага рэгламенту, які

ўстанаўлівае правілы перавозак і дарожнага руху, вывучэння і абагульнення вопыту развіцця чыгунак замежных краін. Праз некаторы час змяніліся погляды і прыярытэты на даследаванне прававых аспектаў чыгуначнай дзейнасці. Усё гэта патрабуе не толькі глыбокага аналізу існуючых распрацовак, але і вывучэння новых, адаптаваных да сучасных тэндэнцый, канцэпцый юрыдычнага забеспячэння перавозкі грузаў чыгуначным транспартам.

Асноўная частка. Аўтар, не прымяняючы значэнне фундаментальных прац навукоўцаў і практыкаў папярэдніх пакаленняў, якія змяшчаюць асноўныя прынцыпы і спосабы рэгулявання чыгуначных перавозак, у большай ступені канцэнтруе ўвагу на даследаванні сучасных тэорый айчынных аўтараў. Гэта дазваляе пазбегнуць пэўных стэрэатыпаў, канстатаванняў ужо закончаных спрэчак і паўтарэння ўсталяваных канонаў чыгуначнага працэсу. Прафесар У. Ф. Чыгір сцвярджаў: «Дзейнасць па перасоўванні грузаў у юрыдычным аспекце выяўляецца ў шматлікіх, разнастайных, узаемазвязаных і ўзаемазалежных прававых адносінах» [2, с. 375]. Даследуючы абраную тэматыку, спачатку неабходна высветліць яе прадмет, а затым элементы ўсіх праваадносін.

На думку М. Г. Кучэўскага, «... да ліку найважнейшых праблем, якія патрабуюць даследавання, варта аднесці пытанні распрацоўкі навукова абгрунтаваных рэкамендацый па ўдасканаленні нарматыўна-прававой базы функцыянавання транспарту, а таксама сістэмы арганізацыйна-эканамічных механізмаў кіравання галіной» [3, с. 3].

Неабходна прызнаць, што ў арсенале беларускай навукі на навукова-пазнавальным, манаграфічным узроўні надаецца дастатковая ўвага прадмету даследавання прапанаванай тэмы.

Але, улічваючы, што ў рэтраспектыўным перыядзе зараджэння навукі аб чыгуначных перавозках грузаў беларускія навукоўцы не мелі доступу да даследчай базы, паколькі першапачатковыя яе вектары знаходзіліся на тэрыторыі Расіі, іх уклад меў толькі кампілятыўны характар. Аднак рускія навукоўцы беларускага паходжання Г. П. Перадэрыі, А. М. Фралоў таксама стаялі ля вытокаў фарміравання навуковых і прававых асноў статусу і функцый чыгункі [4, с. 63–72].

У прыватнасці, Г. П. Перадэрыі прысвяціў свае пошукі навуковаму абгрунтаванню графікаў руху цягнікоў, лагічнаму забеспячэнню рытмічнасці паставак сыравіны і прамысловых вырабаў, у тым ліку для буйных будоўляў у даваенны перыяд у СССР.

А. М. Фралоў сфармуляваў тэарэтычныя прынцыпы планавання і рэгулявання перавозак, вызначыў рэжымы прапускной здольнасці чыгунак, маршрутызацыю і спецыялізацыю чыгуначных саставаў.

Актыўнае выкарыстанне транспартнага патэнцыялу і развіццё нацыянальнай навукі ў Беларусі далі ў вядомай ступені штуршок да з'яўлення навукоўцаў і спецыялістаў у сферы грамадска-прававога рэгулявання перамяшчэння грузаў чыгуначным транспартам. У апошні час гэта набыло актуальны характар у сувязі з ростам аб'ёмаў тавараабменных аперацый, інтэграваннем Беларускай чыгункі ў міжнародную транспартную сетку, пераходам на рыначныя, больш канкурэнтаздольныя ўмовы аказання транспартных паслуг і неабходнасцю строгага захавання міжнародных стандартаў выканання перавозачных і пагрузачна-разгрузачных аперацый.

Такая ўвага з боку навуковых колаў да чыгуначнага транспарту краіны цалкам справядліва, паколькі яго важнасць і інфраструктура маюць прыярытэт перад іншымі відамі транспарту. Вынікі аказаных чыгуначных транспартных паслуг з'яўляюцца важнай крыніцай даходу бюджэту Беларусі, і любая недасканаласць нарматыўна-прававой базы, ва ўмовах яе інтэнсіўнай дынамікі, можа пацягнуць за сабой непапраўныя выдаткі ў канкурэнтнай барацьбе за прадастаўленне транспартных паслуг.

«Хуткае змяненне задач, што вырашаюцца дзяржавай на кожным новым этапе развіцця эканомікі, – адзначаюць В. Г. Булаўка і Ф. Ф. Іваноў, – дапускае і новыя прынцыпы ўзаемаадносін паміж суб'ектамі гаспадарання. Крытэрыі іх ацэнкі, якія ў сучасных умовах трансфармуюцца ў сістэму агульначалавечых каштоўнасцей, ствараюцца на базе супярэчнасцей паміж зместам нацыянальных і дзяржаўных інтарэсаў, шляхамі і сродкамі іх дасягнення і рэалізацыі» [5, с. 10].

У гэтым кантэксце выклікае навуковы інтарэс аргументаванае ўзнiкненне арганізацыйнага і прававога механізма перавозкі грузаў Беларускай чыгункай, якое даследуюць айчынныя вучоныя-юрысты С. В. Аўсейка, Д. У. Аўчынкін, Н. Л. Бандарэнка, В. Г. Булаўка, У. А. Вітушка,

С. І. Вінаградава, Т. П. Голубева, В. М. Гадуноў, Ф. Ф. Іваноў, В. С. Камянкоў, М. Г. Кучэўскі, Д. А. Калбасін, Т. П. Кулеш, У. П. Мароз, У. М. Парашчанка, Н. Г. Петухоў, Л. А. Паляшчук, М. Р. Проніна, А. М. Рамановіч, М. І. Саўчанка, Т. А. Сігаева, Т. С. Таранава, Р. Ф. Цімафееў, В. Г. Ціхіня, Я. І. Функ, У. Ф. Чыгір, В. Д. Чыжонак.

Практычная значнасць іх аналітычных, метадалагічных і канцэптуальных даследаванняў аб прававым інстытуце прадмета вывучэння дазваляе пашырыць фундаментальныя веды аб тэарэтычным інструментарыі механізма перавозкі грузаў чыгуначным транспартам, актуалізаваць юрыдычныя нормы, правесці іх верыфікацыю і рэнавацыю, якія адпавядаюць глабалізацыйным працэсам у свеце.

Такі падыход абгрунтаваны доктарам юрыдычных навук В. Г. Ціхіняй: «Глабалізацыя – адна з самых прыкметных планетарных з’яў сучаснай цывілізацыі. Характэрнымі асаблівасцямі сённяшняга міжнароднага працэсу з’яўляюцца паглыбленне і развіццё эканамічнага, навукова-тэхнічнага і культурнага супрацоўніцтва паміж дзяржавамі, інтэрнацыяналізацыя ўсіх сфер жыцця грамадства» [6, с. 235].

Рэтраспектыўнае выкладанне зараджэння, развіцця і функцыянавання Беларускай чыгункі даў Р. Ф. Цімафееў, які даследаваў складаны перыяд станаўлення беларускіх магістраляў 1943–1991 гг. у перыяд пасляваеннай разрухі і ў савецкія часы каланізацыі чыгункі [7]. Так, ён вызначыў памер шкоды, нанесенай чыгунцы вайной, ахарактарызаваў аднаўленне яе эканамічных магчымасцей на той перыяд, даў аналіз прынятым юрыдычным нормам, якія рэгулююць перавозкі.

Адметныя аспекты фарміравання транспартнай сістэмы ў гісторыка-прававым ракурсе вывучалі Н. І. Баравы, І. В. Жук, В. М. Сердзюкевіч і В. Д. Чыжонак [8]. На аснове архіўных даных, навуковых прац вучоных і практычнага вопыту транспартнікаў імі былі даследаваны асноўныя этапы развіцця чыгуначнага транспарту Беларусі.

Грунтоўную і сістэмную ацэнку функцыянавання розных відаў транспарту, у тым ліку і чыгуначнага, даў у сваёй манаграфіі М. Г. Кучэўскі [3], які даследаваў сацыяльна-эканамічныя і арганізацыйна-прававыя механізмы дзяржаўнага ўздзеяння на эфектыўнае развіццё сродкаў перамяшчэння. Ён прапанаваў стратэгічныя кірункі інтэграцыйных працэсаў для дасягнення высокага ўзроўню канкурэнтаздольнасці транспарту ў сістэме сусветнай гаспадаркі і камунікатыўных сетак. У ліку найважнейшых напрамкаў вучоны бачыў навуковае абгрунтаванне нацыянальнай транспартнай палітыкі ва ўмовах рыначных адносін, указаў на аптымальныя прапорцыі развіцця транспарту з улікам уплыву экзагенных і эндагенных фактараў. Найбольш верагоднымі шляхамі павышэння эфектыўнасці транспарту М. Г. Кучэўскі назваў забеспячэнне комплекснага развіцця і ўзаемадзеяння асобных відаў транспарту, удасканаленне прадукцыйнасці і тэхнічнай аснашчанасці транспартных сродкаў. Ім распрацаваны рэкамендацыі па паляпшэнні нарматыўна-прававой базы, якія рэгулююць перавозкі, адзначаны негатыўныя з’явы ў ажыццяўленні транспартнай дзейнасці (зніжэнне інвестыцыйнай актыўнасці; неадпаведнасць транспартных сродкаў і камунікацый сучасным сусветным стандартам; страта попыту на транспартным рынку ў сувязі з высокім коштам перавозак; наяўнасць мноства нарматыўных актаў, якія забяспечваюць перавозку грузаў.

У гэтай сувязі М. Г. Кучэўскі сцвярджае, што зніжэнне аб’ёмаў чыгуначных грузавых перавозак тлумачыцца не толькі агульнаэканамічнымі прычынамі, але і тым, што перавозчык недастаткова аператыўна прыстасоўваецца да рыначнай сітуацыі, якая змяняецца, а тэхналагічныя і арганізацыйныя параметры чыгункі не адпавядаюць у поўнай меры стандартам Еўрапейскай транспартнай сістэмы. Перашкодай для эфектыўнага выкарыстання чыгунак Беларусі з’яўляецца і тое, што ў Еўропе існуе тры розныя шырыні каляіны, пятнаццаць сістэм сігналацыі і шэсць розных крыніц энергазабеспячэння, што выклікае непатрэбныя выдаткі, асабліва на пагранічных пераходах. На думку гэтага аўтара, чыгуначны транспарт Беларусі мае пераважныя стымулы, паколькі выконвае больш за 70% грузабароту ўсёй транспартнай сістэмы і прапануе меры па нарошчванні яго магчымасцей за кошт франтальнай мадэрнізацыі чыгуначных шляхоў, рухомага саставу, павышэння перапрацоўчай здольнасці пагрузачна-разгрузачных станцый, асабліва на прыгранічных пунктах, пераходу на сістэму гарантаванага забеспячэння перавозак па дагаворах і доўгатэрміновых кантрактах, прывядзення ў адпаведнасць з міжнароднымі нормамі і стандартамі нарматыўна-прававой базы чыгуначнага транспарту.

У прыватнасці, ён лічыць, што заканадаўчымі актамі павінны быць забяспечаны:

- размеркаванне дзяржаўных і гаспадарчых функцый у пытаннях кіравання транспартам;
- рэгламентацыя ўмоў узаемадзеяння дзяржаўных і недзяржаўных транспартных прадпрыемстваў;
- прызнанне права калектываў транспартных прадпрыемстваў на самастойную прадпрымальніцкую дзейнасць.

Аднак вырашэнне гэтых задач было толькі задэкларавана, але не паказаны механізм іх рэалізацыі. Разумеючы, што Беларуская чыгунка з'яўляецца выключнай уласнасцю дзяржавы, механізм не прадугледжвае прававога перамеркавання транспартнага рынку паміж дзяржавай і прыватнай формай уласнасці, г. зн. на трывалай прававой аснове правесці прыватызацыю чыгункі, пры гэтым забяспечыўшы кантрольны пакет долі дзяржаве. Такі парадак існуе ў многіх краінах. Да прыкладу, у Расійскай Федэрацыі чыгунка з'яўляецца акцыянаванай, а ў асобных рэгіёнах перададзена прыватнаму сектару эканомікі, які рацыянальна выкарыстоўвае транспартныя рэсурсы і эканоміць бюджэтныя сродкі, што і пацвярджае неабходнасць пошуку рашэння ў гэтым кірунку навукоўцамі.

Агульныя палажэнні аб транспартных праваадносінах, звязаных з перамяшчэннем тавараў, пра абавязацельствы, якія ўзнікаюць з дагавора перавозкі грузаў, сфармулявалі вядомыя беларускія навукоўцы-юрысты В. С. Камянкоў, У. П. Мароз, А. М. Рамановіч, У. Ф. Чыгір, якія на аснове тэарэтычных даследаванняў транспартнага базісу вядучых расійскіх цывілістаў сістэматызавалі правы рэжым перавозачнага працэсу з улікам нацыянальных асаблівасцей. На іх думку, перавозка грузаў не выходзіць за межы самога вытворчага працэсу, а ўтварае яго стадыю. Дадзеная стадыя, незалежна ад аб'екта перамяшчэння, уяўляе сабой паслугу, якая аказваецца перавозчыкам. Так, У. П. Мароз сцвярджае, што «вядучае становішча чыгункі вызначаецца і магчымасцю ажыццяўляць кругласутачны рэгулярны рух, перавозіць асноўную частку патокаў масавых грузаў і забяспечваць мабільнасць працоўных рэсурсаў», а прадметам дагавора грузавай перавозкі аўтар называе дзейнасць перавозчыка па аказанні паслуг фактычнага характару (пагрузка, выгрузка, захоўванне, перамяшчэнне, афармленне перавозачных дакументаў і г. д.). У сваіх навуковых працах ён абагульніў прычыны незабеспячэння перавозчыкам захаванасці груза, ролю замежных элементаў перавозачнага працэсу, а таксама прааналізаваў салідарны абавязак у забеспячэнні перавозкі грузаў перавозчыкаў краін СНД [9, с. 230–240].

Даследуючы судовую практыку ў кантэксце прыняцця права і законнасці, У. П. Мароз абгрунтаваў юрыдычныя падыходы да прымянення санкцый у дачыненні да перавозчыка, які парушыў абавязацельствы па перавозцы грузаў. Аднак ні ён, ні іншыя аўтары не ўлічвалі асаблівасці транспартнага працэсу ва ўзаемасувязі з глабалізацыйнымі зменамі. Гэтай жа праблеме прысвяцілі свае працы Т. П. Куліш, Т. А. Сігаева.

У прыватнасці, Т. А. Сігаева звяртае ўвагу на тое, што фарміраванне прадмета ў справах па спрэчках, якія вынікаюць з дагавораў перавозкі грузаў чыгуначным транспартам, ляжыць у аснове іску, а таксама прызначэнняў супраць яго. Яна вызначыла агульныя ўмовы грамадска-прававой адказнасці, прэзюмцыі віны перавозчыка пры незабеспячэнні захаванасці грузаў [10].

Вядома, што паслугі па перавозцы грузаў у прававым полі ўзнікаюць на падставе юрыдычных фактаў, г. зн. заключэння дагавора перавозкі і ўсталявання адпаведных праваадносін паміж перавозчыкам і заказчыкам. У сувязі з гэтым А. М. Рамановіч дала навуковую характарыстыку транспартным праваадносінам, вызначыла статус суб'ектаў і аб'ектаў, правы і абавязкі ўдзельнікаў гэтых адносін, выразна размежавала падставы іх узнікнення і спынення [11, с. 28–30]. Аўтар, не абмяжоўваючыся агульнай характарыстыкай асаблівасцей транспартных праваадносін, называе чатыры асноўныя, уласцівыя ім прыкметы. На яе думку, адным з бакоў гэтых праваадносін заўсёды выступае транспартная арганізацыя; транспартныя праваадносіны складаюцца з нагоды эксплуатацыі транспартных сродкаў і шляхоў зносін; іх прадметам з'яўляецца дзейнасць па аказанні перавозачных паслуг; яны выяўляюць адносіны, накіраваныя на выкананне асноўнай транспартнай функцыі або непасрэдна садзейнічаюць яе ажыццяўленню.

У той жа час праваадносіны аўтарам падаюцца як класічная формула без уліку іншых нюансаў, якія ўплываюць на правыя сувязі суб'ектаў транспартнага ўзаемадзеяння.

Уклад у прававое забеспячэнне перавозкі грузаў чыгуначным транспартам унеслі беларускія навукоўцы-прававеды Д. У. Аўчынкін, С. В. Аўсейка, якія дастаткова поўна даследавалі прававыя рэжымы перамяшчэння тавараў, далі ґрунтоўны аналіз транспартнаму заканадаўству, якое рэгулюе ўнутраныя і міжнародныя перавозкі. У прыватнасці, Д. У. Аўчынкін [12] выклаў адметныя асаблівасці міжнародных перавозак у кантэксце міжнародных транспартных канвенцый, ахарактарызаваў юрыдычны парадак прымянення розных супрацьлеглых прынцыпаў з улікам нацыянальных нормаў. На думку гэтага аўтара, па аб'ектным складзе адносна міжнародных перавозак павінны існаваць наступныя напрамкі прававога рэгулявання функцыянавання транспарту:

- вызначэнне агульных прынцыпаў арганізацыі міжнародных перавозак;
- усталяванне умоў перавозкі грузаў, пасажыраў і тарыфаў на міжнародныя перавозкі;
- удасканаленне транспартных сувязяў паміж дзяржавамі;
- фарміраванне спецыфічных асаблівасцей дзейнасці розных відаў транспарту;
- забеспячэнне аховы маёмасных інтарэсаў у сферы міжнародных перавозак.

Прыведзены Д. У. Аўчынкіным навуковы матэрыял знайшоў адлюстраванне ў практычнай плоскасці, паказаўшы не толькі на наяўнасць неабходных прававых актаў, ён даў сучаснае тлумачэнне розных тэрмінаў, структуры транспартнай дакументацыі, а таксама абагульніў даведаны арсенал для перавозчыка. Шэраг новых палажэнняў вылучаны ім і ў дысертацыйных даследаваннях транспартных праблем, якія тычацца ўдакладнення паняццяў міжнародных перавозак, статусу замежнага элемента, класіфікацыі перавозак у знешнеэканамічнай дзейнасці, увядзення спецыяльнай юрыдычнай транспартнай тэрміналогіі (камбінаваная, інтэрмадальная, шматмадальная, змешаная перавозка), іерархіі прававых транспартных крыніц, функцыянальных абавязкаў і адказнасці аператара міжнароднай змешанай перавозкі. Згодна з яго азначэннем, аператар – гэта асоба, якая заключыла ад свайго імя дагавор міжнароднай змешанай перавозкі і прадставіла транспартны дакумент, згодна з якім гэтая асоба (аператар) абавязваецца ажыццявіць або забяспечыць перавозку грузаў за выплату перавозачных плацяжоў у месца прызначэння і ў іншай краіне любым спосабам, паводле яго меркавання, і аднаасобна адказвае за ўвесь транспартны працэс. У той жа час у яго даследаваннях не згадваецца пра ўдзел у транспартнай дзейнасці мытных, пагранічных і іншых службаў, якія маюць вопыт і значныя паўнамоцтвы па рэгуляванні транзітных і міжнародных перавозак.

У аналітычным плане зрабіў спробу сістэматызаваць транспартныя адносіны С. В. Аўсейка, які даў навукова абґрунтаваную кваліфікацыйную характарыстыку відам транспарту і перавозак, транспартным дагаворам. Ён вылучыў асаблівасці арганізацыі чыгуначных перавозак ва ўмовах рынку, а таксама кваліфікаваў крыніцы, ранжыраваў віды транспарту ад самага таннага да дарагога, выклаў парадак рэалізацыі дагаворных адносін, зрабіў акцэнт на характэрных адрозненнях перавозкі грузаў асобнымі відамі транспарту, адзначыў неабходнасць фарміравання транспартнага права як комплекснай галіны права і паказаў на магчымыя тры варыянты формаў транспартнага дагавора [13].

Значны ўклад у тэарэтычнае забеспячэнне перавозкі грузаў унёс доктар юрыдычных навук В. С. Камянкоў, які ў сваіх працах падвёў вынік шматгадовай палеміцы адносна падабенства і адрознення дагавора перавозак грузаў і дагавора транспартнай экспедыцыі, паколькі некаторыя вучоныя-прававеды (Ю. В. Раманец) лічаць, што дагавор транспартнай экспедыцыі не можа быць самастойным, ён служыць толькі дадаткам да дагавора перавозкі грузаў [14]. В. С. Камянкоў сумесна з Г. П. Савічавым і С. Ю. Марозавым мяркуе, што дагавор перавозкі грузаў і дагавор транспартнай экспедыцыі адрозніваюцца па зместу і маюць самастойныя абавязацельствы. Акрамя таго, В. С. Камянкоў дэталёва рэгламентаваў транспартныя праваадносіны, якія вынікаюць з дагаворнай адказнасці ўдзельнікаў перавозкі, бо яе змест можа залежаць ад многіх абставін, у тым ліку звязаных з кампенсацыяй страт, нанесеных грузу. С. Ю. Марозаў адзначае, што «дагавор транспартнай экспедыцыі не можа мець сваім зместам перавозку грузаў, дагавор перавозкі не ўключае ў сябе ў прававых адносінах дагавор транспартнай экспедыцыі» [15].

Неабходнасць кадыфікацыі нацыянальнага заканадаўства ў галіне транспартнай дзейнасці прапанавала ў сваіх навуковых пошуках Л. А. Паляшчук, якая распрацавала прыкладную струк-

туру Транспартнага кодэкса Рэспублікі Беларусь, бо лічыць, што Грамадзянскі кодэкс Рэспублікі Беларусь рэгулюе толькі найбольш агульныя палажэнні дагавора перавозкі. Паводле яе версіі, «існуючыя транспартныя кодэксы, законы і пастановы, якія рэгулююць перавозку асобнымі відамі транспарту, валодаюць неаднолькавай юрыдычнай сілай». На гэта ў свой час звяртаў увагу і вядомы беларускі вучоны-юрыст Р. А. Васілевіч, патрабуючы «ўзгодненасці нарматыўных актаў, супадпарадкаванасці з улікам іх юрыдычнай сілы» [16, с. 4].

Прававому рэгуляванню лагістычнай дзейнасці і транзітным перавозкам грузаў прысвяцілі свае навуковыя даследаванні Е. Муха, У. Сяргееў, Н. Верхавец, Ю. Септылка.

Канцэптуальныя палажэнні забеспячэння бяспекі перавозкі грузаў на транспарце абгрунтавалі В. Г. Булаўка і Ф. Ф. Іваноў. У манаграфіі [5] яны даследуюць базавыя ўмовы рэалізацыі транспартнай палітыкі Рэспублікі Беларусь у сферы бяспекі на чыгунцы ва ўмовах інтэгравання яе ў сусветную гаспадарчую сістэму. Гэтыя аўтары прапануюць аптымальны варыянт перамяшчэння грузаў з улікам хуткасці руху, тэрмінаў дастаўкі грузаў, аб'ёмаў перавозак, манеўранасці транспартнага сродку, надзейнасці і гарантыі захаванасці грузаў, магчымасці прымянення найноўшых тэхналогій пагрузачна-разгрузачных аперацый.

Немалаважнае значэнне для тэарэтыка-метадалагічнага вызначэння дагавора перавозкі грузаў, на наш погляд, маюць навуковыя ідэі І. А. Манькоўскага, М. Н. Кулак і Т. Н. Пунько. Яны ўдакладняюць, што заключэнне дагавора перавозкі грузаў пацвярджаецца складаннем транспартнай накладной з вылучэннем групы дагавораў – аказанне паслуг і перавозка, г. зн. на практыцы (нягледзячы на тое, што форма гэтых дагавораў – простая пісьмовая) складанне дагавора як таго не патрабуецца, за выключэннем доўгатэрміновых дагавораў перавозкі і арганізацыі перавозкі грузаў [17].

Звяртаюць на сябе ўвагу і працы М.І. Саўчанкі, які даследаваў права краін на свабоду перамяшчэння грузаў па тэрыторыі замежных дзяржаў, асабліва ва ўмовах глабалізацыйных працэсаў. У прыватнасці, ён адзначаў, што «з узмацненнем пазітыўнага напрамку ў міжнародным праве тэорыі свабоды перамяшчэнняў, які абгрунтаваў права праходу праз замежную тэрыторыю, яна знікла і была зноў адроджана, але ўжо некалькі ў іншым выглядзе, г. зн. як складаная частка права на транзіт грузаў, у тым ліку змешаных перавозак па чыгунцы» [18].

Праблемам вырашэння спрэчак і прэтэнзій, звязаных з перавозкай чыгуначных грузаў, займаліся Т. П. Голубева, З. М. Яновіч. У прыватнасці, Т. П. Голубева паказала суадносіны аўтаноміі волі бакоў і імператыўных нормаў у дагаворы перавозкі грузаў. Яна адзначыла, што ў Статуце чыгуначнага транспарту агульнага карыстання няма прамога ўказання на вінаватасць за парушэнні бакамі дагавора абавязальстваў. Вінаватасць выкарыстоўваецца як «прыватныя ўмовы адказнасці перавозчыка пры незахаванасці грузаў» [19]. З. М. Яновіч таксама адзначае, што «Статутам не прадугледжана адказнасць грузаадпраўшчыка за затрымку вагонаў, але ён мае права заявіць патрабаванні да вінаватага» [20].

Дзеля паўнаты і аб'ектыўнасці ў пытаннях рэгулявання перавозкі грузаў чыгуначным транспартам неабходна звярнуцца і да меркавання практыкаў, якія непасрэдна сутыкаюцца з наяўнасцю мноства адначасовых прававых праблем. Так, на думку рэвізора Беларускай чыгункі Л. Осіпава, «дзяржава фактычна не лічыць чыгуначныя дарогі часткай агульнадзяржаўнай сістэмы, прыраўноўваючы іх да звычайных прадпрыемстваў, г. зн. пры такім вялікім штаце каманднага саставу дарога не мае развітой сістэмы кіравання, анахранізмам сталі прастоі вагонаў і іх прадукцыйнасць, выяўляецца імкненне работнікаў аддзелаў перавозкі для “паляпшэння” паказчыкаў указваць фіктыўны час выгрузкі, вялікія страты нясе чыгунка і з-за недасканаласці тэхналогій падрыхтоўкі перавозачных дакументаў» [21].

Праблемныя пытанні ўзнямае прадстаўнік Беларускай чыгункі В. Міхалюк, які сцвярджае, што «часта чыгуначныя вагоны з грузамі ператвараюцца ў склады на колах, складанасці ў забеспячэнні вагонамі ўзнікаюць на фоне поўнага пераводу на прыватны парк у Расіі, што значна ўскладняе выкарыстанне грузавага парка з-за прабелаў у праве» [22].

Ставіць пад сумненне льготную транспартную палітыку і В. Ваўчкоў, які лічыць, што «транспарціроўка каштуе даражэй за тавар, у некаторай ступені танная “чыгунка” змяніла ўяўленне аб перавозцы, сказала саму яе сутнасць... заўсёды можна знайсці нейкія юрыдычныя і іншыя абгрунтаванні, каб зноў адкрыць “прэферэнцыйны кранік”» [23].

Аб пошуку альтэрнатыўных грузаў ва ўмовах нерытмічнасці работы рэальнага сектара эканомікі разважаюць кіраўнікі беларускай чыгункі В. К. Андрыевіч, В. І. Гапееў, Ф. П. Пішчык, якія прапануюць на заканадаўчым узроўні ствараць унутраныя рэзервы тавару, бо «чыгунка залежыць ад эфектыўнасці дзейнасці іншых галін эканомікі. Знізілі, да прыкладу, выпуск сваёй прадукцыі прадпрыемствы будаўнічых матэрыялаў або ў сувязі з неўраджаем цукровых буракоў – на чыгунцы таксама знізіліся перавозкі» [24]. Па многіх даследуемых праблемах выступалі Е. Кудзелька, А. Сухаверка, Д. Караткевіч і інш.

Такім чынам, беларускія навукоўцы і практыкі не толькі правялі сур'ёзныя даследаванні аб'ектыўнага стану працэсу перамяшчэння чыгуначных грузаў, але і значна спрыялі фарміраванню дзеючага транспартнага заканадаўства. У той жа час па шэрагу прычын яны не правялі комплекснага і сістэмнага даследавання перавозачнага працэсу на глабалізацыйным узроўні, ва ўмовах дыверсіфікацыі транспартных паслуг, сучасных патрабаванняў да якасці перавозкі.

Неабходна адзначыць, што беларускія навукоўцы і практыкі актыўна вывучаюць навуковы вопыт калег блізкага замежжа і выкарыстоўваюць яго ў навукова-даследчай дзейнасці. Праведзены маніторынг навуковай літаратуры па грамадска-прававых аспектах перавозкі грузаў чыгуначным транспартам сведчыць, што:

- па-першае, па многіх пытаннях прававога рэгулявання чыгуначных перавозак у аўтараў працы па дадзенай праблематыцы няма адзінага меркавання;
- па-другое, асобныя праблемы чыгункі засталіся па-за полем зроку навукоўцаў;
- па-трэцяе, існуе мноства супярэчлівых паняццяў на адзін і той жа функцыянал чыгуначнага транспарту.

Высновы. Рэзюмуючы праведзены ў аналітычным плане агляд тэарэтыка-прававых крыніц навукоўцаў і практыкаў, якія даследуюць юрыдычную прыроду перавозкі чыгуначных грузаў, аўтар лічыць, што назапашана значная навуковая і правая база па адзначанай тэме даследавання. У той жа час выяўлены і нявывучаныя важныя аспекты прававога рэгулявання дагавора перавозкі чыгуначных грузаў. У прыватнасці:

- прысутнічаюць розныя падыходы аўтараў да вызначэння паняццяў і азначэнняў перавозачнага працэсу, як з пункта гледжання іх сутнасці, так і з пазіцыі юрыдычнай практыкі, што ва ўмовах глабалізацыйных з'яў патрабуе іх удакладнення і актуалізацыі;
- шматлікія навуковыя пошукі, якія мелі неацэннае значэнне раней, страцілі сваю актуальнасць і не ўлічваюць новыя юрыдычныя, эканамічныя і сацыяльныя тэндэнцыі суадносін дзяржаўнай і прыватнай уласнасці (дзяржаўна-прыватнае партнёрства), у большай ступені змяшчаюць фабулы тэхнічнага і тэхналагічнага цыклаў;
- дыверсіфікацыйныя новаўвядзенні ў сферы транспартных паслуг выклікалі шэраг новых падстаў для ўзнікнення, змянення і спынення транспартных праваадносін, якія маюць адрозную правую дэфініцыю, яны, на думку аўтара, патрабуюць далейшых даследаванняў;
- большасць навукоўцаў грунтуецца ў асноўным на агульнатэарэтычным разуменні зместу дагавора перавозкі чыгуначных грузаў, якое патрабуе адаптацыі да наяўнай практыцы вылучэння транспарціроўкі як самастойнага дагавора, вызначэння статусу грузабагажу, удакладнення паняццяў работы і паслугі, правоў і абавязкаў вытворцаў і спажыўцоў транспартных паслуг без уліку міжнароднага прававога вопыту;
- у шэрагу даследаванняў няма дакладнага вызначэння статусу заяўкі на выкананне транспартных паслуг, паколькі адны аўтары сцвярджаюць, што яна з'яўляецца падставай заключэння дагавора, другія робяць выснову, што заяўка – толькі фармальны дакумент, а дагавор наогул лічыцца заключаным толькі пасля перадачы таварна-транспартнай накладной;
- ні адна з вядомых крыніц не дае дастаткова навуковага ўяўлення аб прававым забеспячэнні якасці і культуры вытворчасці выконваемых транспартных паслуг, сэрвіснага абслугоўвання кліентаў, эстэтычнай прывабнасці транспартных сродкаў і камунікацый;
- на ўзроўні нарматыўных актаў не знайшла адлюстравання ў навуцы лагістычная дзейнасць на чыгуначным транспарце, якая мае перспектывы напрамак у размеркаванні грузавых патокаў і выкарыстанні рухомага саставу;
- з-за эканамічных і тэхнічных праблем не рэалізаваны многія наватарскія прапановы айчынных і замежных навукоўцаў па ўдасканаленні перавозачнага працэсу, забеспячэнні бяспекі

перавозных тавараў і сыравіны, вырашэнні прэтэнзій і спрэчак з удзелам медыятараў, што патрабуе дадатковых навуковых пошукаў стымулюючага характару.

Усё гэта пацвярджае неабходнасць правядзення глыбокага аналізу, не падвяргаючы тым не менш сумненню ўклад у станаўленне транспартнага права названых вышэй аўтараў, з мэтай пошуку аптымальнага вырашэння праблем, звязаных з арганізацыйна-прававым рэгуляваннем перавозкі грузаў чыгуначным транспартам ва ўмовах глабалізацыі.

«Гаворка можа ісці не аб прававым вакууме, – сцвярджае вучоны ў сферы транспартнага заканадаўства В. М. Новікаў, – а толькі аб тым, што тыя ці іншыя палажэнні, існуючыя ў дзяржаве, маюць патрэбу ў кан’юнктурнай папраўцы» [25].

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Гэты дзень у гісторыі // СБ. Беларусь сёння. – 2005. – 25 кастр. – С. 16.
2. Чыгір, У. Ф. Гражданское право: у 3 т. Т 2 / У. Ф. Чыгір. – Минск: Амалфея, 2010. – 960 с.
3. Кучэўскі, М. Г. Транспорт Беларуси: интеграционные процессы: монография; под науч. ред. У. Ф. Мядзведзева / М. Г. Кучэўскі. – Минск: Права і эканоміка, 2003. – 257 с.
4. Перадэры, Г. П. Дактэрынаваныя аптымізацыйныя задачы транспартнай лагістыкі / Г. П. Перадэры // Весн. Выш. школы. – 2009. – № 7. – С. 63–72.
5. Булаўка, В. Г. Транспортная безпека / В. Г. Булаўка, Ф. Ф. Іваноў. – Минск: ДНУСТ БДУ, 2013. – 316 с.
6. Ціхіня, В. Г. Глобалізацыйная і прававая сістэма Рэспублікі Беларусь: стан, праблемы і шляхі ўзаемадзеяння / В. Г. Ціхіня. – Минск: Права і эканоміка, 2012. – 430 с.
7. Цімафееў, Р. Ф. Транспорт Беларускай ССР у сацыяльна-эканамічным развіцці грамадства (канец 1943–1995 г.): монография / Р. Ф. Цімафееў. – Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 406 с.
8. Баравы, Н. І. Гістарычныя аспекты фарміравання транспартнай сістэмы Беларусі: монография / Н. І. Баравы [і інш.]. – Минск, 2012. – 433 с.
9. Мароз, У. П. Прававы статус удзельнікаў чыгуначнай перавозкі груза / У. П. Мароз. – Минск: БДУ, 1998. – 175 с.
10. Сігаева, Т. А. Спрэчкі, якія вынікаюць з дагавораў перавозкі груза чыгуначным транспартам / Т. А. Сігаева. – Минск: Права і эканоміка, 2010. – 211 с.
11. Рамановіч, А. М. Транспортныя праваадносіны / А. М. Рамановіч. – Минск: БДУ, 1984. – 126 с.
12. Аўчынкін, Д. У. Правое рэгуляванне міжнародных перавозак грузаў і пасажыраў / Д. У. Аўчынкін. – Минск: Права і эканоміка, 2005. – 345 с.
13. Аўсейка, С. В. Транспортнае права: правое рэгуляванне дзейнасці ў галіне транспарту: дапам. / С. В. Аўсейка. – Минск, – 2014. – 80 с.
14. Камянкоў, В. С. Дагавор транспартнай экспедыцыі і дагавор перавозкі грузаў: падабенства і адрозненне / В. С. Камянкоў // Весн. Выш. гас. Суда Рэсп. Беларусь. – 2008. – № 17. – С. 54–58.
15. Марозаў, С. Ю. Да пытання аб прававой прыродзе дагавора аб арганізацыі перавозак / С. Ю. Марозаў // Транспортнае права. – 2003. – № 3. – С. 9–17.
16. Васілевіч, Р. А. Развіццё нацыянальнай прававой сістэмы падчас глабалізацыі / Р. А. Васілевіч // Матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Минск, 26 кастр. 2007 г. – Минск: УА БДЭУ, 2007. – С. 4.
17. Кулак, М. Н. Грамадзянскае права: курс лекцый. Ч. 2 / М. Н. Кулак, Т. П. Пунько. – Минск: Акад. кіравання пры Прэзідэнце Рэсп. Беларусь, 2002. – С. 142.
18. Саўчанка, М. І. Марскія правы Беларусі / М. І. Саўчанка. – Минск: Тэсей, 2003. – 176 с.
19. Голубева, Т. П. Правое рэгуляванне адказнасці ўдзельнікаў перавозкі грузаў чыгуначным транспартам / Т. П. Голубева // Прамысл.-гандл. права. – 2010. – № 5. – С. 86–91.
20. Яновіч, З. М. Аб практыцы высвятлення спрэчак, узнікшых у сувязі з перавозкай грузаў чыгункай / З. М. Яновіч, А. А. Карней // Весн. Выш. гасп. Суда Рэсп. Беларусь. – 2009. – № 10. – С. 70.
21. Восіпаваў, Л. На справе мы займаемся хлуснёй / Л. Восіпаваў // Рэспубліка. – 2002. – 12 лют. – С. 3.
22. Міхалюк, В. Вагоны не склады на калёсах / В. Міхалюк // Рэспубліка. – 2011. – 29 верас. – С. 5.
23. Ваўчкоў, В. «Халява» супраць лагістыкі / В. Ваўчкоў // Рэспубліка. – 2013. – 14 лют. – С. 2.
24. Андрыевіч, В. Усе дарогі вядуць у Брэст / В. Андрыевіч // Звязда. – 2003. – № 96. – С. 2.
25. Новікаў, В. М. Транспортнае права (чыгуначны транспорт) / В. М. Новікаў. – М., 2007. – 358 с.

References

1. Thisday in history. *SB. Belarus' segodnia* [SB. Belarus today], 2005, October 25th, p. 16. (in Russian)
2. Chigir U. F. *Civil law*: in 3 volumes. Volume 2. Minsk, Amalfeia Publ., 2010. 960 p. (in Russian)
3. Kuchevskii N. G. *Transport of Belarus: Integration Processes*, in Medvedev V. F. (ed.). Minsk, Pravo i ekonomika, 2003. 257 p. (in Russian)
4. Bogdanov G. I., Smirnov V. N. *Scientific School of the bridgingbuilding of Petersburg state university of communications routes (to the 200th anniversary of PSTU). ALMA MATER (Vestnik vysshei shkoly)* [ALMA MATER (Herald of Higher School)], 2009, no. 7, pp. 63–65. (in Russian)

5. Bulavko V. G., Ivanov F. F. *Transport safety*. Minsk, GIUST BGU Publ., 2013. 316 p. (in Russian)
6. Tikhinia V. G. Globalization and the legal system of the Republic of Belarus: state, problems, ways of interaction. *Iuridicheskii zhurnal* [Juridical journal], 2007, no. 3(11), pp. 4–7. (in Russian)
7. Timofeev R. V. *Transport of the Byelorussian SSR in the socio-economic development of society (end of 1943–1991)*. Vitebsk, VGU imeni P.M. Masherovala Publ., 2013. 400 p. (in Russian)
8. Borovoi N. I., Zhuk I. V., Sediukevich V. N., Chizhonok V. D. *Historical Aspects of the Formation of the Transport System of Belarus*. Minsk, “BelNIIT Transtekhnika” Publ., 2012. 433 p. (in Russian)
9. Moroz V. P. *The legal status of participants in the carriage of goods by rail*. Minsk, Lektsiia Publ., 1998. 175 p. (in Russian)
10. Sigaleva T. A. *Disputes arising from contracts for the carriage of goods by rail: production in economic courts of first instance*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2010. 211 p. (in Russian)
11. Romanovich A. N. *Transport relations*. Minsk, Izdatel'stvo "Universitetskoe" Publ., 1984. 126 p. (in Russian)
12. Avchinkin D. V. *Legal regulation of international transport of goods and passengers*. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2003. 344 p. (in Russian)
13. Ajsheika S. V. *Transport Law: legal regulation of activity in the field of transport: textbook*. Minsk, 2014. 80 p. (in Belorussian)
14. Kamenkov V. S. Contract of transport expedition and contracts for the carriage of goods: similarities and differences. Termination and amendment of the contract of transport expedition. *Vestnik Vysshego khoziaistvennogo Suda Respubliki Belarus'* [Bulletin of the Supreme Economic Court of the Republic of Belarus], 2008, no. 17, p. 54. (in Russian)
15. Morozov S. Iu. On the question of the legal nature of the contract on the organization of transport. *Transportnoe pravo* [Transport Law], 2005, no. 3, pp. 9–17. (in Russian)
16. Vasilevich G. A. Development of the national legal system in the context of globalization. *Problemy pravovogo regulirovaniia obshchestvennykh otnoshenii v usloviakh globalizatsii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 26 okt. 2007 g.)* [Problems of legal regulation of public relations in the context of globalization: materials of the international. scientific-practical. Conf. (Minsk, 26 October 2007)]. Minsk, BGEU Publ., 2007, pp. 4–10. (in Russian)
17. Pun'ko T. N., Kulak M. N. *Civil law: The course of lectures [for the specialty "Public administration and economics"]*. Minsk, Akademiia upravleniia pri Prezidente Belarusi Publ., 2002. 357 p. (in Russian)
18. Savchenko M. I. *Maritime Law of Belarus*. Minsk, OOO “Tesei” Publ., 2003. 173 p. (in Russian)
19. Golubeva T. P. Legal regulation of liability of participants in the carriage of goods by rail. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki* = *Vesnik Polatskaga dziazhaŭnaga ŭniversiteta. Seriya D. Ekanamichnyia i iurydyчныia navuki* = *Herald of Polotsk State University. Series D. Economics and law sciences*, 2009, no. 4, pp. 149–152. (in Russian)
20. Ianovich Z. N., Karnei A. A. On the practice of resolving disputes arising in connection with the carriage of goods by rail. *Vestnik Vysshego khoziaistvennogo Suda Respubliki Belarus'* [Bulletin of the Supreme Economic Court of the Republic of Belarus], 2009, no. 10, pp. 79–87. (in Russian)
21. Osipov L. In fact, we are engaged in self-deception. *Respublika* [Republic], 2002, 12 February, p. 3. (in Russian)
22. Mikhailiuk V. Wagons – not “warehouses on wheels”. *Respublika* [Republic], 2011, 29 September, p. 5. (in Russian)
23. “Freebie” against logistics. *Respublika* [Republic], 2013, 14 February, p. 2. (in Russian)
24. Novikov V. M. *Transport law (railway transport): a textbook for students of high schools of railway transport*. Moscow, 2007. 356 p. (in Russian)

Информация об авторе

Артыюшенко Николай Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета. Частный институт управления и предпринимательства (ул. Славинского 1, корп. 3, 220086, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tsv@imb.by

Information about the author

Nikolai N. Artyushenko – Ph. D. (Law), Assistant Professor, Dean of the Law Faculty, Private Institute of Business and Management (1 Slavinskogo Str., Bldg 3, Minsk 220086, Belarus). E-mail: tsv@imb.by

ISSN 2524-2369 (print)
ISSN 2524-2377 (online)

ЭКАНОМІКА
ECONOMICS

УДК 330.341.4

Поступила в редакцию 10.10.2017
Received 10.10.2017

Л. Г. Тригубович

Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИЯМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

Аннотация. Цель статьи – обосновать и сформулировать предложения по совершенствованию организационно-функциональной структуры национальной инновационной системы (НИС). Их реализация позволит усилить целенаправленность в стратегическом управлении инновационным развитием и координацию во взаимодействии участников инновационной деятельности. Автором определяются наиболее существенные элементы в инновационной сфере, характер участия которых в инновационных процессах обуславливает причинно-следственные связи в национальной инновационной системе. Именно их совершенствование непосредственно влияет на общую результативность инновационных преобразований. Рассматриваются целевые функции НИС, направления деятельности, особенности взаимодействия ее субъектов. Статья рассчитана на специалистов в области инновационной деятельности и стратегического управления. Выводы и предложения могут быть использованы при реализации государственной политики в целях активизации и повышения эффективности процесса инновационного развития экономики.

Ключевые слова: национальная инновационная система (НИС), организационно-функциональная структура, управление инновациями

Для цитирования. Тригубович, Л. Г. Совершенствование организационно-функциональной структуры управления инновациями в Республике Беларусь / Л. Г. Тригубович // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2018. – Т. 63, № 1. – С. 112–120.

L. G. Trigubovich

Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**IMPROVING THE INSTITUTIONAL AND FUNCTIONAL FRAMEWORK
TO MANAGE INNOVATIONS IN BELARUS**

Abstract. The purpose of the article is to substantiate and formulate proposals for improving the organizational and functional structure of the national innovation system (NIS). Their implementation will strengthen the focus in the strategic management of innovative development and coordination in the interaction of participants in innovation. The author determines the most essential elements in the innovation sphere, the nature of whose participation in the innovation processes determines the cause-effect relations in the national innovation system. It is their improvement that directly affects the overall effectiveness of innovative transformations. The functions of the NIS, the areas of activity, the specific features of the interaction of its subjects are described in the article. The article is intended for specialists in the field of innovation and strategic management. Resolution and proposals can be used in the implementation of public policy in order to enhance and improve the efficiency of the innovative development of the economy.

Keywords: national innovation system (NIS), institutional and functional framework, innovation management

For citation. Trigubovich L. G. Improving the Institutional and Functional Framework to Manage Innovations in Belarus. *Vesti Natsyional'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2018, vol. 63, no. 1, pp. 112–120 (Russian).

Введение. Для обеспечения целенаправленности и управляемости в реализации задач по инновационному развитию экономики управление в НИС должно соответствовать принципам стратегического менеджмента. Ключевыми условиями, которые, по нашей оценке, должны четко прослеживаться в национальной системе управления инновациями, являются обеспечение ответственности за

содержание и динамику инновационного преобразования экономики и последовательность в принятии решений по соответствующему развитию отраслей и предприятий. Данный аспект важен потому, что решения, связанные с внедрением и распространением инноваций, приводят к необратимым изменениям. Стратегический подход к управлению позволяет сконцентрировать на достижении основной цели деятельность всех непосредственных участников инновационного процесса и включенных заинтересованных лиц, заставляет руководителей различных уровней и непосредственных исполнителей на местах искать новые возможности и угрозы, способствует последовательному непрерывному развитию выбранной траектории движения к цели, дает ясные критерии для оценки конкретных проектов, бизнесов, бюджетов.

По нашему мнению, в настоящее время стратегический подход в механизме инновационного развития экономики соблюдается не в полной мере. Это проявляется в концептуальных программных документах страны. Имеются отдельные противоречия в целях и мерах по их реализации, изложенных в Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, государственных программах развития отдельных отраслей промышленности, Национальной программе поддержки и развития экспорта на 2016–2020 годы, Программе деятельности Правительства Республики Беларусь на 2016–2020 годы и др. Считаем, что для обеспечения единства в понимании стратегического видения развития национальной экономики все основополагающие программные документы должны коррелировать между собой. Соответственно, для этого в организационно-функциональной структуре НИС должны быть созданы эффективные механизмы, обеспечивающие управляемое согласованное взаимодействие всех субъектов в различных секторах и на различных уровнях экономики страны.

Наше исследование показало, что инновационная система Беларуси в настоящее время является в большей степени формальной конструкцией, дополненной определенными организационно-правовыми механизмами управления и регулирования инновационной деятельности, а не целостной системой. Принятая в официальных документах организационно-функциональная структура НИС объединяет отдельные фрагменты системы, в том числе научные и образовательные учреждения, инновационно-ориентированные предприятия, специализированные предприятия инновационной инфраструктуры, отличающиеся выполняемым функционалом и степенью инновационности. И хотя Концепцией национальной инновационной системы определены принципиальные функции государства в НИС (интеграционная, ресурсного обеспечения, создания общесистемных условий функционирования инновационной сферы, международного сотрудничества), управленческая вертикаль не в полной мере охватывает и координирует многообразие связей и взаимозависимостей в НИС, при этом и взаимодействие на уровне отдельных субъектов НИС, как и их межуровневая координация, реализуются недостаточно эффективно [10].

Вопрос о совершенствовании организационно-функциональной структуры НИС Беларуси, по нашему мнению, необходимо рассматривать с учетом согласованности в интерпретации оценок:

во-первых, новых экономических условий, формируемых под воздействием происходящих инновационных процессов;

во-вторых, объема потенциальных возможностей НИС и уровня ее влияния в рамках цепочек ценностей, существующих в интеграционном межгосударственном пространстве и мировой экономике в целом.

Эти факторы в свою очередь влияют на выбор приоритетов инновационного развития, выделение ключевых преимуществ и стратегию реализации инновационной деятельности в конкретных условиях. Данный аспект весьма важен, поскольку активное инновационное преобразование, охватывая большое количество различных субъектов на всех уровнях национальной экономики, неизбежно изменяет технологическое и содержательное обеспечение ее производственно-отраслевой структуры [6; 7; 9; 11].

Считаем, что главным предназначением НИС как организационного инструмента в механизме инновационного развития экономики следует считать *ее координирующее воздействие на систему хозяйствования, обеспечивающее реализацию таких характеристик, как: управляемость, согласование, сбалансированность, содействие, концентрация, равновесие, страхование*. Основная суть

функционирования НИС проявляется через ее системный характер. Все ее элементы взаимосвязаны и взаимозависимы, а степень, глубина и направленность этих связей и зависимостей определяют специфику инновационного развития экономики.

Поскольку ведущей характеристикой инноваций является воздействующее изменение, которое приводит к определенной трансформации производственной среды и социальных взаимоотношений, это должно учитываться при определении результативности функционирования НИС. Так, внедрение технологических инноваций может существенно изменить структуру производства традиционной продукции, что в свою очередь приведет к изменению ее качественных характеристик и колебаниям потребительского спроса. Поэтому можно сказать, что *взаимодействие в НИС и устойчивость инновационного развития экономики тесно взаимосвязаны и зависят от полноты, достоверности и оперативности информации, касающейся инноваций и их научной и практической ценности.*

Кроме того, процессы прямого целевого финансирования и косвенного стимулирования, сопровождающие инновации, приводят к изменению общей направленности финансовых потоков в экономике, что в свою очередь влияет на изменение технологических, профессиональных, социальных приоритетов и потребностей. В этой связи считаем важным в рамках НИС не только непосредственно поддерживать развитие инновационной деятельности, стимулируя внедрение новых технологий в приоритетных областях научно-технического и социального развития, но и *координировать инновационные процессы с учетом предвидения возможных последствий сопровождающих их социально-производственных изменений* [5; 16].

Например, широкое внедрение информационных технологий в банковский сектор коренным образом изменило структуру и специфику организации банковских услуг, значительно расширило номенклатуру банковских продуктов и каналы их распространения. Под влиянием этих механизмов существенно изменились другие виды экономической деятельности: организационные условия, структура, формат и география торговли и логистики, возможности взаимодействия субъектов сферы торговли и услуг и потребительской аудитории, усилилась глобальная конкуренция. Экономические показатели деятельности банковских и торговых предприятий сегодня все больше зависят от степени включенности в сетевые информационные ресурсы. Кроме того, изменение управления данным процессом требует обеспечить разработку и поддержку на определенном уровне соответствующего программного обеспечения, охватывающего все цепочки взаимодействия в банковско-торговой сфере и учитывающего специфику различных ее секторов, что в свою очередь обуславливает усиление потребности в IT-специалистах определенного профиля. В результате рынок труда характеризуется повышенным спросом на таких специалистов, система высшего и дополнительного образования расширяет перечень специальностей, связанных с информационным обеспечением деятельности организаций, в том числе банковских и торговых. В то же время промышленный производственный сектор испытывает острую нехватку инженерных кадров с высоким инновационным потенциалом, способных к активному развитию идей, разработке и внедрению коренных изменений в производство.

Таким образом, активное внедрение инноваций в отдельных секторах экономики может привести к широкому изменению технологической и социальной структуры экономики в целом. Это требует, с одной стороны, своевременной и адекватной реакции системы образования на подготовку кадров для новых условий, обеспечивающей быстрое инновационное развитие определенной отрасли, а с другой – обеспечения целостной координации протекающих изменений и недопущения возникающих перекосов в подготовке кадров, существенно мешающих реализации национальных интересов страны в других, не менее важных отраслях экономики. Следовательно, *координирующая роль НИС в инновационном развитии экономики должна опираться на согласованность и последовательность реализации единой политики Министерства образования и Министерства труда и социальной защиты в области кадрового обеспечения инновационных процессов.*

Результативность НИС базируется на согласовании и реализации взаимных интересов и потребностей в инновационной сфере трех главных субъектов:

- 1) государства как основополагающего звена НИС и главного направляющего рычага инновационного развития экономики;
- 2) непосредственных исполнителей, в первую очередь предприятий промышленности, внедряющих инновации в основную деятельность и тем самым развивающих ее;

3) организаций научно-образовательной сферы, обеспечивающей информационно-компетентностную поддержку технологических изменений и быструю адаптацию производственного сектора к новым условиям.

Основой стратегии совершенствования инновационной сферы является конкретизация механизма инновационного развития экономики, с соответствующим отражением изменений в организационно-функциональной структуре НИС как его институциональном рычаге, в том числе:

во-первых, объективная оценка инновационных изменений с точки зрения их полезности для национальной экономики и последовательность в принятии решений, касающихся финансирования и поддержки конкретных проектов и процессов. Это может быть обеспечено только при условии ответственности принимаемых инноваций стратегическим замыслом и национальным приоритетам. Такой подход позволит концентрировать необходимое количество ресурсов, требующихся для создания и внедрения инноваций, и обеспечит уверенность в реальности их воплощения. При этом стратегические замыслы должны включать не только непосредственное инновационное решение, но и возможные комбинации взаимодействующих секторов, чьи интересы и потребности будут затронуты при внедрении конкретной инновации.

В условиях узости собственного белорусского рынка и значительной зависимости структуры и направленности экспорта считаем, что основное внимание приобретает разработка и внедрение таких инноваций, которые будут способны обеспечить ресурсное, энергетическое, экологическое, технологическое усовершенствование традиционной продукции в пользу ее удешевления, а также создание продукции двойного назначения;

во-вторых, определение ключевых конкурентных преимуществ научно-исследовательского потенциала Беларуси с точки зрения его использования для инновационного развития страны в рамках международного взаимодействия со странами ЕАЭС. Развитие интеграционных связей в данном направлении значительно расширяет возможности применения и наработанного в предыдущие годы научного багажа и разработки новых проектов, учитывающих конкретные потребности и взаимные интересы стран и регионов, являющихся партнерами. Это позволяет добиться синергетического эффекта, способствует повышению уровня конкурентоспособного потенциала интеграционного объединения. Эффективное интеграционное взаимодействие отдельных структур и организаций усиливает роль отдельных стран и регионов, так как именно на этом уровне формируются новые направления внешней экономической деятельности, позволяющие, при необходимости, привлекать в инновационную деятельность и использовать разнообразные элементы всей национальной экономики. Таким образом происходит совмещение интересов в процессах глобализации и регионализации.

В данной связи считаем необходимым взаимоувязку индустриально-инновационного развития стран-партнеров по ЕАЭС, создание общей промышленной политики, в рамках которой должны быть предусмотрены ключевые направления технологического взаимодействия, а также расширение информационной доступности и значимости результатов, полученных в рамках международного сотрудничества признанных в странах-партнерах научных школ;

в-третьих, создание и развитие образовательной и культурной среды, способствующей возникновению и реализации инноваций. В данном случае имеются в виду не только непосредственное обучение специалистов, готовых к активной инновационной деятельности, и оперативное внедрение в образовательный процесс информации о последних достижениях и перспективах развития мировой и отечественной науки. Необходимо создание мировоззренческой системы, в которой обеспечивается повсеместное внедрение ценностей, соответствующих требованиям инновационного общества, в качестве элементов национальной культуры, системное внедрение и поощрение практики решения творческих задач на всех этапах и ступенях получения образования с одновременным стимулированием учительской и преподавательской аудитории к такой деятельности;

в-четвертых, разработка и внедрение действенных стимулирующих механизмов, формирующих активную мотивацию субъектов НИС на всех этапах инновационного процесса. Основная задача стимулирования инновационной деятельности, по нашей оценке, заключается в повышении заинтересованности субъектов хозяйствования в обеспечении инновационной перестройки производственной деятельности с целью повышения конкурентоспособности конкретных секторов экономики. Многоуровневость, многоаспектность и разнонаправленность стимулирования позволяют обеспечить

повышение сравнительной привлекательности инновационной деятельности как объекта для применения сил и направления ресурсов [1; 2; 12].

Выделенные направления совершенствования механизма инновационного развития экономики вполне реализуемы в рамках НИС при условии обеспечения системности и скоординированности действий ее субъектов.

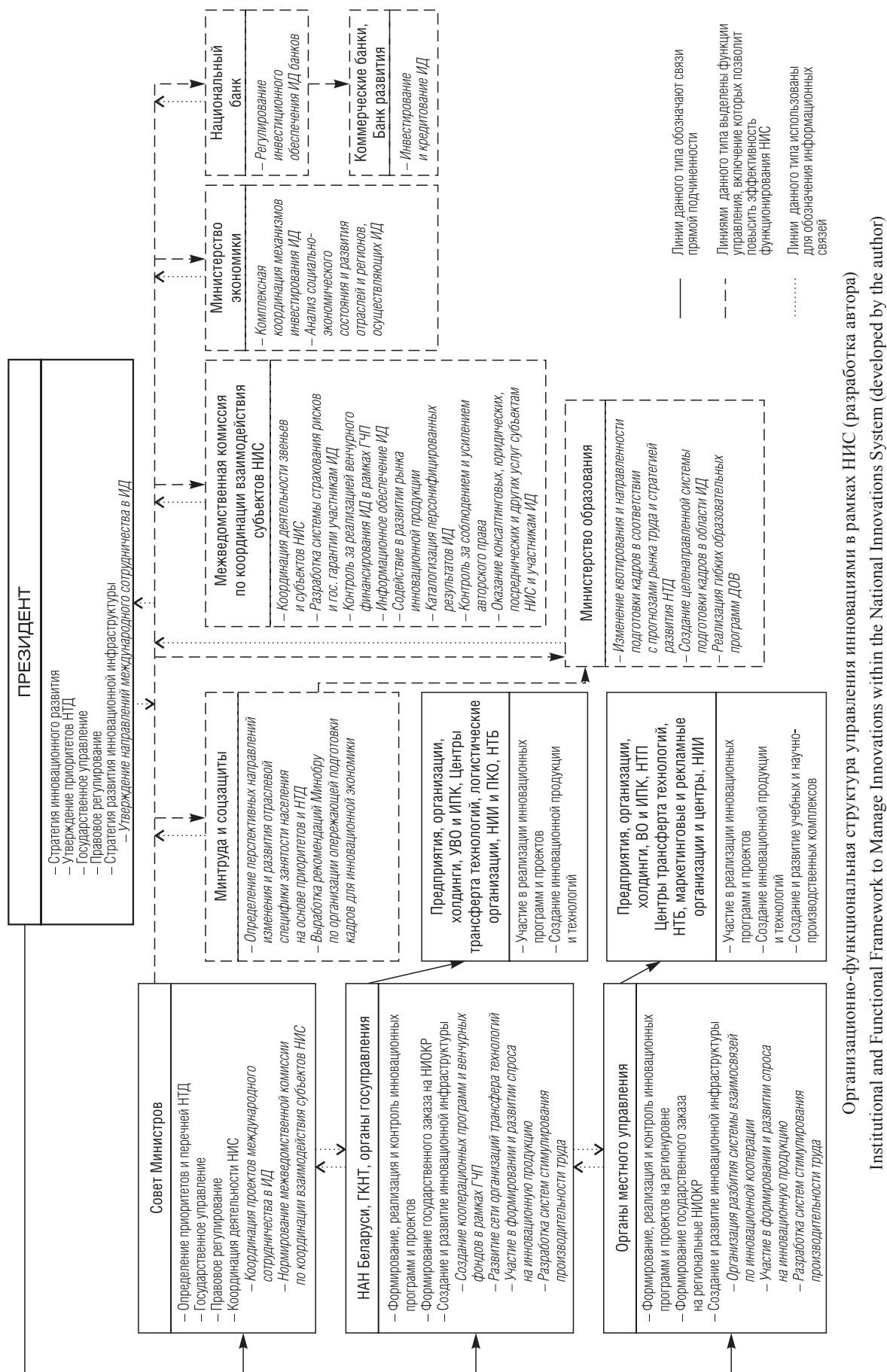
В качестве основных задач функционирования НИС, по нашей оценке, особенно недостаточно выраженных в настоящее время, считаем важным определить следующие:

- широкое информационное обеспечение и сопровождение рынка инновационной продукции и технологий;
- организационная поддержка инноваций путем создания условий по целенаправленному привлечению высококвалифицированных специалистов и консультантов в области экономического, кадрового, бухгалтерского, маркетингового анализа и учета для реализации организационных функций управления нововведениями в период их разработки и внедрения;
- создание и развитие инновационных кластеров, соответствующих стратегическим национальным интересам и соответствующих приоритетным направлениям развития экономики Беларуси;
- мониторинг развития рынка инноваций и сопутствующих отраслей;
- разработка показателей влияния внедрения инноваций на эффективность деятельности соответствующего звена НИС (предприятия, кластера, отрасли и т. д.).

Считаем целесообразным в существующей организационно-функциональной структуре управления инновациями в рамках НИС внесение изменений в распределение функций между ее основными звеньями. Организационно-функциональная структура управления инновациями в рамках НИС Беларуси представлена на рисунке. Предлагаемые изменения (выделены на рисунке курсивом) связаны с необходимостью координации взаимодействия субъектов НИС и их конкретного экономического поведения в инновационной сфере для обеспечения целенаправленности и последовательности инновационных процессов и соответствия происходящих перемен общим национальным интересам и приоритетам страны.

Важнейшим рычагом в организационно-функциональной структуре управления инновациями в рамках НИС становится согласованность действий по формированию единого образовательного и трудового потенциала, способного реализовать инновационные приоритеты страны. Поскольку внедрение инноваций, неся в себе новое знание и технологии, в реальном режиме времени видоизменяет структуру и требования к качеству трудовых ресурсов, представляется важным обеспечить не только тесное взаимодействие в НИС субъектов, непосредственно участвующих в реализации организационно-управленческих и творческо-производственных функций, но и реальную готовность членов социума к осуществлению эффективной трудовой деятельности в новых условиях. В этом большая роль отводится Министерству труда и социальной защиты, призванному обеспечить в долгосрочной перспективе сбалансированность рынка труда через отслеживание основных тенденций научно-технического развития предприятий и отраслей страны, определение перспективных направлений изменения структуры занятости населения на основе признанных национальных приоритетов и достижений научно-технической деятельности, выработку в оперативном режиме рекомендаций Министерству образования по организации опережающей подготовки кадров для инновационной экономики. Здесь же необходимо отметить расширение возможностей подготовки и привлечения трудовых ресурсов, адекватных новым условиям хозяйствования, за счет взаимодействия научных школ, образовательных и научных учреждений, стажировок персонала в едином пространстве ЕАЭС [3; 9; 16].

Существенным, как показало наше исследование, недостатком белорусской НИС является то, что в ней не представлены банковская система и государственные интегрированные структуры, не определены функции и возможности влияния на инновационное развитие Национального банка, коммерческих банков. Роль банковского сектора в создании и внедрении инноваций, которые могут стать прорывными в производственной сфере национальной экономики, в настоящее время невелика. По сути, банки дистанцированы от рискованных вложений в инновационный бизнес, а реализуемые банками условия кредитования инновационных проектов невыгодны новаторам, а потому мало востребованы. Кроме

того, инвестирование банками инноваций осуществляется на поздних этапах реализации проектов, а не на стадии start-up, когда наблюдается наибольшая потребность в финансировании.

Считаем, что одной из важных задач совершенствования НИС Беларуси является *формирование новых инструментов банковского инвестирования инноваций*, использование которых позволит расширить возможности финансового посредничества в НИС. В данной связи необходимо рассмотреть условия, регулирующие участие банков в венчурном инвестировании. В рамках действующего законодательства совершение банками долгосрочных, высоко рискованных операций ограничено либо за счет установления барьеров, обеспечивающих безопасное функционирование банков и защиту интересов вкладчиков, либо путем определения банкам, имеющим высокую степень капитализации, конкретных объемов таких операций за счет собственных источников финансирования. Анализ деятельности банков в данном случае выполняет Национальный банк, выступающий гарантом соблюдения интересов вкладчиков и кредиторов и принимающий решения, в том числе по вопросам развития венчурного финансирования. Например, в случае долевого участия банка в уставном фонде другой организации необходимо разрешение Национального банка. При получении такого разрешения сумма долевого участия банка вычитается при расчете нормативного капитала, изменяя показатели устойчивости и на объем кредитных операций банка [8; 15].

При создании благоприятных условий осуществления деятельности финансирование рискованных проектов может стать одним из выгодных направлений банковской практики. В данном случае банки получают возможность через участие в венчурных проектах внедряться в новые отрасли (в качестве инвесторов в капитал), разрабатывать и выводить на рынок новые финансовые инструменты для увеличения доходов, расширять клиентскую базу путем привлечения и повышения лояльности клиентов, ранее использовавших их венчурный капитал. Поэтому целесообразно расширение участия банковского сектора в инновационном процессе и повышение заинтересованности финансовых институтов в кредитовании инновационного сектора на приемлемых условиях.

Концепцией Национальной инновационной системы 2006 г. в рамках решения вопросов стимулирования банковско-кредитных учреждений был предложен механизм освобождения от налогообложения части прибыли банков, получаемой ими в результате предоставления долгосрочных кредитов под конкретные инновационные проекты, а также возможность не производить отчисления в резерв Национального банка Республики Беларусь на сумму привлеченных ресурсов в объеме предоставленных банком инвестиционных кредитов под освоение в производстве результатов отечественных научно-технических разработок [10].

Данные меры стимулирования, по нашей оценке, актуальны и сегодня. Поскольку специфика банковской деятельности обеспечивает тесное взаимодействие в рамках партнерских отношений с кредитором, это позволяет банку получать достоверную информацию о деятельности инвестируемого предприятия на всех этапах жизненного цикла инновационного проекта. Такое взаимодействие в свою очередь позволяет наиболее взвешенно осуществлять выбор и финансирование проектов, в том числе с возможностью объединения процессов венчурного инвестирования и кредитования. Кроме того, с учетом широкой разветвленности банковских структур может быть эффективной практика использования синдицированного кредитования. Расширение венчурных возможностей банков позволит повысить их участие в реализации проектов, находящихся в сфере интересов национального и международного инновационного развития. Поэтому целесообразным представляется включение Национального банка Беларуси как регулятора деятельности банковского сектора в межведомственную комиссию по координации взаимодействия субъектов НИС.

Выводы. Таким образом, разработанные предложения по совершенствованию организационно-функциональной структуры НИС позволят обеспечить связанность и непрерывность инновационного процесса путем координации и согласования действий субъектов, включая дискретные участки инновационной цепочки. *Ключевыми направлениями развития НИС* являются: определение сферы ответственности и полномочий за соответствие реализуемых инноваций стратегическим замыслам и национальным приоритетам, в том числе создание эффективного образовательного и трудового потенциала, способного реализовать инновационные приоритеты страны; развитие механизмов индустриально-инновационной кооперации со странами-партнерами по ЕАЭС; создание

и развитие информационно-образовательной среды, направленной на формирование инновационной культуры; обеспечение адекватности в применении стимулирующих механизмов, сопровождающих процесс инновационного развития экономики.

Список использованных источников

1. Гончаров, В. В. Направления интенсификации инновационного развития Республики Беларусь в условиях становления инновационной экономики / В. В. Гончаров, Я. П. Хило // Вестн. ГГТУ им. П. О. Сухого. – 2013. – № 3. – С. 117–123.
2. Гусаков, В. Г. Система основных факторов развития экономики Республики Беларусь / В. Г. Гусаков // Наука и инновации. – 2015. – № 7 (149). – С. 10–15.
3. Даванков, А. Ю. Формирование системы кадрового обеспечения инновационного развития экономики региона / А. Ю. Даванков, К. О. Соколов [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://vestnik.osu.ru>. – Дата доступа: 29.09.2015.
4. Дадалко, С. В. Особенности формирования национальной инновационной системы / С. В. Дадалко, И. И. Вострокрылова // Наука и инновации. – 2017. – № 6. – С. 39–43.
5. Жигайло, В. В. Пути развития национальной инновационной системы, механизмы стимулирования и реализации / В. В. Жигайло [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4092>. – Дата доступа: 11.09.2017.
6. Жихарев, К. Л. Сущность и содержание инновации как феномена хозяйственной деятельности / К. Л. Жихарев [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://www.e-rej.ru>. – Дата доступа: 25.09.2015.
7. Киселев, В. Н. Инновационная политика и национальные инновационные системы Канады, Великобритании, Италии, Германии и Японии / В. Н. Киселев, Д. А. Рубвальтер, О. В. Руденский. – М.: Центр исследований статистики и науки, 2009. – 74 с.
8. Лученок, А. И. О привлечении банков к финансированию инноваций / А. И. Лученок, Н. В. Рябова [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://luchecon.livejournal.com/438786.html>. – Дата доступа: 19.08.2017.
9. Машковская, Т. Г. Инновационное развитие высокотехнологичных производств / Т. Г. Машковская [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://elibrary.miu.by/journals/item.science-xxi>. – Дата доступа: 08.10.2015.
10. Национальная инновационная система [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.gknt.gov.by/openscms/openscms/ru/nis/>. – Дата доступа: 07.12.2016.
11. Нехорошева, Л. Н. Инновационные системы современной экономики / Л. Н. Нехорошева, Н. И. Богдан. – Минск: БГЭУ, 2003. – 209 с.
12. Нехорошева, Л. Н. Национальная инновационная система Республики Беларусь / Л. Н. Нехорошева, Н. Б. Антонова, М. В. Мясникович. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2007. – 148 с.
13. Полозюкова О. Е. Пути реализации стратегии инновационного развития Китая [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-realizatsii-strategii-innovatsionnogo-razvitiya-kitaya>. – Дата доступа: 03.11.2016.
14. Проблемы экономики Беларуси и пути их решения: Научно-аналитический доклад; Ин-т экономики НАН Беларуси [Электронный ресурс]. – 2015. – Режим доступа: <http://economics.basnet.by/files/Problem.pdf>. – Дата доступа: 23.12.2015.
15. Сплошнов, С. В. Роль банков в системе финансового посредничества в Республике Беларусь / С. В. Сплошнов, Н. Л. Давыдова [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://rep.poleessu.by/bitstream/112/8400/1/26.pdf>. – Дата доступа: 13.05.2017.
16. Шумилин, А. Г. Национальная инновационная система Республики Беларусь: монография / А. Г. Шумилин. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2014. – 254 с.

References

1. Goncharov V. V., Khilo Ia. P. Directions of intensification of innovative development of the Republic of Belarus in the conditions of formation of innovative economy. *Vestnik Gomel'skogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta imeni P. O. Sukhogo* [Bulletin of the Gomel State Technical University named after P. O. Sukhoi], 2013, no. 3, pp. 117–123. (in Russian)
2. Gusakov V. G. System of main factors of economic development of the Republic of Belarus. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 2015, no. 7(149), pp. 10–15. (in Russian)
3. Davankov A. Ju., Sokolov K. O. Formation of the personnel supply system for the innovative development of the region's economy. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2010, no. 4(110), pp. 66–70. Available at: http://vestnik.osu.ru/2010_4/10.pdf, (Accessed 29.09.2015). (in Russian)
4. Dadalko S. V., Vostrokrylova I. I. Features of the formation of the national innovation system. *Nauka i innovatsii* [Science and Innovation], 2017, no. 6, pp. 39–43. (in Russian)
5. Zhigailo V. V. Ways of development of the national innovation system, incentive and implementation mechanisms. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: The Economy], 2010, no. 2, pp. 44–50. Available at: <http://www.vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/4092>, (Accessed 11.09.2017). (in Russian)

6. Zhikharev K. L. The essence and content of innovation as a phenomenon of economic activity. Available at: <http://www.e-rej.ru/Articles/2011/Zhiharev206.pdf>, (Accessed 25.09.2015). (in Russian)
7. Kiselev V. N., Rubval'ter D. A., Rudenskii O. V. Innovative policies and national innovation systems of Canada, Great Britain, Italy, Germany and Japan. *TsISN. Informatsionno-analiticheskii biulleten'* [CICS. Information and analytical bulletin]. 2009, no. 6. 73 p. Available at: http://77.108.127.29/inform/iab/iab6_2009.pdf, (Accessed 25.09.2015). (in Russian)
8. Luchenok A. I., Riabova N. V. On attracting banks to financing innovation. Available at: <http://luchecon.livejournal.com/438786.html>, (Accessed 19.08.2017). (in Russian)
9. Mashkovskaia T. G. Innovative development of high-tech industries. *Aktual'nye problemy nauki XX² veka* [Actual problems of XXI century science], 2013, no. 2, pp. 74–79. Available at: <http://elibrary.miu.by/journals/item.science-xxi>, (Accessed 08.10.2015). (in Russian)
10. National Innovation System. Available at: <http://www.gknt.gov.by/opencms/opencms/ru/nis/>, (Accessed 07.12.2016). (in Russian)
11. Nekhorosheva L. N., Bogdan N. I. *Innovative systems of modern economy*. Minsk, BGEU Publ., 2003. 209 p. (in Russian)
12. Nekhorosheva L. N., Antonova N. B., Miasnikov M. V. *National innovation system of the Republic of Belarus*. Minsk, Akademiia upravleniia pri Prezidente Respubliki Belarus' Publ., 2007. 148 p. (in Russian)
13. Polozhiukova O. E. Ways of implementing the strategy of China's innovation development. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta* [Problems of Economics and Management], 2011, no. 3, pp. 84–90. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-realizatsii-strategii-innovatsionnogo-razvitiya-kitaya>, (Accessed 03.11.2016). (in Russian)
14. Problems of the Belarusian economy and ways to solve them: Scientific and analytical report. Available at: <http://economics.basnet.by/files/Problem.pdf>, (Accessed 23.12.2015). (in Russian)
15. Sploshnov S. V., Davydova N. L. The role of banks in the system of financial intermediation in the Republic of Belarus. Available at: <http://rep.polessu.by/bitstream/112/8400/1/26.pdf>, (Accessed 13.05.2017). (in Russian)
16. Shumilin A. G. National innovation system of the Republic of Belarus. Minsk, Akademiia upravleniia pri Prezidente Respubliki Belarus' Publ., 2014. 254 p. (in Russian)

Информация об авторе

Тригубович Лариса Геннадьевна – заведующий сектором инновационного развития экономики. Институт экономики, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: tlg@list.ru

Information about the author

Larisa G. Trigubovich – Head of the Section for Innovative Economic Development, Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: tlg@list.ru

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

BELARUSIAN SCIENTISTS

Паступіў у рэдакцыю 17.07.2017

Received 16.05.2017

УЛАДЗІМІР ВАСІЛЬЕВІЧ ГНІЛАМЕДАЎ (Да 80-годдзя з дня нараджэння)

Самае асноўнае ў жыцці чалавека, напэўна, гэта знайсці сябе, сваё месца ў жыцці, сваё прызвание, свой «покліч лёсу і часу», каб мець магчымасць напоўніцу рэалізаваць сябе на карысць людзям, Бацькаўшчыне. І чалавеку, для таго каб адчуць, зведаць і рэалізаваць свае прыродныя задаткі і магчымасці, неабходна прарабіць велізарную ўнутрана-духоўную працу душы, розуму і сэрца.

Пошук карэнняў духоўнай біяграфіі чалавека звычайна знаходзіцца ў сферы як асабістага лёсу, жыццёвай памяці і вопыту, так і ў загляданні ў прастору містычна-лёсавога збегу абставін касмічнага, гістарычнага, грамадскага і індывідуальнага характару індывіда.

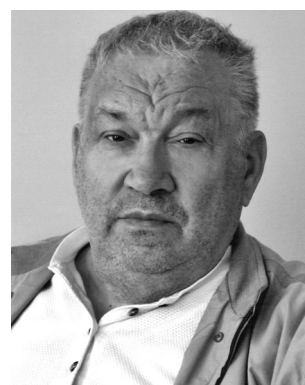
Дасягнуўшы пэўных вяршынь сацыяльнага, прафесійнага і чалавечага поспеху і сталення, асоба тым не менш імкнецца як мага больш расшырыць далягляды свайго «першамесца» ў гэтым свеце, каб адчуць сваю пупавінную знітанасць з лёсам сваіх продкаў, аднавяскоўцаў, калег па працы, соцыумам, нацыяй, чалавецтвам, каб больш арганічна ідэнтыфікаваць сябе ў свеце, часе і быцці, каб заставацца самім сабой і быць удзячнай людзям, якія сустрэліся на яе жыццёвым і культурным шляху самасталення.

Гэта ва ўсёй эстэтычнай паўнаце і змястоўнасці мы можам прачытаць і адчуць у цікавай, змястоўнай кнізе «Уладзімір Гніламедаў: Заставацца сабой» з серыі «Асоба і час», выдадзенай у 2012 годзе і прымеркаванай да 75-годдзя з дня нараджэння акадэміка НАН Беларусі Уладзіміра Васільевіча Гніламедава. Час бяжыць хутка, і сёлета мы ўжо адзначаем 80-гадовы юбілей славнага навуковазнаўцы і пісьменніка.

Асоба выдатнага айчыннага гуманітарыя-навукоўца, літаратуразнаўца, пісьменніка і крытыка, доктара філагічных навук, прафесара, акадэміка, члена Саюза пісьменнікаў Беларусі – Уладзіміра Васільевіча Гніламедава – займае сваё адметнае і пачэснае месца ў беларускім літаратурным тэзаўрусе XX і XXI стагоддзяў.

Добра вядома, што час і месца нараджэння чалавека прыдаюць асаблівы акрас і характар яго будучай біяграфіі. Па словах маці, час нараджэння будучага акадэміка супаў са святам каталіцкіх Каляд, але метрыка ў вайну згарэла, і камісія па ўстанаўленні ўзросту запісала дату нараджэння «па палітычных меркаваннях» – 26 снежня 1937 года. Месцам жа народзінаў стала паляшук-дулебская вёска Кругель, што ў дзесяці кіламетрах ад пасёлка Камянец, які гістарычна слаўны сваёй абарончай вежай-стаўпом.

З малых гадоў няўрымслівая і пазнавальная натура хлопчыка як магніт імкнулася прыцягнуць, увабраць і акумуляваць у сябе прыродна-гістарычную энергетыку роднага краю, а праз душэўную чулівасць падлетка да магіі слова зведаць і спазнаць неабдымную прастору акаляючага свету і чалавека ў ім.

Закончыўшы з сярэбраным медалём мясцовую сярэднюю школу, малады апантаны юнак жадаў паступіць у Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт на геалагічны факультэт. Аднак збег абставін склаўся так, што ён вымушаны быў здаць дакументы ў Брэсцкі педагагічны інстытут на філалагічны факультэт, дзе з захапленнем пачаў спазнаваць таямніцы мастацкага, вобразнага слова, разам з тым на ўсё жыццё захаваўшы ў сабе цікавасць да вандровак і падарожжаў.

Па заканчэнні інстытута ў 1959 годзе малады настаўнік нядоўгі час працуе на Берасцейшчыне завучам Тамашоўскага дзіцячага дома і па сумяшчальніцтву намеснікам дырэктара Камароўскай сярэдняй школы. Затым у 1959–1961 гадах ён праходзіць нялёгкую і напружаную салдацкую службу ў войсках супрацьпаветранай абароны. Менавіта на гэты час прыпадае знакаміты эпізод «халоднай вайны» са збітым амерыканскім самалётам-разведчыкам У-2 надалёка ад горада Свядлоўска (зараз Екацярынбург).

Пасля сужбы ў арміі ў 1962 годзе прага да творчай літаратурай дзейнасці, трывала прывітая выкладчыкамі педінстытута, скіравала жыццёвую сцяжыну былога армейца ў аспірантуру Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы Беларускай акадэміі навук. Тут, у сценах гэтага акадэмічнага Інстытута, і будуць у асноўным праходзіць жыццясталенне і жыццясцвярджэнне нашага юбіляра. Пасля паспяховага завяршэння навучання ў аспірантуры ён становіцца навуковым супрацоўнікам гэтага Інстытута, а ўжо ў 1966 годзе ім была абаронена кандыдацкая дысертацыя на тэму «Праблема традыцый і наватарства ў сучаснай беларускай лірыцы (1954–1965)».

Схільнасць маладога вучонага да цэласнага аналізу працэсу літаратурнага развіцця раскрыла ў ім задаткі дасціпнага і сур'ёзнага навукоўцы, які імкнецца да шырокага ахопу як фактычнага матэрыялу, багатай паэтычнай і лірычнай спадчыны беларускай паэзіі, так і выдатна спалучае яго са скрупулёзным, аналітычным вопытам тэрэатычных распрацовак лепшых дасягненняў літаратуразнаўчай навукі. Усё гэта было заўважана старэйшымі таварышамі па працы, якія затым і рэкамендавалі маладога кандыдата навук на адказную партыйна-літаратурную працу.

З 1969 па 1976 год Уладзімір Васільевіч знаходзіцца на партыйнай рабоце, працуючы інструктарам ЦК КПБ па пытаннях літаратуры, прымае актыўны і непасрэдны ўдзел у вірлівай і вельмі далікатнай дзейнасці па фарміраванню рэспубліканскага літаратурнага працэсу і жыцця. Але прага і жаданне да самастойнай рэалізацыі ў слове і літаратуры ніколі не пакідалі творчую натуру дзейснай і крэатыўнай асобы. І ў 1976 годзе па запрашэнню новага дырэктара Інстытута літаратуры І. Я. Навуменкі, які падбіраў сваю каманду для працы ў акадэмічным інстытуце, Уладзімір Васільевіч зноў вяртаецца ў родны для яго Інстытут літаратуры, на пасаду намесніка дырэктара Інстытута па навукавай працы, а з 1977 года па сумяшчальніцтву яшчэ становіцца і загадчыкам аддзела тэорыі літаратуры.

Уліўшыся ў творчую атмасферу ўжо добра сябе зарэкамендаваўшай акадэмічнай установы, дзе плённа і актыўна працавала цэлая плеяда таленавітых і знакамітых вучоных-літаратуразнаўцаў, такіх як А. Адамовіч, В. Івашын, В. Каваленка, П. Дзюбайла, М. Арочка, М. Мушынскі, В. Жураўлёў і іншыя, Уладзімір Васільевіч даволі хутка ўвайшоў у агульны напружаны рытм навукова-даследчага вывучэння тэорыі, гісторыі, паэтыкі і тэксталогіі айчынай літаратуры. У 1987 годзе У. В. Гніламедаў паспяхова абранне доктарскую дысертацыю на тэму «Сучасная беларуская паэзія: творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс» і праз чатыры гады атрымоўвае ганаровае званне прафесара.

З 1997 па 2006 год амаль цэлае дзесяцігоддзе яму давялося працаваць на пасадзе дырэктара адзінай у краіне акадэмічнай установы, якая займаецца шматаспектным даследаваннем праблем нацыянальнай і сусветнай літаратуры. Менавіта на гэты перыяд прыпадае праца і выданне Інстытутам літаратуры фундаментальнай навукавай працы «Гісторыя беларускай літаратуры ХХ стагоддзя ў чатырох тамах і шасці кнігах» (1999–2014), якая сталася плёнам даследчыцка-навуковых дасягненняў лепшых літаратуразнаўчых сіл усёй Беларусі пад агульнай каардынацыяй і кіраўніцтвам Інстытута літаратуры. У гэтым маштабным даследаванні паказаны важнейшыя дасягненні нашага прыгожага пісьменства за апошнія стагоддзі свайго існавання, зроблена паспяховая аналітычная апраца мастацкага тэзаўруса нашага пісьменства і літаратурнага працэсу. Між іншым такой абагульняючай і грунтоўнай працай пакуль не могуць пахваліцца нашы ўсходнеславянскія суседзі.

У 2003 годзе Уладзіміра Васільевіча абіраюць акадэмікам НАН Беларусі. На сучасны момант ён працуе на пасадзе галоўнага навуковага супрацоўніка Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, куды на правах філіяла ўваходзіць і Інстытут літаратуразнаўства імя Янкі Купалы, адначасова займаючы пасаду Старшыні Савета па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый у галіне літаратуразнаўства. Ён з'яўляецца членам праўлення Саюза пісьменнікаў Беларусі, а таксама членам рэдкалегіі многіх цэнтральных дзяржаўных выданняў у галіне культуры, мастацтва, мовы і літаратуры, такіх як часопісы «Полымя», «Белая вежа», «Роднае слова», «Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук» і інш. Нават цяжка пералічыць усе грамадскія і дзяржаўныя нагрукі і пасады руплівага навукоўцы і грамадзяніна.

Друкавацца У. В. Гніламедаў пачаў з 1962 года. У сферы зацікаўленасці вучонага – шырокі спектр пытанняў тэорыі і гісторыі, паэтыкі і эстэтыкі, тэксталогіі і метадалогіі айчынай і сусветнай літаратуры, а таксама майстэрства пісьменніцкага самавыяўлення.

З-пад яго пяра выйшлі навуковыя выданні: брашурны – «Лірычны летапіс часу» (1967), «Ленін у сэрцы» (1968), «Сучасная беларуская паэзія» (1969), «Пафас жыццясцвярджэння: Вобраз чалавека актыўнай жыццёвай пазіцыі ў сучаснай беларускай паэзіі» (1985), ён адзін з аўтараў кнігі «У. І. Ленін і Кастрычніцкая рэвалюцыя ў беларускай літаратуры» (у сааўтарстве з С. Лаўшуком і Л. Савік) (1987), аўтар манаграфій – «Традыцыі і наватарства» (1972), «Сучасная беларуская паэзія: Творчая індывідуальнасць і літаратурны працэс» (1983), «Іван Мележ: Нарыс жыцця і творчасці» (1984), «Праўда зерня: творчы партрэт Васіля Зуёнка» (1992), «Янка Купала: Новы погляд» (1995), «Ад даўніны да сучаснасці: Нарыс пра беларускую паэзію» (2001), «Янка Купала: Жыццё і творчасць» (2002); зборнікаў літаратурна-крытычных артыкулаў – «Упоравень з часам» (1976), «Як само жыццё» (1980), «Ля аднаго вогнішча» (1984), «Класікі і сучаснікі» (1987).

Усе гэтыя навуковыя манаграфічныя даследаванні ствараюць маштабную панараму літаратурнага і мастацкага працэсу, жыцця Айчыны, падаюць яго ў шырокіх і шматаспектных стахунках і ўзаемаадносінах нацыянальнай культуры з культурнай традыцыяй іншых народаў, з агульным гістарычным рухам і дасягненнямі сусветнага мастацтва.

Гэтыя працы – сапраўдны летапіс значных дасягненняў беларускай літаратуры ХХ стагоддзя, у якім за больш чым паўвекавы прамежак часу створана цэлая галерэя творчых партрэтаў класікаў нацыянальнай паэзіі і прозы Я. Купалы, Я. Коласа, А. Куляшова, М. Танка, І. Мележа, В. Зуёнка і многіх іншых выдатных, таленавітых творцаў беларускай і сусветнай літаратуры.

У апошнія два дзесяцігоддзі пражыццёвая творчасць Уладзіміра Васільевіча сталася ўнікальнай літаратурна-мастацкай з'явай нашай літаратуры. У. В. Гніламедаў, амаль без папярэдняй стылістычнай падрыхтоўкі праз менш дробныя пражыццёвыя формы апавядання і аповесці, адразу паспяхова рэалізаваў свой талент у авалоданні такім складаным і патрабуючым асаблівага мастацкага і эстэтычнага майстэрства, пражыццёвым жанры, як раман, і вельмі хутка пры гэтым заняў у сучасным беларускім літаратурным працэсе прыкметнае і сталае месца.

Феномен яго пісьменніцкага самавыяўлення шмат у чым з'яўляецца праяўленнем неардынарнай прыроды таленту асобы юбіляра, амаль выключнай з'явы ў нашым пісьменстве. Мы амаль не знойдзем яшчэ аднаго такога прэцэдэнта ў айчынай літаратуры, каб пісьменнік у сталым узросце так хутка, паўнакроўна і плённа мог увайсці ў прафесійны статус мастацкай рэалізацыі.

За адно дзесяцігоддзе У. Гніламедаў выдае эпапейную сямейную хроніку з шасці раманаў «Валашкі на мяжы» (2004), «Уліс з Прускі» (2006), «Расія» (2007), «Вяртанне» (2008), «Вайна» (2010), «Пасля вайны» (2014–2015) (у часопісным варыянце «Полымя» № 11, 12 за 2014 год і «Полымя» № 4, 5, 6 за 2015 год). Галоўнай дзеючай асобай эпапеі стаў беларускі селянін Лявон Кужаль, прататыпам якога з'яўляецца дзед героя нашага артыкула. У гэтай хранікальнай сямейнай раманнай эпапеі нацыянальнага быту і быцця беларуса паўднёва-заходняй часткі Беларусі выразна і яскрава выяўлены і зафіксаваны адзін з этнацыянальных складнікаў ментальнасці і характару нашага народа, раскрыты шматаспектныя асаблівасці фарміравання гістарычнай і экзистэнцыяльнай еднасці людзей, іх саборнага спосабу выжывання ва ўмовах катастрофічных гістарычных падзей ХХ стагоддзя. Адзначым яшчэ тое, што ў гэтым годзе быў надрукаваны раман «Россия» ў перакладзе на рускую мову.

Усіх, хто добра ведае Уладзіміра Васільевіча, перш за ўсё ў ім уражвае і заварожвае моц яго энцыклапедычных ведаў, манера заўсёды паважнай, змястоўнай гутаркі з субяседнікам, неза-

лежна ад яго статусу, дзівіць характар яго маштабнага, стратэгічнага мыслення, якое змяшчае ў сабе адначасна незвычайную гібкасць, лабільнасць, пры наяўнасці незалежнага і грунтоўнага спосабу разумення ім тых ці іншых праблем, што дазваляе яму хутка схопліваць сутнасць навуковай і жыццёвай думкі і сітуацыі суразмоўцы і апанента, дзеля дапамогі ў прыняцці таго ці іншага важнага рашэння.

Ён вельмі чула і глыбінна разумеє логіку развіцця гуманітарнай навукі, адчувае пульс сучаснага часу, цудоўна разбіраецца ў сістэме яго ўнутраных законаў, разумеючы, што навуцы і мастацтву патрэбна свабода думкі і самавыяўлення, сіла боскага натхнення, а залішні бюракратычны ўціск не можа ў поўнай меры спрыяць прафесійнаму росту і развіццю навукоўцаў.

Вось ужо амаль паўстагоддзя знаходзячыся на стырне літаратурнага працэсу краіны – працуючы ў высокіх партыйных органах, з’яўляючыся больш за дваццаць год намеснікам дырэктара Інстытута літаратуры, а затым дзевяць год яго дырэктарам – Уладзімір Васільевіч з разуменнем ставіцца да жыццёвых і навуковых праблем супрацоўнікаў, падтрымлівае іх навуковыя ідэі і творчыя ініцыятывы, дапамагае маладым навукоўцам увайсці ў цікавы, але разам з тым такі глыбінны і складаны свет літаратуры. За свой літаратуразнаўчы куратарскі век ён падрыхтаваў каля 40 кандыдатаў і 4 дактароў філалагічных навук. Трэба адзначыць уласцівае яму ўнікальнае ўменне заспакоіць пачынаючага маладога навукоўца, добразычліва прыняць да сэрца яго клопаты і довады, шчыра ставіцца да яго ўнутранага, можа пакуль толькі эмацыянальнага, суб’ектыўна-наіўнага погляду на навуковую праблему, да яго, магчыма, не зусім слухных перакананняў, каб затым спакойна выказаць сваю думку, якую ты можаш узяць толькі на паверку, ужо зрабіўшы свой самастойны і абдуманы выбар.

Па сваёй натуры Уладзімір Васільевіч прыроджаны лідар, а як добра вядома, прызначэнне сапраўднага лідара быць правадніком Быцця ў свеце. Лідар мае магчымасць як ніхто іншы бачыць прысутнасць Быцця, адчуваць яго творчыя магчымасці. У гэтым, мабыць, і заключаецца выключная роля такіх людзей быць хвалююча неспакойным, будзіцелем, задаваць сабе і іншым цяжкія пытанні навукі і жыцця, шукаць адказ на іх у сваіх манаграфіях і мастацкіх творах у супрацоўніцтве з іншымі людзьмі. Я гэта выразна адчуў падчас свайго амаль трыццацігадовага ведання акадэміка і цеснага супрацоўніцтва з ім у час напісання сваёй навуковай працы. Вельмі сімптаматычным фактам з’яўляецца і тое, што родная дачка Уладзіміра Васільевіча Вольга Уладзіміраўна выбрала сабе жыццёвай сцяжынай таксама служэнне мастацкаму слову, яна паспяхова абараніла кандыдацкую дысертацыю па літаратуразнаўству і зараз працуе ў ВНУ.

Адданая, руплівая і высокакваліфікаваная навуковая, творчая і кіраўніцка-настаўніцкая праца і дзейнасць Уладзіміра Васільевіча была заўважана грамадскасцю і ўладай і не раз удастоена ўвагі і пашаны. Ён з’яўляецца лаўрэатам Літаратурнай прэміі ў галіне крытыкі імя Уладзіміра Калеснікі (1996), прэміі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (2005), Рэспубліканскай літаратурнай прэміі «Залаты Купідон» (2006), узнагароджаны ордэнам Францыска Скарыны (2009) і медалямі. У сакавіку 2017 года рэктаратам роднага БрДУ Уладзіміру Васільевічу было нададзена званне Ганаровага доктара гэтай вышэйшай навучальнай установы.

Уладзімір Васільевіч і зараз працягвае вельмі актыўна і крэатыўна працаваць на ніве нацыянальнага мастацтва слова і культуралогіі. Гуманітарная грамадскасць краіны, сябры віншуюць свайго ганаровага калегу з нагоды яго слаўнага юбілею, жадаюць нашаму шаноўнаму патрыярху айчыннай літаратуразнаўчай навукі яшчэ доўгіх гадоў збору ўраджаю з навуковай і творчай працы, моцнага здароўя, сямейнай сімфоніі жыцця, каб мы, яго калегі і вучні, яшчэ доўгі час маглі наталяць свае душы цеплынёй яго чуйнага, сумленнага і добразычлівага сэрца.

І. М. Шаладонаў

Информация об авторе

Шаладонов Игорь Михайлович – старший научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 200072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: shaladonov@tut.by

Information about the author

Igor M. Shaladonov – Senior Scientific Researcher, Belarusian Culture, Language and Literature Research Centre, National Academy of Sciences of Belarus (1 Surqanov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: shaladonov@tut.by

ПЁТР ГЕОРГІЕВІЧ НІКІЦЕНКА (Да 75-годдзя з дня нараджэння)

2 студзеня 2018 г. спаўняецца 75 год выдатнаму беларускаму вучонаму-эканамісту, акадэміку, саветніку Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктару эканамічных навук, прафесару Пятру Георгіевічу Нікіценку.

Пётр Георгіевіч нарадзіўся ў вёсцы Жыгалава Віцебскага раёна Віцебскай вобласці ў сям’і рабочага. Яго дзіцячыя, юнацкія гады і пачатак працоўнай дзейнасці звязаны з горадам Віцебскам. З 16 гадоў ён пачаў працаваць электразваршчыкам на домабудаўнічым камбінаце, адначасова вучыўся ў сярэдняй школе рабочай моладзі. Па заканчэнні школы быў прызваны ў Савецкую Армію, а пасля службы паступіў на планова-эканамічны факультэт (спецыяльнасць «планаванне прамысловасці») Беларускага дзяржаўнага інстытута народнай гаспадаркі (цяпер Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт), які скончыў у 1969 г. з дыпламам з адзнакай. Падчас вучобы ў інстытуце праявіліся не толькі цікавасць П. Г. Нікіценкі да навукі, але і яго выдатныя арганізатарскія здольнасці – ён быў абраны сакратаром камітэта камсамола інстытута. Маючы актыўную грамадзянскую пазіцыю, ён прымаў удзел у рабоце маладзёжных будаўнічых атрадаў; быў узнагароджаны медалём «За асваенне цалінных зямель».

Арганічнае спалучэнне сфарміраваных у юнацкія гады асабістых якасцей і рыс характару – схільнасць да глыбокага і ўсебаковага асэнсавання праблем і з’яў, патрэба ў пастаянным уласным інтэлектуальным развіцці, арганізатарскія здольнасці, ініцыятыўнасць і актыўная грамадзянская пазіцыя – спрыялі яго далейшай прафесійнай дзейнасці і абумовілі яе паспяховасць: на ўсіх дзяржаўных і кіраўнічых пасадах, якія займаў Пётр Георгіевіч, ён праявіў сябе кваліфікаваным спецыялістам, наватарам, сумленным кіраўніком, які бярэ на сябе адказнасць за даручаную справу і давераны калектыв.

У 1969 г. ён быў абраны другім сакратаром Цэнтральнага райкама камсамола г. Мінска. Затым быў пераведзены на партыйную работу ў Цэнтральны райкам КПБ г. Мінска; у 1978–1983 гг. працуе другім сакратаром Маскоўскага райкама партыі ў створаным Маскоўскім раёне г. Мінска, старшынёй Маскоўскага райвыканкама г. Мінска. Пётр Георгіевіч поруч з прафесійнай займаецца і навуковай дзейнасцю: з 1971 г. ён вучыцца ў завочнай аспірантуры пры кафедры эканомікі прамысловасці Беларускага дзяржаўнага інстытута народнай гаспадаркі. Пасля яе заканчэння ў 1976 г. абараняе кандыдацкую дысертацыю на тэму «Інтэнсіфікацыя вытворчасці і праблемы зніжэння фондаёмкасці ў прамысловасці (на прыкладзе машынабудавання і металапрацоўкі БССР)» і яму прысвойваецца вучоная ступень кандыдата эканамічных навук.

Менавіта ў 1970-я гг. Пётр Георгіевіч сфарміраваўся як вучоны ў галіне тэорыі і метадалогіі эканамічных даследаванняў. Разам з тым сфера яго навуковых інтарэсаў была цесна звязана і з вырашэннем канкрэтных эканамічных праблем. Ён прымае ўдзел у распрацоўцы і рэалізацыі комплекснага плана сацыяльна-эканамічнага развіцця Цэнтральнага раёна г. Мінска на 1976–1980 гг., за што пазней быў узнагароджаны медалём ВДНГ СССР, плана сацыяльна-эканамічнага развіцця Маскоўскага раёна г. Мінска на 1981–1985 гг.

У 1981 г. ён публікуе манаграфію «Інтэнсіфікацыя вытворчасці і фондаёмкасць прадукцыі», у якой абагульнены і разгледжаны праз прызму практычнай дзейнасці вынікі яго папярэдніх навуковых даследаванняў па распрацоўцы метадалагічных асноў інтэнсіфікацыі вытворчасці,

вымярэнні і планаванні фондаёмістасці прадукцыі. За гэтую працу ён быў узнагароджаны Ганаровай граматай Цэнтральнага праўлення навукова-эканамічнага таварыства СССР.

У наступныя гады дзейнасць П. Г. Нікіценкі была звязана з навукова-даследчай і педагогічнай работай у вышэйшых навучальных установах: у 1983–1991 гг. ён з’яўляўся намеснікам дырэктара па вучэбнай і навуковай рабоце Інстытута павышэння кваліфікацыі выкладчыкаў грамадскіх навук пры Беларускам дзяржаўным універсітэце, затым – выконваючым абавязкі дырэктара названага Інстытута і прарэктара БДУ. У 1985 г. яму прысвоена званне дацэнта. Вынікам навукова-педагогічнай працы стала распрацоўка шэрага новых спецкурсаў па пераходу эканомікі на рыначныя асновы і прагназаванню ў новых умовах гаспадарання, арганізацыя навуковых даследаванняў па актуальных эканамічных пытаннях.

У 1991 г. ён заканчвае дактарантуру Аддзялення гуманітарных навук пры ЦК КПСС і пасляхова абараняе ў г. Маскве дысертацию на тэму «Сацыялістычнае назапашванне і фондаэканомны метады павышэння яго эфектыўнасці», у якой адным з першых у Савецкім Саюзе даказвае, што грамадскае ўзнаўленне неабходна ажыццяўляць на макраўзроўні з улікам сацыяльных і экалагічных фактараў, і распрацоўвае адпаведную трохсектарную мадэль устойлівага сацыяльна-эканамічнага развіцця, якая прадугледжвала ўплыў сацыяльных і экалагічных фактараў. У далейшым гэтая мадэль будзе пакладзена ў аснову фарміравання сістэмы ўстойлівага развіцця эканомікі Рэспублікі Беларусь і знойдзе адлюстраванне ў манаграфіі «Мадэль устойлівага сацыяльна-эканамічнага развіцця Беларусі: праблемы фарміравання і развіцця» (2000) і ў шэрагу Дзяржаўных праграм. У тым жа 1991 г. яму прысвоена званне прафесара (БДУ).

На пачатку 1990-х гг. П. Г. Нікіценка зноў на дзяржаўнай службе: у 1991 г. ён быў прызначаны першым намеснікам старшыні Мінскага гарвыканкама – старшынёй камітэта па эканоміцы і эканамічнай рэформе Мінгарвыканкама. Галоўнай яго дзейнасцю з’яўлялася распрацоўка і рэалізацыя праграм сацыяльна-эканамічнага развіцця горада. У планах і праграмах, якія распрацоўваліся пад кіраўніцтвам П. Г. Нікіценкі, рэалізавалася галоўная ідэя – інавацыйная мадэль і гарманічнае ўзаемадзеянне чалавецтва і прыроды. За вялікія дасягненні ў эканамічнай навуцы ў 1994 г. яго абіраюць членам-карэспандэнтам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

З 1995 па 1998 г. Пётр Георгіевіч з’яўляецца дырэктарам з беларускага боку сумеснага беларуска-германскага прадпрыемства «Мінскі міжнародны адукацыйны цэнтр», створанага як вынік супрацоўніцтва горада Мінска з зямлёй Паўночны Рэйн-Вестфалія. Знаходзячыся на гэтай пасадзе, ён уклаў шмат сіл і энергіі ў фарміраванне і развіццё цэнтра, ва ўмацаванні сувязі вучоных Беларусі і Германіі, у развіццё эканамічнай думкі. Не парываў П. Г. Нікіценка сувязі і з ВНУ, працягваў навуковую работу: у Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь стварыў і ўзначаліў кафедру дзяржаўнага кіравання, апублікаваў кнігу «Жыць сваім розумам, або куды ідзе Беларусь» (1995).

Далейшая яго прафесійная дзейнасць звязана з Нацыянальнай акадэміяй навук Беларусі – з 1998 па 2010 г. ён працуе на пасадзе дырэктара дзяржаўнай навуковай установы «Інстытут эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі». Кампетэнцыя і багаты практычны вопыт Пятра Георгіевіча былі запатрабаваны галоўнай навуковай установай краіны для вырашэння звышскаладанай задачы – глыбокага навуковага асэнсавання стану і магчымых кірункаў эканамічнага развіцця Беларусі і распрацоўкі тэарэтычнай базы фарміравання нацыянальнай эканамічнай мадэлі Рэспублікі Беларусь. Паралельна з кіраваннем Інстытутам у 2002–2009 гг. ён з’яўляецца акадэмікам-сакратаром Аддзялення гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, членам Прэзідыума Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі; з 2010 г. працуе саветнікам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

З’яўляючыся дырэктарам Інстытута эканомікі НАН Беларусі Пётр Георгіевіч сканцэнтраваў творчыя намаганні калектыву на распрацоўцы нацыянальнай мадэлі сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь у кантэксце міжнароднай інтэграцыі, спрыяў працэсу фарміравання інстытута як комплекснай эканамічнай навуковай установы, якая спалучае фундаментальныя даследаванні з распрацоўкай мэтавых прыкладных праграм развіцця нацыянальнай эканомікі Беларусі. Для вырашэння гэтых задач у інстытуце былі адкрыты новыя, аптымізаваны існуючыя і адноўлены былыя кірункі навуковай дзейнасці, сярод якіх даследаванні сусветнай эканомікі

і міжнародных зносін з сусветнай супольнасцю; механізмаў макраэканамічнага рэгулявання; інавацыйнага развіцця; вывучэнне рэсурснага патэнцыялу, праблем забеспячэння эканамічнай бяспекі і шэраг іншых актуальных напрамкаў. Створаныя ў інстытуце арганізацыйныя структуры дазволілі паспяхова ажыццявіць выкананне комплексу актуальных сацыяльна-эканамічных даследаванняў.

Так, пад кіраўніцтвам П. Г. Нікіценкі інстытутам распрацаваны Комплексныя прагнозы навукова-тэхнічнага прагрэсу Рэспублікі Беларусь на 2001–2020, 2006–2025 і 2011–2030 гг., у якіх былі вызначаны прыярытэты і стратэгія інавацыйнага развіцця; распрацаваны Нацыянальныя праграмы развіцця экспарту Рэспублікі Беларусь на 2001–2005, 2006–2010, 2011–2015 гг., якія сталі навуковай асновай фарміравання экспертнай палітыкі і знешнеэканамічных зносін Рэспублікі Беларусь; Комплексныя праграмы развіцця сферы паслуг на 2004–2005 і 2006–2010 гг.; Праграма развіцця лагістычнай сістэмы Рэспублікі Беларусь на перыяд да 2015 г.; Нацыянальная праграма развіцця турызму Рэспублікі Беларусь на перыяд да 2005 г.; Метадычныя рэкамендацыі па ацэнцы эфектыўнасці выкарыстання ў народнай гаспадарцы рэспублікі вынікаў навукова-даследчых, вопытна-канструктарскіх і вопытна-тэхналагічных работ і інш. Быў выкананы шэраг дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў, сярод якіх «Нацыянальная эканоміка», «Нацыянальная эканоміка і стратэгія развіцця», «Эканоміка і грамадства» і «Нацыянальная бяспека», а таксама Дзяржаўная праграма «Эканоміка і сацыяльная палітыка».

Прызнаннем вялікага ўкладу Пятра Георгіевіча ў развіццё і арганізацыю эканамічнай навукі Беларусі стала яго абранне ў 2000 г. акадэмікам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі.

Сёння П. Г. Нікіценка – вядомы вучоны ў галіне палітычнай эканоміі, эканомікі дзяржаўнага будаўніцтва і кіравання. Ён упершыню абгрунтаваў і ўвёў у сусветны навуковы ўжытак паняцце «наасферная эканоміка» як эканоміка, заснаваная на выкарыстанні планетарнага розуму-ведаў, распрацавана трохсектарная мадэль грамадскай вытворчасці, сфармуляваны эканамічныя асновы і прыярытэты інавацыйнага развіцця. Пётр Георгіевіч – аўтар тэарэтыка-метадалагічных і метадычных распрацовак па праблемах наасфернай эканомікі, інавацыйнай дзейнасці, нацыянальнай бяспекі, устойлівага развіцця Беларусі, кластэрнай арганізацыі вытворчасці. У сваіх працах акадэмік паслядоўна раскрывае палажэнне аб тым, што ўсе краіны знаходзяцца ва ўмовах аб'ектыўнага трансфармацыйнага імператыву – неабходнасці пераходу да рэалізацыі новай наасфернай планетарнай светапогляднай канцэптуальнай парадыхмы сацыяльна-эканамічнага развіцця: забеспячэння гарманізацыі макрасістэмы «Прырода – Чалавек – Грамадства», дзе каштоўнасцю і самакаштоўнасцю грамадскага ўзнаўлення становяцца Чалавек і прырода з улікам выкарыстання міжнародных цывілізацыйных стандартаў, прынцыпаў і тэндэнцый, але з захаваннем сваёй натуральнай гістарычнай, духоўнай і матэрыяльнай культуры.

Вынікі даследаванняў П. Г. Нікіценкі заўсёды мелі не толькі тэарэтыка-метадалагічнае, але і важнае прыкладное значэнне, яны атрымалі ўкараненне ў сістэме вышэйшай адукацыі і дзяржаўнага кіравання Беларусі, у тым ліку ў шэрагу распрацаваных у Інстытуце эканомікі дакументаў і праграм, што вызначалі стратэгію і дынаміку развіцця дзяржавы.

Навуковыя дасягненні Пятра Георгіевіча апублікаваны больш чым у 600 навуковых працах (ім самастойна і ў суаўтарстве з іншымі навукоўцамі), у тым ліку больш 30 манаграфій, навучальных дапаможнікаў і слоўнікаў. Сярод найбольш значных з іх можна вылучыць наступныя манаграфіі: «Цывілізацыйны працэс пад вуглом наасфернага гледжання» (2002), «Імператывы інавацыйнага развіцця Беларусі: тэорыя, метадалогія, практыка» (2003), «Наасферная эканоміка і сацыяльная палітыка: стратэгія інавацыйнага развіцця» (2006), «Антыкрызісная мадэль жыццядзейнасці Беларусі» (2009), «Філасофія і ідэалогія жыццядзейнасці Беларусі: тэарэтычныя асновы антыкрызіснай мадэлі і механізмы яе рэалізацыі» (2009), «Сацыядынаміка Беларусі, Расіі і Украіны: палітыка-эканамічны аспект» (2010).

За час сваёй навуковай дзейнасці П. Г. Нікіценка падрыхтаваў і атэставаў больш за 200 дактароў і кандыдатаў эканамічных навук як з Беларусі, так і іншых краін. На працягу шэрага гадоў ён быў старшынёй экспертнага савета Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь па эканамічных навук, узначальваў Савет па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый пры Інстытуце эканомікі НАН Беларусі.

Пётр Георгіевіч неаднаразова адзначаўся высокімі ўрадавымі і грамадскімі ўзнагародамі за дасягненні ў галіне навукі і дзяржаўнай дзейнасці. Ён узнагароджаны медалямі СССР, Ганаровымі граматамі Вярхоўнага Савета БССР і Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, сярэбраным медалём ВДНГ СССР, Ганаровай граматай Навукова-эканамічнага таварыства СССР «За лепшую апублікаваную работу ў галіне арганізацыі і кіравання эканомікай», медалём Францыска Скарыны, залатым медалём Саймана Кузнеца, Ганаровымі граматамі Мінгарвыканкама, Вышэйшай атэстацыйнай камісіі, Дзяржкамітэта па навуцы і тэхналогіях Рэспублікі Беларусь. П. Г. Нікіценка з'яўляецца лаўрэатам прэмій Прэзідэнтаў акадэміі навук (Украіны, Беларусі, Малдовы) за выдатныя навуковыя дасягненні (2002), Міжакадэмічнага міжнароднага рэйтынг папулярнасці «Залатая фартуна» (2004); узнагароджаны знакам «Выдатнік адукацыі Рэспублікі Беларусь», граматамі міністэрстваў і ведамстваў.

Сёння, працуючы саветнікам Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі і галоўным навуковым супрацоўнікам Інстытута эканомікі, Пётр Георгіевіч працягвае навуковую распрацоўку наасфернай мадэлі развіцця чалавецтва, даследаванне ключавых праблем сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь, годна прадстаўляе беларускую эканамічную навуку на айчынных і замежных навуковых форумах і кангрэсах. Высока запатрабаваны інтэлектуальны патэнцыял і багаты навуковы і арганізацыйны вопыт акадэміка і ў навукова-экспертным асяроддзі: П. Г. Нікіценка з'яўляецца намеснікам старшыні Савета па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысэртацый Д 01.46.01 пры Інстытуце эканомікі НАН Беларусі, членам навуковай секцыі «Сацыяльна-эканамічныя навукі» Дзяржаўнага экспертнага савета № 8 «Сацыяльна-эканамічныя, гуманітарныя і грамадскія навукі», членам секцыі Праблемнага савета па пытаннях сацыяльна-эканамічнага развіцця Рэспублікі Беларусь пры Аддзяленні гуманітарных навук і мастацтваў НАН Беларусі, членам Савета старэйшын пры Мінскім гарвыканкаме, членам рэдкалегій шматлікіх айчынных і міжнародных часопісаў, акадэмікам шэрага міжнародных акадэміі і асацыяцый (Міжнароднай інжынернай акадэміі, Расійскай акадэміі прыродазнаўчых навук, Міжнароднай акадэміі арганізацыйных і кіраўнічых навук, Еўрапейскай асацыяцыі арганізацыі і кіравання вытворчасцю і інш.).

Шчыра віншуем Пятра Георгіевіча з юбілеем, жадаем моцнага здароўя, доўгай і плённай працы, новых дасягненняў у навуцы і грамадскай дзейнасці.

Калектыў супрацоўнікаў Інстытута эканомікі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі